

Акурат

Деятель

роман

12+

Акурат Деятель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66266818

SelfPub; 2021

Аннотация

Многое из того, что излагал Волк для Тихони было непонятно, туманно, в некоторой степени сомнительно и, в то же время, после честных попыток внедрения, если уж и не срабатывало на все сто, то в любом случае всегда обнадёживало и поднимало настроение. А относительно своей жизни Тихоня и сам видел – кое-что давно уже стоило поменять и пускай бредовый, но вот он способ. «Бог с ними, с прошлыми жизнями, – подумал Тихоня, – вспомнить бы эту хоть немного!.. Вот только... с чего начать?..» Хорошей памятью он не мог похвастаться, но... как не раз говорила ему Ведьма «просто начните с того о чём думаете!». Ни о чём конкретном не думалось, но исключительно потому что Школа занимала так много места в его жизни, направление мысли долго выбирать не пришлось и он «просто начал»...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	11
Часть вторая	123
Часть третья	323
Эпилог	367

Акурат Деятель

Пролог

– Я не подпишу твоё заявление, – раздражённо сказал Белый Дракон и отшвырнул листок от себя. – Ты совершаешь ошибку, и я не отпущу тебя!

Это было что-то новенькое. Тихоня замер от неожиданности. Не то чтобы недовольство Белого Дракона было необычным. Такое уже случалось, и не раз, и почти всегда из-за того, что Тихоня что-нибудь делал не так. Однажды даже серьёзно встал вопрос об отчислении из Школы. Поэтому вполне логично было бы спокойно избавиться от туповатого ученика, тем более, что он и так хочет уходить... Но, чтобы Сам, собственной персоной Белый Дракон, два месяца назад повышенный в должности, получивший новый кабинет, нужный теперь чуть ли не всем обитателям Школы, грозный и почти всесильный, не хотел тебя отпускать?! Вот это, действительно, сюрприз. "Зачем я ему?" – подумал Тихоня. Но спрашивать не стал. На всякий случай. Тут чувствовался какой-то подвох. Может, это одна из фирменных штучек Учителя? Немного потоньше, чем, к примеру, светящиеся глаза или молнии с потолка – арсенал у него богатый... Недаром

он стал начальником, а почётное звание "Хамелеон" получено им когда Тихони ещё и на свете не было... Спрашивать ничего не надо, а лучше насладиться моментом. Если считать, что это уговоры, то... приятно когда тебя уговаривают, пусть и таким способом. Тихоня молчал и, опустив голову, разглядывал краешек стола.

Он вдруг подумал, что, несмотря на, без малого, трёхлетнее знакомство, совсем не знает Белого Дракона. Чем тот живёт вне Школы? Что делает дома? И какой у него дом? Чем интересуется, что читает? Есть ли семья?.. Ничего! Хотя на занятиях он говорит много и с удовольствием. Рассказывает разные истории. Большею частью занимательные – про других великих Руководителей или Созидателей. Иногда жутковатые и неприятные – про солдат, которые кого-то насилуют или что-то похуже... Но о себе ни слова! Когда Тихоня поступил к нему на обучение, то совершенно очаровался им. Мог слушать и слушать его часами. Потом очарование сменилось страхом высочайшего недовольства и последующего отчисления. Затем появился скепсис и осторожные революционные вылазки. А завершилась вся эта чехарда более-менее спокойной отстранённостью и партизанским отношением к словам и действиям Белого Дракона. Тут, конечно же, не обошлось без Волка... Он, без сомнения смутьян, этот Волк. Всегда заявит вдруг что-нибудь такое, отчего все застывают в ужасе, а потом тут же начинает извиняться, мол, «простите, пошутил» или «был неправ»... Вот и дошутил-

ся!.. Как раз в него-то, без всяких шуток, и попала одна из молний учителя. К счастью Волк остался жив, и, мало того, нашёл в себе силы закончить обучение у другого Руководителя. Правда это ему ничего не дало, но он до сих пор придерживается другого мнения...

Белый Дракон откинулся в кресле и закурил, глядя на Тихоню своим характерным прищуром. Он всегда был нетороплив, не суетен. Может этим и брал? Умел подождать. Это всем нравится... Тихоня по-прежнему молчал. И не потому что колебался – решение об уходе из Школы Деятелей далось ему нелегко, но он принял его твёрдо и бесповоротно. Тем более что, по большому счёту, иного выхода и не было – так Тихоне заявила Ведьма – либо жизнь, либо тихая смерть где-нибудь в недрах Школы, на уроке по Адаптации или Мимикрии, или «чем вы там ещё занимаетесь»... Не доверять Ведьме не было никаких оснований, она всегда оказывается права. Молчал Тихоня потому, что знал один единственный способ противодействия неодолимой силе убеждения Белого Дракона. Сработать он мог лишь в одном случае из тысячи, но попробовать стоило. Оружие было очень простое – почтительное молчание! Тихоня боялся и не хотел словесного поединка. Исход известен заранее – его опять уговорят, он согласится и что потом? Снова записываться на приём с заявлением?.. Глупо!.. Но самое худшее не это, а то, что если начнутся выяснения почему и отчего, как он объяснит? Расскажет про Волка и Ведьму? Да Белый Дракон даже упо-

минания про Волка не потерпит – уничтожит на месте. И про Ведьму лучше не заикаться, не поймёт. Короче, теперь ситуация принципиально другая – вопрос ребром. Поэтому и действовать надо примитивно – молчишь, как на допросе и от тебя отстают... будем надеяться. Ну а не сработает... Всё-таки жизнь дороже, и если его не отпустят по-хорошему, он устроит саботаж или, в крайнем случае, диверсию, но в Школе не останется ни за что. Только бы не начал расспрашивать!.. Тихоня слегка улыбался и почтительно НЕ смотрел на собеседника. Белый Дракон докурил сигарету и резко выпрямившись в кресле, безразлично сказал:

– Впрочем, если ты настаиваешь...

Тихоня почувствовал гигантское облегчение – над ним сжалились и пощадили.

Не поднимая глаз, он тихо, но уверенно сказал:

– Да, я настаиваю!..

– Хорошо, – легко ответил Белый Дракон и подвинул к нему подписанное заявление.

Тихоня сделал ещё одну небольшую паузу, без резких движений взял лист и поднялся. Теперь можно и даже нужно было посмотреть на своего, уже бывшего, Первого Руководителя. Разумеется, не в глаза. Пару раз за всё время обучения Тихоне доводилось смотреть в глаза Белому Дракону больше двух секунд. Вопреки рассказам старожиллов, смертельным исходом это не закончилось, но повторять те свои невольные подвиги очень не хотелось!

В рамках субординации, как исключение, допускалось смотреть в глаза Руководителю не более 2-х секунд и исключительно для того, чтобы лучше усвоить его наставления, приказы или рекомендации для точного их выполнения. В остальных случаях Правила Школы Деятелей предписывали Ученику-Сотруднику смотреть на любого вышестоящего Начальника не выше воображаемой линии, проходящей на уровне его плеч. Это правило Тихоня выполнил в точности. Теперь нужно было подождать, когда тебя отпустят.

– Напрасно ты это делаешь, – холодно сказал Белый Дракон и добавил, – дурак!

Отвернувшись, он дал понять, что встреча окончена. Тихоня, как полагалось, постоял ещё секунду, попрощался и медленно вышел за дверь, осторожно закрыв её за собой. Его немного озадачило такое поведение Белого Дракона. Говорят, когда кого-то отчисляют, по Правилам Руководитель должен провести утешительную беседу, ободрить ученика, подсказать ему куда пойти дальше учиться или работать, в общем, дать наставления на будущую жизнь... А тут... несколько странных фраз и всё! Не мог же такой... – наверное, он всё-таки человек – нарушить Правила?! Странно! Тихоня прислушался – из-за массивных дверей не доносилось ни звука. «Ладно, – подумал он, – об этом можно поразмышлять и подальше отсюда. Не будем испытывать судьбу!...»

Проделав привычное путешествие по лабиринтам лест-

ниц, коридоров и залов, Тихоня вышел, наконец, из полутёмных и прохладных стен Школы во влажную духоту улицы. В Природе стояло лето, теплынь, солнце и, похоже, ей не было никакого дела до глобальных и, безусловно, талантливых замыслов людей. Сколько раз, выходя после занятий на улицу, Тихоня замечал это противоречие. И каждый раз хотелось непременно додумать, дочувствовать, понять до конца, разрешить его как-то. Но ответ постоянно ускользал, растворялся в безумной усталости или в стремительно подхватывавшей суете.

Теперь же думать не хотелось, никаких противоречий отныне не существовало. Не надо рано вставать, чего Тихоня терпеть не мог. Не надо повторять утомительные упражнения, не надо голодать, пропадая на нескончаемых лекциях. Не надо уставать почти до потери сознания. И, самое главное, с этого дня и во веки веков никогда не будет этих жутких Демонстрационных Показов! Их Тихоня не любил больше всего – самое нервное мероприятие, проходившее чуть ли не каждый день. То надо было показывать своему Первому Руководителю усвоенное упражнение или выполненное задание, то устраивался показ для вышестоящего начальника, а раз в несколько месяцев специальная комиссия из Высшего Руководства Школы устраивала генеральный смотр успехов учащихся... Справедливости ради, нужно отметить, что последнее время, будучи по болезни в отпуске, ему и не приходилось всё это делать, но необходимость обязательного воз-

вращения оставляла в постоянном, изнуряющем напряжении и отравляла существование. Теперь ничего подобного в его жизни не будет, и постепенно осознавая этот новый факт, Тихоня сравнивал свои ощущения с освобождением из тюремного заключения. И, несмотря на то, что дальнейшие жизненные перспективы не давали о себе знать, впервые за последние три года, Тихоне стало легко и даже весело... Он посмотрел по сторонам и улыбнулся. Никто не подошёл к нему, не подскочил, не подбежал, не вырос рядом, не окликнул – лето, все в разъездах. Он шумно выдохнул и пошёл по улице, прочь от величественного здания Школы. Теперь нужно было найти какой-нибудь транспорт, чтобы добраться до дома.

Часть первая

1

Фургон, давно уже маячивший на горизонте, наконец, приблизился и, угрюмо рыча, со скрипом и стонами нехотя подползал к остановке. Тихоня, не любивший общественный транспорт, с удовлетворением отметил, что по счастью фургон оказался длинным, а значит есть надежда на свободные места и обладал большими окнами, а значит, в крайнем случае, можно будет сосредоточиться на пейзаж за ними... С транспортом в Городе последнее время складывалась напряжённая обстановка. У кого есть такая возможность, предпочитают передвигаться на собственных самоходках. Старики стараются не отходить далеко от дома – только до магазина и обратно. А остальным тяжело – перевозку можно и не дожидаться вовсе, а идти пешком километров по пятнадцать или больше мало кто может себе позволить – и времени на это нет и сил! Говорят, Поселенцы умеют так долго ходить и практически не уставать, но они в Городе не водятся... У них там хорошо, в Лесу. И вода чистая и воздух другой и еда натуральная. А механизмов, говорят, почти совсем никаких нет. Может оттого они такие крепкие? Тихоня, правда,

ни одного живьём не встречал, но рассказов слышал много, и видел изображения. Хотя... изобразить нынче можно что угодно... Тихоня забрался в салон, свободные места действительно были и он устроился на одно из них, – любимое с детства, – у окна. Фургон ещё какое-то время поотдувался, с лязгом задвинул двери и, задрожав всем своим проржавевшим телом, медленно отлепился от остановки. Путь предстоял долгий и Тихоня пожалел, что забыл взять с собой книгу. В окно смотреть быстро надоело, и он стал вспоминать аудиенцию у Белого Дракона. «Странно, – подумал Тихоня. – Не спросил, почему я ухожу!.. И более странно, что отказывался подписать заявление... А потом, раз, и подписал. И дураком обозвал!.. Да... чем дальше находишься в Школе, тем меньше понимаешь слова и поступки людей. Хотя, Белый Дракон утверждал, что именно этому нас и учит! Хорошо ещё, что не принялся расспрашивать, а то бы я про Волка наверняка ляпнул...» Вспомнился, кстати, последний разговор с Волком. Тот никогда не отказывал в общении, но всегда выдавал столько информации, что неподготовленному Тихоне по первости становилось плохо и приходилось прерывать сеанс, чтобы осмыслить всё услышанное. Потом стало поприличнее, выработалась какая-никакая стойкость к умопомрачительным откровениям и выводам Волка. Из всего массива получаемых сведений Тихоня удерживал в памяти едва ли десятую часть и постоянно возвращался к прежним темам, задавая одни и те же вопросы. Волк не сердился, а всегда с

удовольствием отвечал снова и снова. Обыкновенно их разговоры длились нескончаемо долго и обоим было не остановиться. Но в этот раз общение выдалось неожиданно кратким. Как обычно Волк вызвал Тихоню и, спросив как дела и самочувствие, почти сходу бухнул, что пришла новая тема. Тихоня спросил какая. Волк сделал всегдашнюю паузу, чтобы точнее сформулировать для сообразительного собеседника и сказал:

– В общем... эээ... теперь можно менять прошлое...

– Какое? – спросил Тихоня.

– Любое... эээ... можно прошлое этой жизни... ммм... а можно даже и предыдущих...

– А как ты поменяешь прошлое, оно же свершилось уже, зафиксировалось? – не понял Тихоня.

– Ммм... да вот в том то и дело, что не зафиксировалось... Эээ... если принять во внимание, что время... вещь вспомогательная, так сказать, необходимая мера воздействия на несовершенное ещё, трёхмерное существо, то есть... ммм... на самом деле его в остальной Вселенной нет, и всё – прошлое, настоящее, будущее – содержится ... эээ ... в одной точке, существует одновременно и связано друг с другом, то... ммм... можно воздействовать на отдельные составляющие этого целого... и... эээ... меняя что-то одно, ты автоматически, меняешь и остальное...

– Угу, – начал вникать Тихоня.

– В данном случае... эээ... пока наше сознание как бы

разорвано и существует ... эээ... фрагментами, то мы можем поменять всё... эээ... меняя знакомое нам прошлое из настоящего.

– Тогда поменяется и будущее и само настоящее? – спросил Тихоня.

– Ну, да, да, конечно же... В общем, методика такая. Берёшь любой эпизод в прошлом. Особенно проблемный... или вызвавший, на твой взгляд, проблему и переигрываешь его. Переделываешь. Как будто переписываешь книгу с определённого места. Дописываешь другой финал – лучший, более для тебя благоприятный...

– И что тогда?

– Тогда, когда ты егокрепишь в сознании настолько что как бы забудешь о нём, он отправится дальше, в более тонкие слои твоего существа, – хочешь, называй это подсознанием, – и начнёт там работать, изменяя твоё прошлое, а потом... ммм... как круги по воде, дальше меняя всё остальное... Нагружать тебя сейчас не буду. Попробуй сам, как понял, поработать. Потом расскажешь о результатах. Всё, нам надо гулять. Пока...

– Постой, ты сказал, что не только в этой жизни... а по прошлым как? Я ведь не помню, что было в прошлых жизнях... и никто не помнит... Как переписывать?

– Эээ... сейчас объясню... У тебя здесь есть какая-то проблема. К примеру... эээ... жадность... Так вот, концентрируешься на этом слове. Думаешь о жадности... и... эээ...

ждёшь какого-то ответа, допустим, картинку в сознании. Дальше, посмотрел, что это... предположим, увидел ты, как горит твой дом, а ты какой-нибудь древний торговец... и у тебя там всё сгорает... эээ... полностью, всё имущество и богатство. Ты не согласился с этим, не принял, как данность... ушёл в негатив, обиделся на Бога и так далее. То есть не понял для чего тебе это давалось. А в эту жизнь пришёл уже с той же обидой и с... эээ... боязнью потери... с жадностью пришёл. Вот у тебя ничего и не клеится – всё хочешь прибрать, да сохранить, а отдавать не хочешь... А так нельзя. Если ничего не отдавать, тогда взаимообмена не происходит и останавливается развитие... Ну, дальше и сам знаешь...

– Так а что в такой ситуации переделывать-то? Представить, что не было пожара, что ли?

– Можно, конечно, и представить... эээ... но это, я думаю, не поможет... Лучше всего согласиться... ммм... принять... понять для чего это было нужно...

– И что, это и будет изменение? – с сомнением спросил Тихоня.

– Ну да... ммм... если продолжить мой пример, то получится, что согласишься ты тогда с произошедшим, прими как данность и может тебе дали бы шанс... эээ... подняться, приобрести ряд новых качеств... эээ... может ты бы снова разбогател, но уже с другим отношением к своему богатству... ммм... или НЕ разбогател, но остался бы просто состоятельным в материальном плане человеком, зато счастливым и ду-

ховно богатым при этом... То есть ту жизнь ты бы окончил в спокойствии и счастье и... эээ... ушёл бы без «хвостов», так сказать, с зачётом... И тогда причины для нынешней бедности и жадности нет – ты её убрал... ммм... переписал... Ежели причину убрать, так и следствие уйдёт. То, что каждый из нас здесь имеет, это с одной стороны данность, а с другой... следствие. И если тебе оно сильно мешает, то можешь попытаться его устранить... эээ... вот так. Ну, ладно, нам надо погулять выйти... Так что пока, до связи. Я думаю, сам разберёшься...

Волк отключился, как всегда оставив после себя массу вопросов. «Вот, – подумал Тихоня, – для него всё элементарно – выдал и ушёл гулять! А ты думай теперь...». Волк с Ведьмой (которая была его женой) почему-то любили выйти из дому и ходить по близлежащим дворам. Без цели. Тихоня сначала думал, что «погулять» это название такое, за которым стоит ритуал или ещё что загадочное, но они действительно гуляли и всё. Впрочем, на самом деле никто не знает чем занимается Ведьма, даже когда моет посуду или зашивает мужу носки. По словам Волка, она одновременно видит порядка пятнадцати измерений, а может и больше. Постоянно!

Тихоня после этого разговора пробовал применить новую информацию, но у него ничего не получалось. Он уединялся, медитировал, создавал условия, но... сложность заключалась в другом – мыслей и картинок возникало такое мно-

жество, что разобраться в них было абсолютно невозможно. В голове царила неразбериха и Тихоня пришёл к выводу, что упустил нечто важное, пообещав себе в следующий раз обязательно расспросить Волка о подробностях и нюансах и на время оставил попытки. Сейчас же, когда так спокойно и естественно всплыло предложение Волка, Тихоне, пользуясь возможностью подаренной вынужденным бездействием, захотелось попробовать снова – вдумчиво и неторопливо. Многие из того, что излагал Волк для Тихони было непонятно, туманно, в некоторой степени сомнительно и, в то же время, после честных попыток внедрения, если уж и не срабатывало на все сто, то в любом случае всегда обнадеживало и поднимало настроение. А относительно своей жизни Тихоня и сам видел – кое-что давно уже стоило поменять и пускай бредовый, но вот он способ. «Бог с ними, с прошлыми жизнями, – подумал Тихоня, – вспомнить бы эту хоть немного!.. Вот только... с чего начать?..»

Хорошей памятью он не мог похвастаться, но... как не раз говорила ему Ведьма «просто начните с того о чём думаете!».

Ни о чём конкретном не думалось, но исключительно потому что Школа занимала так много места в его жизни, направление мысли долго выбирать не пришлось и он «просто начал»...

Своё детство Тихоня не находил каким-то особенным. Его родители не были бедны, но и богачами тоже не слыли. Высокими званиями оба не блистали и, кроме заведения потомства, не имели ровным счётом никаких достижений ни в одной из многочисленных областей применения человеческих сил. Момент для появления на свет Тихоня избрал самый, что ни на есть, наилучший – в Стране уже несколько десятков лет никто не воевал, сильно не бунтовал и жизнь протекала спокойно и размеренно. Подавляющая часть родившихся тогда детей с избытком обеспечивалась всем необходимым и не испытывала ни в чём нужды. Разве что, кроме родительского внимания, отдававшегося почти целиком работе и отчасти долг этот выплачивали бабушки и дедушки, освобождённые от радостно-добровольной обязанности каждодневного труда. Тихонино поколение, с пелёнок заласканное и избалованное, дало впоследствии мало талантливых и светло реализовавшихся людей. Единицы нашли себя в созидательных делах, сумев обрести компромисс между «суровой реальностью» и поэзией собственной Души. Кое-кто из них стал знаменит, породив (обычно ценой своей жизни) отряды подражателей, завидующих, уважающих и, изредка, последователей. Остальные же либо неприкаянно бродят по миру, в поисках Истины и Умиротворения, а чаще доказы-

вая кому-то собственную состоятельность, либо пытаются удачу в области получения различной выгоды, часто связанной с обманом вольным и невольным. Последняя стезя, манившая поначалу сказочными перспективами, на деле не приносила ни ожидаемого счастья, ни какой бы то ни было пользы – значительную часть жизненного времени и сил приходилось тратить на борьбу с чувством вины, страхом возмездия и потери нажитого, а также на то чтобы заново ловить и подпитывать краткое, постоянно ускользающее удовлетворение. Родители Тихони, как и большинства его ровесников, сами не испытали радостей детства. Им достались разруха и опустошение последней большой войны, длившейся несколько долгих лет и отобравшей не только отцов, но и самую прекрасную пору жизни, её рассвет. Перетерпев полуголодное и полураздетое младенчество, они при первой возможности переходили к трудовой деятельности, помогая взрослым восстанавливать Страну и не знали что это такое – беззаботное, сытое счастье детства. Поэтому, став любящими родителями, каждый в меру личных, сугубо теоретических, представлений о предмете, всеми силами постарались обеспечить своим детям «достойную жизнь». В результате, как только ребёнок начинал более-менее осознанно глядеть на окружающий мир, его тут же брала в оборот новейшая философия, суть которой в основном сводилась к следующему – «жизнь коротка, надо стремиться быть лучшим и первым, чтобы хорошо устроиться и получать от жизни удовольствие. И не аб-

страктно-чувственное, а реально-материальное. Нужно помнить, что всего на всех не хватит, поэтому смотри чтобы тебя не опередили, береги завоёванное и в крайнем случае, все средства хороши для достижения твоих целей. Кроме того надо быть упорным и бороться, чтобы сверху тебя заметили, отметили, поощрили, продвинули и, как неизбежное следствие, вручили вознаграждение!». Тихоне такая философия сразу показалась скучной и не заинтересовала его – тем паче, что он ещё умел, как и всякий ребёнок, наслаждаться бытием, как таковым, без условий. С другой стороны удачным можно было считать тот факт, что ни мать, ни отец не стали приучать его «ходить по головам» чтобы добиваться своего, и не сотворили из него идеального потребителя, следя – для его же безопасности – лишь за тем, чтобы он не выделялся из общей массы. И сперва это удавалось – Тихоню считали всего-навсего немного скандальным и чуть более, чем другие, капризным мальчиком, что впрочем не являлось отклонением от нормы. Но с течением времени он всё разительнее отличался от своих сверстников. Первое, что кроме скандальности было отмечено и не только им – он раньше других научился читать и писать. И не как-нибудь, а быстро и грамотно. На этом дело не закончилось. Внешне это был обычный ребёнок из обыкновенной среднестатистической семьи. Ничего выдающегося или мало-мальски интересного. И сам он удачно соответствовал до поры до времени этой видимости – чему, к слову, в какой-то мере поспособствовала его

бабушка, которая когда бывала не в духе, со свойственной деревенским выходцам прямоотой, вслух сравнивала своего внука с фрагментом элементарного удобрения оформленного как известное лакомство... Тихоня, от рождения умея созерцать и наблюдать, рано заметил скуку и тоску, сопровождавшую существование его родителей и взрослого окружения. Складно мыслить он ещё не умел, но чувствовал вполне логично и чётко, что скоро привело его к осознанию необходимости поиска и выбора такого образа жизни, при котором скучать и тосковать ему не пришлось бы. И вот, спустя какое-то время, люди вокруг стали замечать в нём спонтанное проявление некоторых действительно интересных способностей. Например, к изменению формы по собственному желанию или, позже, склонность к звуковому и визуальному воздействию. Происхождение этих пугающих, но манящих своей загадочностью даров неизвестно и совершенно нелогично – никто из родных ими не обладал. Не смотря на это обнаруженные таланты и не думали «проходить со временем», как уверяли врачи, а росли и ширились, становясь чем-то вроде предмета гордости родителей. Которые знали, что, как все нормальные люди, они обязаны гордиться своим ребёнком и должны, как все нормальные люди, делать это во что бы то ни стало и несмотря ни на что. А куда Тихоня не мог предложить им ничего более существенного чем подозрительные и странные проявления, то пришлось скрепя сердце смириться и рекламировать то, что есть... На их удивление другие

родители искренне восхищались и смотрели с уважением на производителей таланта, пусть даже и странноватого...

Для счастливого же дарования всё это было как-то несерьёзно. Скорее, забавно. И когда кто-то из взрослых вдруг сказал Тихоне, что у него одна дорога – в Школу Деятелей, тот удивлённо спросил: "Зачем?". Ему ответили: "Ну, будешь известным человеком. Будешь... это... что-нибудь показывать! Тебя все будут знать и уважать...". Тихоня не придавал ровно никакого значения данному откровению – он тогда ещё и знать не знал ни о какой Школе, а о Деятелях ему было известно только то, что они существуют. Хотя, несколько раз его ребёнком брали с собой на вечерние Демонстрации в Центр Воздействий. Единственное, что Тихоня запомнил это то, как он с парочкой таких же культурно воспитуемых, носился по коридорам, окружавшим снаружи Главный Зал. Ему нравилось начало действия, когда звонили в колокольчик, все вдруг затихали и в Зале медленно гас свет. Было в этом нечто таинственное и обещавшее какие-то волшебные подарки. Но дальше ничего особенного не происходило, и маленький Тихоня отправлялся в коридор с мягкой ковровой дорожкой красного цвета. Там было тихо, чисто, и вкусно пахло лакированным деревом и кожей. Кроме удовольствия побегать, в программу вечера неизменно входило что-нибудь вкусненькое, запретное в обычной жизни, которое родители приносили во время перерыва из буфета. Вот и всё, что Тихоня мог бы вспомнить о походах в Центр Воз-

действий, не более... Деятели и то, что с ними связано мало его интересовало, а точнее, не интересовало вовсе. Он готовил себя к другой стезе – исследованию Океана. Его стихия – уходить в далёкие и долгие экспедиции, обрастать бородой, покрываться загаром и, конечно – как же без этого?! – рискуя собой опускаться в неизученные недра, открывая попутно что-нибудь новое и полезное... Но, как это бывает с большинством молодых людей готовящихся ко взрослой жизни, родственное вкупе с дружественным окружение готовило ему иное будущее и разговоры о Школе Деятелей всё чаще звучали в поле восприятия Тихони. Разумеется, после того, как тебе твердят на протяжении нескольких лет, что у тебя способности, вернее, «не побоимся этого слова», Талант, и в срочном порядке нужно идти туда-то и других вариантов попросту нет, ты уже, сам не зная почему, особо не размышляешь, а идёшь куда сказали. Тем более что ты молод, неопытен, в этой самой взрослой жизни пока что не разбираешься, а мудрые старшие и чуткие друзья подсказывают и лучше тебя понимают что к чему. В итоге, к моменту окончания своего Районного Общеобразовательного Центра Тихоня не сомневался куда следует направить своё движение. На отдельной деловой встрече для выпускников он озвучил личные планы на ближайшее будущее и тут же получил подтверждённое справкой звание Соискатель.

Первая попытка поступления оказалась неудачной, несмотря на то, что Тихоня отнёсся к ней вполне серьёзно. Сначала он разыскал Мину – старую и опытную сотрудницу одного из филиалов Центра Воздействий. Тихоня иногда посещал её кружок по Истории Превращений, который она после основных уроков вела в Общеобразовательном Центре. Мина быстро вспомнила Тихоню и, по старому знакомству, согласилась потренировать его. Заниматься было негде, так как престарелую, но неутомимую Мину всё-таки выпихнули недавно на заслуженный отдых, поэтому она предложила свой дом в качестве учебной демонстрационной площадки. Тихоня всегда с теплотой вспоминал старушку Мину и её «домашние уроки». Она как никто умела похвалить и поддержать. Во всяком случае, с ним именно так и было. Во время каждой тренировки она не раз находила повод для одобрения и воодушевляющего слова. А её любимую фразу «Дорогу осилит ИДУЩИЙ!» он запомнил на всю жизнь и в тяжёлые минуты повторял её про себя голосом и интонацией Мины. Она восторженно рассказывала Тихоне о Центре Воздействий и старых Деятелях, которых лично видела. Ей самой не удалось состояться Деятелем в полной мере, но она ни о чём не жалела и не жаловалась. В Демонстрациях поучаствовать ей довелось и того довольно! Она так одухотво-

рённо говорила о Деятелях, что Тихоня впервые всерьёз заинтересовался этой профессией. С Миной Тихоня чувствовал себя могучим и непоколебимым и остался благодарен ей за то, что она подарила ему столько уверенности в себе... После одной из тренировок, Мина не похвалила Тихоню как обычно, а посмотрела на него долгим задумчивым взглядом и изрекла:

– Ну, вот! Всё, что могла я сделала! Пора двигаться дальше!

И, через пару дней, познакомила его с Живчиком – худощавым, некрасивым на первый взгляд, загадочным типом, чрезвычайно активным, обезоруживающе обаятельным, владевшим какой-то нечеловеческой красотой голосом и в довершение своих ярких достоинств, бывшим уже в ту пору весьма влиятельным и успешным педагогом Школы Деятелей. Тут, конечно, Тихоне повезло и крупно. Не потому, что Живчик составил протекцию. Он этого не любил и крайне редко делал. Никакой протекции не было, а была тщательная, диктаторски жёсткая подготовка ко Вступительным Испытаниям. Оказалось, что попасть в Школу очень и очень не просто... даже по рекомендации! Во-первых, для Тихони стало открытием, что ежегодно тысячи Соискателей съезжались со всей страны, чтобы попытаться счастья и стать Учеником. Во-вторых, иметь определённые способности было далеко недостаточно для успеха в поступлении. И самая лучшая тренировка не гарантировала место в Школе. Бывали

случаи, когда кто-нибудь случайно оказывался на Вступительных Экзаменах и принимался в число учеников без всякой подготовки. Кроме этого, удачное поступление главным образом зависело от Первого Руководителя, отбиравшего претендентов. Отдельный Соискатель мог не понравиться ему внешне, и участь бедолаги решалась молниеносно. Поэтому, кстати, среди поступавших сформировалась особая группа «избранных», составлявшаяся из опытных неудачников. Они приезжали из года в год, были искушены в деталях и снисходительно наставляли новичков. Некоторым из бывалых везло, и они всё-таки попадали в Школу. Другие, в конце концов, сдавались и, либо направляли свои способности в иное русло, либо разочаровывались, утешаясь чем-то менее сложным и интересным. Тихоня тоже поневоле попал в группу «избранных», поскольку, в первой своей попытке, видимо не понравился или не подошёл по каким-то другим требованиям. Он «слетел» на первом же Испытании, не успев как следует расстроиться или разозлиться. Живчик выслушал его отчёт и философски заметил, что не он первый, не он последний, что «молодой ещё», времени до следующего набора предостаточно и надо готовиться дальше. Тихоня согласился с его оценкой, пожалев только о том, что всё закончилось так быстро.

Весь долгий год до нового поступления Тихоня твёрдо решил провести в подготовке и мечтах о грядущем обучении. Он уже не представлял себе другого будущего, не рассматри-

вал подстраховки, пути отступления. Его решимость не знала границ. На волне эйфории от радужных перспектив, Тихоню иногда выносило за финишную черту долгого Школьного марафона, но тут смелые мечты окунались во мрак полной неизвестности. По рассказам людей осведомлённых, выпускники обычно направляются в региональные филиалы Центра Воздействий. А если повезёт, то тебя могут оставить и в Городе. Шансы невелики, но есть – Город большой и в нём самом таких филиалов штук десять. Для карьеры это полезнее, чем отправляться неизвестно-куда за Средние Пределы и прозябать там в неизвестно-каком захудалом поселении годами ожидая, что тебя заметят и переведут в Город. Многие выпускники так и канули, пропали в этих маленьких городках.

"Так что, – говорили осведомлённые, – всё в твоих руках, пробивайся!" ...

Следующие после неудачи полгода Тихоня провёл в одной из контор Городского Центра Энергетики, куда его по благу устроил отец, работавший там же. В первый рабочий день Тихоню назначили Экспедитором и дали пыльный и совершенно пустой стол в одной из комнат, где ютились ещё человек восемь, составлявших какой-то там отдел, назначение которого Тихоня так до конца и не понял. Сослуживцы всё время что-то бурно делали и много перемещались. Тихоня же обыкновенно сидел целыми днями за своим оставшимся пустым столом и в худшем случае читал. А в луч-

шем, начальник отдела отправлял его сопровождать куда-нибудь какой-нибудь важный груз. Тихоня никогда не вдавался в подробности. Он безропотно принимал документы, отдавал документы, снова принимал и снова отдавал в разных местах и разным людям. Они все знали Правила и говорили, что нужно делать, какие бумаги куда отдавать и какие брать взамен. Люди эти были все на вид немного замученные, но хорошие. Он им доверял и не проверял...

Через пять месяцев Тихоня стал замечать, что такое времяпровождение не добавляет ему бодрости, а совсем наоборот и, хуже того, стало мешать достижению новой цели. Он немного подумал и на одной из встреч с Живчиком, после тренировки, решился попросить у него помощи. Живчик, как ни странно помог и по знакомству устроил Тихоню в один из самых старых в Городе, да и вообще в Стране, филиалов Центра Воздействий, который в народе называли просто «Первый». Ему уже было, наверное, лет триста. В этой цитадели традиций Тихоня получил звание Черноработчий, сочтя это хорошим знаком и счастливой возможностью узнать суть своей будущей специальности изнутри, а заодно надеялся на знакомство с кем-нибудь из Деятелей. Он воспрянул духом и со старанием принялся за свои новые обязанности. Они оказались удивительно примитивны. Почти всё рабочее время, за исключением перерыва на обед, он вместе с другими коллегами перетаскивал разных размеров и форм уродливые конструкции – деревянные обитые тка-

нюю и металлические – и те и другие раздражающе неподъёмные, особенно последние... Все эти балки, рамы, фермы, щиты, кубы и прочие диковинки в несметных количествах таились, в ожидании своего часа, на складе – непостижимых размеров тёмном и холодном ангаре. Почему-то размещался он в самом дальнем дворе «Первого», и до него нужно было долго идти почти через всю территорию. Его огромные железные ворота, похожие на пасть какого-нибудь вымершего ящера, составляли одно целое с мощным кирпичным фасадом без окон, высотой этажей в восемь, и даже когда открывались во всю свою исполинскую ширь не могли впустить достаточно дневного света для того чтобы рассеять космическую тьму хозяйничавшую за ними. Тихоня много раз бывал внутри, но никогда не видел ни стен, ни потолка, а уж где кончалось это мрачное помещение отважился бы проверить лишь самый отъявленный авантюрист. Заходя на склад, Тихоня как можно быстрее подходил в указанное начальником место, над которым заранее включалось тусклое освещение, взваливал на себя новую деталь и, стараясь, по возможности, не смотреть по сторонам, поскорее вытаскивал её на улицу. Там ждала длинная самодвижущаяся платформа, перевозившая «деревяшки» и «железки» (как называли их «старики») поближе к пандусу основного здания, откуда снова посредством мускульной силы Чернорабочих они перекочёвывали в «карманы» – глубокие, пыльные ниши, каменным лабиринтом извивавшиеся вокруг эпицентра ежеве-

черних событий, – и уже в них, тёплых и уютных, проводили остаток времени до своей великой миссии. Самое неприятное было то, что деталей для Демонстрации всегда требовалось много и приходилось постоянно ходить на склад. А самым необычайным и удивительным для Тихони стал тот факт, что из тяжёлых, грубых и совсем некрасивых предметов, потом строили довольно изящные сооружения в Главном Зале, том самом месте, где проходили Демонстрации. Тихоню, не смотря на его просьбы, как начинающего сотрудника не допускали к строительству – это было почётной обязанностью опытных членов бригады. Они говорили, что сооружения предназначаются для Деятелей, и что те каждый вечер на них работают, а иногда по утрам и тренируются. Тихоне очень хотелось посмотреть, хотя бы на тренировку. О том, чтобы попасть на вечернюю Демонстрацию не могло быть и речи. По Правилам ему, не достигшему совершеннолетия, не разрешалось работать или находиться на рабочем месте дольше положенного количества часов в день. Его смена всегда начиналась рано утром и заканчивалась задолго до вечерней Демонстрации, поэтому остаться на неё не представлялось возможным. Тихоня неоднократно пытался спрятаться где-нибудь до вечера, но всякий раз его кто-то случайно замечал, а он не мог придумать правдоподобного объяснения своему нахождению на территории и сопровождался охраной к выходу. Прийти же в Главный Зал с парадного входа, как все желающие, он тоже не мог – выяснилось,

что Чернорабочие не имеют права быть зрителями. Так что о Демонстрациях пришлось временно забыть и оставалось надеяться, что в «Первом» снова назначат тренировки Деятелей. И вскоре Тихоня смог их увидеть! Впоследствии они ему самому нравились гораздо больше, чем любые другие занятия.

4

Фургон взбрыкнул и остановился, шумно выдыхая. Тихоня открыл глаза – не остановка... Неужели сломались?!... Со старыми фургонами такое частенько происходит, но всё же это было бы очень некстати – пешком идти совсем не хочется... Тихоня глянул поверх кресел вперёд и понял в чём дело. От плоского лба фургона разномастной бугристой полосой тянулась и терялась в дали традиционная пробка перед Вокзальной Площадью. Километровая, всегдашняя, банальная... изрядно всем надоевшая своим постоянством и неизменностью, категорически непролазная и безвыходная. На то, что откроют двери можно не надеяться – между фургоном и тротуаром ещё целых два ряда дымящихся, нетерпеливо дёргающихся личных автомобилей. Как сказал один из приятелей Тихони, лучшее наказание людям за суету и метания – это городские пробки. Слово «наказание» не нравилось Тихоне и он чуть поменял формулировку, заключив, что дорожные пробки – лучшее ЛЕКАРСТВО от суеты и метаний.

Но, как ни называй, а наказание или лекарство явно не помогали людям и год от года ритм жизни неудержимо увеличивался, как сердцебиение человека охваченного страхом. Рассуждать об этом было легко, а на практике Тихоня сам боялся и избегал пробок. Они казались ему идеальным образом несвободы и зависимости. Особенно когда ты стоишь, стиснутый такими же счастливицами со всех сторон, где-нибудь посредине фургона и даже если получится заорать, никто не сможет тебе помочь при всём желании. Владелец личного транспорта в сравнении имеет преимущество – он может открыть дверь, окно, или выйти и получить толику иллюзорной свободы... Остаётся стать таким владельцем. Тихоня мечтал об этом в детстве – он соорудил себе из плотной бумаги подобие приборной доски, взял у матери крышку от самого большого ведра и часами развозил воображаемых пассажиров, объявляя остановки, или ездил по своим важным делам, представляя себя водителем. Механизмы он недолюбливал, но вот личный самоход иметь очень хотелось. И пешком ходить не надо – утомительно слишком, и приобщиться к чуду Управления интересно. Так думал Тихоня-ребёнок. Потом перестал. Но всякий раз очередная дорожная пробка напоминала ему о том, что, как минимум, одну... маленькую... детскую, но всё же мечту он не осуществил... А порой, попавшему в транспортный плен Тихоне, становилось совсем плохо, так что было уже не до рассуждений. Кажется, врачи называют это боязнью закрытых пространств. Впрочем, от

того что ты знаешь диагноз легче не становится. Слава Богу, в таких случаях в нём всегда просыпался борец и усилием воли удавалось справиться со слабостью. Он очень не любил эти состояния страха и паники, однако не рассматривал их как болезнь и со временем научился предупреждать их появление... Нынче же ничего делать не пришлось – Тихоня настолько был увлечён, что не почувствовал привычной напряжённости и волнения. Водитель выключил двигатель, фургон перестал дрожать и затих, как старый пёс, от которого отстали и дали прилечь. Поняв, что поездка затягивается, Тихоня счёл задержку благоприятным знаком, поблагодарил Пространство за возможность заняться новым интересным делом и снова закрыл глаза...

5

Просмотры утренних тренировок приводили его в состояние настоящего счастья. Некоторых Деятелей он отметил сразу и был просто в восторге от их работы. Он впервые увидел этих людей так близко и поначалу забыл, что собирался познакомиться с кем-то из них – это казалось невыносимым. Потом, день за днём наблюдая издали, он понемногу освоился и ему страстно захотелось поговорить с ними, задать важные вопросы, которых становилось всё больше. Но как подойти? Черноработчий согласно Правилам Внутреннего Распорядка не имел права общаться с Деятелями. Допус-

кались приветствия при встрече на территории, не больше. Из всей бригады привилегией разговора с Деятелями обладали лишь несколько старейших её работников. Тихоня с детства старался быть правильным, – что всегда служило ему плохую службу, – и отчаивался от невозможности исполнить своё желание. Но одну попытку всё же совершил. Он здраво рассудил, что Правила Внутреннего Распорядка действуют только на территории, а потому не будет нарушением подкараулить кого-нибудь из Деятелей после утренней тренировки у служебного входа снаружи и попытаться с ним заговорить. Он заранее выбрал наиболее понравившегося кандидата. Его звали Мар – высокий, статный, красивый, с длинными чёрными волнистыми волосами. Он всегда ходил в белом костюме и говорил странноватым глухим баском, коему придавало особое очарование едва заметное шипение звуков. Мар привлёк Тихоню не столько эффектной внешностью, каковую имели многие из его соратников, сколько тем, что он, по наблюдениям Тихони, не надевал на себя маску придурковатости почему-то очень распространённую среди Деятелей. Из этого Тихоня сделал вывод – Мар умный и глубокий человек, к нему можно обратиться...

В один из дней, когда Мар проводил утреннюю тренировку в Первом, Тихоня не стал тянуть время после окончания рабочей смены и наскоро переодевшись, занял исходную позицию, ожидая когда тот выйдет. Волновался ужасно, руки дрожали, во рту пересохло – но Тихоня держался. Наконец,

Мар быстро вышел из дверей служебного входа. Тихоня решительно подошёл к нему и начал было свою заготовленную дома речь, но Мар как будто ждал этого и, не сбавляя шага, небрежно бросил на ходу:

– Я сейчас очень тороплюсь, давайте в другой раз...

Тихоня по инерции ещё что-то договаривал, глядя вслед убегающему Мару, не веря такому быстрому провалу своей замечательной идеи. Это была настоящая катастрофа. Он долго ещё стоял, рассеянно глядя на мостовую, пытаюсь придумать какой-нибудь запасной план, но в голову ничего толкового не приходило, кроме того, чтобы бежать вслед за Маром или подождать кого-то другого. Однако для нового рывка сил уже не доставало, и опустошённый Тихоня поплёлся домой.

После случая с Маром, он был на грани разочарования в Деятелях. Но один из них вернул Тихоне прежнее состояние восторга и симпатии. Это произошло так. Время от времени в «Первом» по утрам не проводили ни тренировок, ни уборок, ни чего бы то ни было другого, а устраивали Демонстрационный Показ. И вот однажды объявили о показе действия с участием очень известных и уважаемых Деятелей. Одним из которых был знаменитый Баф. Тот самый великий Баф! Правда, уже в преклонных годах, но по-прежнему мощный и активный. Это был настоящий мастер своего дела. Его называли Гением, на него «шли», поэтому событие обещало быть грандиозным. Поскольку для этой Демон-

страции не требовалось никаких сооружений, пол Главного Зала был абсолютно пуст и перед началом его решили под-вергнуть дополнительной тщательной уборке, чтобы никто из Деятелей случайно не поранился каким-нибудь забытым гвоздиком или провололочкой. Как раз Тихоне, под присмотром старших товарищей, и доверили это ответственное дело. Воспользовавшись случаем, он не только остался смотреть Демонстрацию, но и умудрился оказаться в непосредственной близости от неё, буквально шагах в десяти. По трём сторонам к Главному Залу примыкала Запретная Зона. Это священное место предназначалось для разного обсуживающего персонала, обязанного дежурить во время Демонстраций и помогать Деятелям. В нём, как и во всяком священном месте, всегда сохранялась темнота и тишина, дабы обслугу никто из зрителей не увидел и не услышал. Некоторые Чернорабочие (как правило старейшины) тоже могли там находиться, если того требовали технические условия показа или если срочно понадобилось бы что-то унести или принести. Количество персонала в Запретной Зоне во время Демонстраций строго регламентировалось, и этот ограниченный список каждый раз проверялся на предмет недопущения ненужных личностей. Тихоня, понимал, что является такой личностью, но покуда не был никем замечен, затаив дыхание смотрел Демонстрацию. А посмотреть было на что!.. Бафа не зря называли Великим – что он творил! Настоящий виртуоз! Как тонко и изящно менял форму и цвет, как пе-

ремещался в пространстве, не говоря уж о звуковом воздействии... Отдельные слова и фразы были непонятны, но ... Какая же это была красота!!! Какое чудо! Тихоня ловил каждый звук, каждое слово загадочного Деятельского языка и, к середине Демонстрации, ему казалось, что он уже начинает понимать его. Он жадно следил за всеми метаморфозами Бафа, за его появлениями и исчезновениями, внимательно наблюдал замысловатый рисунок его движений и, хорошо чувствовал происходившее в Главном Зале... Внешне действие витиевато переплетало в себе разнообразные, не связанные между собой темы – какую-то сложную историю борьбы разных форм жизни, первый контакт гуманоидных существ, отношения между мужским и женским началами и что-то ещё в этом роде. Тихоня так и не разобрался о чём шла речь, но Бафа запомнил очень хорошо. Как и эпизод, произошедший в конце Демонстрации, за который Бафу отдельное и вечное спасибо! Так вот, когда действие кончилось и, как полагается, все Деятели вышли в центр Главного Зала, чтобы принять благодарность от смотревших, Тихоня не сдержавшись от переполнявших чувств, захлопал в ладоши и может быть что-то прокричал. Потому что откуда ни возьмись перед ним возник Главный Помощник, седой старик, ведущий этой Демонстрации, с перекошенным от бешенства лицом.

– Вы что это себе позволяете?! Вы что, ПРАВИЛ не знаете?! Как вы смеее тут находиться во время действия?! Вы кто такой?! – шипел он Тихоне прямо в лицо. И как раз в

этот момент, вдруг появился Баф, уже несколько раз поклонившийся зрителям и вернувшийся в Запретную Зону, для того чтобы отдышаться. Он молча отодвинул Главного Помощника и двумя руками пожал тихонину руку.

– Благодарю вас, молодой человек! – сердечно сказал Баф и отправился снова в Главный Зал. Старик-ведущий, стоял рядом каменным изваянием, глаза были по-прежнему расширены, но теперь не от бешенства, а от ужаса. Постояв так несколько секунд, он пулей сорвался с места и исчез в темноте. Тихоня был счастлив. Он вспомнил лицо Бафа, так близко стоявшего рядом с ним. Большие чёрные глаза, прямой нос, гладкая – несмотря на возраст – кожа, голова без волос. По человеческим меркам не красавец... «А может он и не человек вовсе, – подумал Тихоня. – Но как прекрасен!» После этого случая, если Тихоне доводилось сталкиваться с Бафом где-нибудь в коридорах необъятного Первого филиала, тот всегда проходя мимо, останавливался, говорил «Здравствуйте!» и пожимал Тихоне руку, как тогда в Запретной Зоне. Всякий раз наблюдавшие это вопиющее нарушение Правил почти так же каменели, как и Главный Помощник, но авторитет Бафа, видно, был настолько силен, что никто не осмеливался остановить это безобразие. Тихоне очень льстило внимание ТАКОГО Деятеля, гордость распирала его, и он чувствовал на себе косые и, как надеялся, завистливые взгляды окружающих.

Тем не менее, даже знаки внимания Бафа не спасли его

от увольнения. А быть может и ускорили. Работа Тихоне, конечно, не нравилась и сильно, но ради Деятелей он был готов на всё, терпел и очень старался. Хотя, несмотря на всё его старание, в бригаде почему-то утвердилось мнение, что он лентяй и «не наш» человек. Несколько раз его вызывал к себе начальник, точнее начальница – странное человекоподобное существо мужской внешности и женского пола. Гирия (так её звали) вежливо и спокойно интересовалась, как ему нравится работа, коллектив. Спрашивала нет ли трудностей, и напоследок всегда говорила, что надо проявлять ещё большее старание, не бояться инициативы, но также соблюдать Правила... и не шастать без допуска по Запретной Зоне во время Демонстраций!

Вскоре после очередной встречи с руководством Тихоня перед своей утренней сменой, как назло, замешкался в раздевалке (проклятый шнурок уличного ботинка не развязывался) и немного опоздал. Бригада уже всюю работала в Главном Зале, где им надлежало навести порядок после вечерней Демонстрации. Тихоня подбежал, извинившись на ходу за опоздание, и принялся помогать ближайшему товарищу. Вдруг в наступившей тишине к нему подошёл Черноглазый, бригадный поэт и тайный выпивоха, взял его одной рукой за грудки, а другой сильно ударил кулаком в лицо. Тихоня упал, и, схватившись за щёку, растерянно спросил:

– Ты чего?

Черноглазый криво усмехнулся:

– Ты мне надоел!..

Все молча встали вокруг. Тихоне сначала захотелось непременно ответить обидчику... и остальным, за молчание. Но увидав перед собою сплочённый ряд грубых, враждебно настроенных лиц он струсил, и разозлённый от бессилия, просто послал всех скопом в неприличное место, гордо удаляясь обратно в раздевалку. Затем, решив, что может оно и к лучшему, Тихоня неспеша переоделся и с удовольствием отправился домой спать. Дальше всё происходило с оглушительной скоростью. На следующий же день Гирия собрала бригаду у себя в кабинете, мигом провела расследование беспорядков, Черноглазый признался, что ничего не делал, дружный коллектив это подтвердил, нарушителем Внутренних Правил единогласно признали Тихоню и ему было официально объявлено о том, что он лишён звания Чернорабочего и может быть абсолютно свободен...

К моменту изгнания из «Первого», оставалось месяца три до нового набора в Школу, и Тихоня без сожалений оставлял тупую работу, радуясь возможности посвятить это время усиленной подготовке. Досадно, правда, что он не увидит снова тренировки Деятелей. Ему нравилось по утрам во время своей смены, на законных основаниях оставаться в Запретной Зоне и там, в полной волшебства темноте, замерев, наблюдать рождение чуда, ещё непостижимого, но такого притягательного и без сомнения нужного ему... Тихоня был убеждён, что уже начинает кое-что понимать, точнее,

чувствовать в этом сложном искусстве и осталась самая малость – попробовать прикоснуться к нему. Желание поступать в Школу окрепло многократно. А ещё, благодаря приобретённому опыту, Тихоня решил ни за что не работать в таком месте, как «Первый». «Если б я там был Главным Союзителем или Хранителем, – думал Тихоня, – то поменял бы все их дурацкие правила. А в первую очередь разогнал бы этих неприятных чернорабочих и пригласил бы хороших, открытых и спокойных людей за высокое вознаграждение!..». Но он догадывался, что мысль эта с одной стороны несколько детская, с другой, наверняка, небезопасная и потому не развивал её.

6

Оставшееся до поступления время Тихоня проводил в усиленных тренировках и мечтах между ними. В отличие от прошлого года, он ощущал в себе достаточно сил для успеха и не видел практически никаких препятствий на пути достижения цели. «Ну, разве что случится вселенская катастрофа!» – думал он. Вселенской катастрофы не произошло, но, как это бывает, исключительно бытовая неожиданность чуть не разрушила всё – Тихоня загремел в больницу... причём меньше, чем за месяц до начала набора в Школу Деятелей.

А случилось так потому, что за несколько лет до того Тихоня, будучи подростком увлекающимся и имея перед собою

пример друга, дал себе зарок стать настоящим мужчиной, как следует закалить свой характер и для этого не придумал ничего лучше, чем заняться популярной борьбой Бо. На счёт мужского характера осталось невыясненным, а вот специалистом в этом жестоком единоборстве он точно не стал. После полугода почти каждодневных тренировочных избиений, Тихоне надоело быть манекеном и он благополучно оставил занятия, потеряв половину переднего зуба и получив взамен повышенное давление в комплекте с искривлением носа. Последнее как раз и привело его не только в больницу, но даже на операционный стол. Через какое-то время после бойцовских занятий, тихонин нос, не получивший вовремя должного внимания, в отместку однажды наполовину перестал дышать. Пришлось искать врачебной помощи. К счастью всё обошлось – одна из родственниц (неожиданно оказавшаяся не последним в Городе человеком) устроила Тихоню в элитный военный госпиталь, где ему профессионально сделали освободительную операцию, в результате которой нос успокоился и некоторым образом стал красивее чем раньше... Но, на этом нежданное препятствие не исчерпало себя. Как нарочно, период восстановления затягивался и ежедневные осмотры этот неприятный факт беспощадно подтверждали. Над счастливыми планами нависла более чем реальная угроза, потому что Вступительные Экзамены уже начались, а Тихоня знал, что первые Испытания хоть и проводятся не один день, но могут завершиться в лю-

бой момент. Романтическая идея побега исключалась полностью – в тапочках и халате через Пост Вооружённой Охраны не прорвёшься, а если и прорвёшься то далеко не убежишь... На вопрос: «Когда выписка?» лечащий врач отвечал по-военному лаконично – «Скоро!». Тихоня предпринял было безуспешную попытку поумолять о понимании ситуации, о важности момента, предъявив в заключение последний козырь – «мне очень нужно!», на что получил бесстрастное – «Молодой человек! У меня задача выписать вас совершенно здоровым. Не мешайте, пожалуйста, работать...». Делать нечего, и Тихоня чтобы отвлечься от пораженческих мыслей принялся за чтение кем-то принесённого толстого журнала «Наша Словесность», в котором напечатали долгое время запретное, а ныне разрешённое произведение известного, давно ушедшего и когда-то опального писателя. Читалось легко и интересно, тем более что речь шла о любви – теме для Тихони тонкой, серьёзной, неизменно вызывавшей его сосредоточенное внимание. Одно из описаний привлекло его более других необычной образностью языка и чем-то ещё очень знакомым, волнующим, отчего сердце забилося сильнее. Тихоня почувствовал, что за занавесом строчек бьётся, прорываясь к нему что-то несправедливо забытое, что-то что следовало бы вспомнить. Он прочёл его снова. И снова. И не мог понять что именно не даёт ему двигаться дальше. Прочитав отрывок ещё раз, Тихоня отложил журнал. И тут появилась Она!.. Просто и тихо... Кротким напоминанием без упрёка

и насмешки... И вдруг он, наконец, понял что его держало. Это было о Ней! Прошло лет сто, как автор написал книгу, и имя на страницах другое и неважно, что происходило с героиней, но это была Она... Да, он почти не думал о Ней за те несколько лет что не видел...

Её привели к ним в классе шестом или седьмом. Она была необыкновенно красива и сразу же приковала к себе внимание всей мальчишеской половины. Он не явился исключением и тоже заглядывался на новенькую. Таких он ещё не встречал. Она вся была какая-то чудесная и прекрасная. Ему нравилось в Ней всё – глаза, губы, волосы, то как она говорит, как смеётся, как сердится, словом, он не замечал ни одного недостатка, в то время как находился в, так называемом, переходном возрасте, в котором выискивание несоответствий дело обычное. Практически все из мальчишек по отдельности признались ей в симпатии. Кроме него. Робость не позволяла ему подойти к ней. Он единственный кто не разговаривал с ней и избегал даже случайного общения. Но однажды – О Чудо! – видимо звёзды так сошлись или был день затмения, Она вдруг перед каким-то уроком сама предложила ему сесть с ней за одну парту. Он забыл как вымолвить слово и поражённый счастьем молча просидел весь урок, стараясь не шевельнуться, не зная как воспользоваться шансом. И он его не использовал. Потом, уже повзрослевшие, они оба вспомнили тот случай, и он признался Ей, что чувствовал тогда и как сильно хотел заговорить с нею,

но побоялся. Она спросила: «Чего?». Он ответил: «Что ты не захочешь!». Она сказала: «А я хотела!»... Был и другой эпизод, о котором Тихоня старался не вспоминать. Глупые и шальные от стадного рефлекса одноклассники-мальчики, видя его робость по отношению к новенькой красавице, после уроков, когда все уходили домой, силком подтащили его к Ней в вестибюле на первом этаже и заявили, что Она ему нравится. Он, сгорая от стыда, вырвался и убежал. И на следующий день заболел. По-настоящему, с температурой. И проболел целую неделю. Вспомнил Тихоня и трагический момент, когда кто-то из «лучших друзей» открыл ему страшный секрет о том, что Она влюблена в другого. И, в доказательство, тайком показал, как тот другой её провожает. Тихоня не знал, что это не правда и поверил. И ещё больше замкнулся в себе. Потом он с родителями переехал в другой район и был переведён в местный Общеобразовательный Центр, где началась совсем иная жизнь, более взрослая и сложная, имевшая одно существенное достоинство – прежние радости, невзгоды, друзья и недруги пропали в водовороте новых событий и переживаний... Казалось, пропала и Она, покорно подчинившись зигзагу жизни и лишь изредка напоминая о себе случайным промельком похожих черт. А юношеская ветреность, не придающая значения мимолётным тонкостям, услужливо проносила его мимо этих весточек увлекая быстрыми переменами, новыми интересами и яркими картинками будущего. Но вот бег остановлен и бе-

гун недоумённо смотрит по сторонам, находя окрестности до слёз знакомыми...

Тихоня не смог читать журнал дальше. На обед он не пошёл. И на ужин тоже. Он сидел перед окном палаты и смотрел сквозь весенние ветви и неплотную ещё завесу времени на Неё. И любовался. И вспоминал. И радовался. И грустил. И немного сожалел о своей нерешительности...

На утро, проспав за всю ночь едва ли часа полтора, он написал короткое письмо и передал его через охрану. Тихоня не владел в совершенстве мысленной связью поэтому избрал древний, проверенный способ контакта – письменный. Он не знал придёт ли Она. Но надеялся. Очень. Не знал, что будет Ей говорить, но разрази его гром, он исправит свою ошибку и использует шанс! Пусть Она ему подарит его. Пусть придёт!..

И Она пришла. На этот раз не образом, не воспоминанием. Она пришла, цокая каблучками, шурша тонким плащом, настоящая, лучше себя прежней – цветущая, улыбающаяся, спокойная, и так, как будто была здесь вчера, как будто праздник каждодневными лёгкими буднями пронизывал всё существование, и только так могло быть, и было, всегда!

На удивление, Тихоня не испытывал робости, некогда так мучившей его – он радовался, радовался как ребёнок. Он говорил, свободно, раскованно, вдохновенно. Ему так много нужно было Ей сказать. Она слушала внимательно, с улыбкой, спрашивала, отвечала на его вопросы, смеялась, угоща-

лась сладостями, которые он для Неё припас, рассказывала свои новости, и Тихоня чувствовал, что Ей тоже доставляет удовольствие разговаривать с ним, и что Она тоже чуточку удивлена ему, новому. Они проговорили несколько часов кряду. Уходя, Она призналась, что не ожидала увидеть его таким... другим. Он очень хотел поцеловать Её на прощание, но посчитав это слишком суетным и скоропалительным, не стал, ограничившись дружеским пожатием руки...

Когда через два года он снова Её встретит, то вспомнив этот долгий разговор в госпитале, Она скажет ему, что хотела его поцелуя и, что если бы он не остановил себя тогда, то может быть для них всё сложилось бы иначе. Он согласился. Ему дали шанс, о котором он просил, и которым снова не воспользовался... А другого больше никогда не было и через два года Её тоже – вернувшись, он застанет совершенно чужую женщину, чем-то похожую на Неё внешне, но это будет уже не Она. Её место опустеет, и надолго!..

Тихоня смотрел из окна палаты, как Она пересекает внутренний дворик корпуса и чувствовал себя самым счастливым человеком на Свете. Потом Она обернулась и, улыбаясь, помахала ему рукой. Соседи по палате, в основном взрослые вояки-мужики, видели, что за девушка навещала Тихоню, и уважительно похлопывали его по плечу, бросая что-то вроде – «Дааа!! Ну, ты молодец!!! Такая девчонка у тебя!!!»...

Тихоня не спал и следующую ночь, мечтая о том, как снова позовёт Её, или, лучше, как обязательно придёт к ней, ко-

гда его выпишут!

На утро, при регулярном осмотре, медсестра бегло проглядывая выздоравливающих, вдруг остановилась на Тихоне, и, сказав «Не может быть!», исчезла в дверях. Вернулась она минут через пять вместе с тихониным лечащим врачом, нёсшим на лице скептическую мину. Он тоже долго изучал послеоперационные раны своего пациента, после чего спокойно изрёк:

– Что ж, и такое бывает...

– А что случилось? – спросил Тихоня.

– Ваш организм, молодой человек, видимо изыскал внутренние резервы. Ткани и слизистая оболочка почти в норме.

– И что это значит? – спросил Тихоня с замиранием.

– А это значит, что через денёк-другой вы можете отправляться восвояси в свою школу или куда вы там просились!..

Тихоня был вне себя, он ликовал! Два роскошнейших подарка за одни сутки! Никогда до сих пор судьба не была так щедра к нему! Теперь он успеет, он поступит в Школу, у него столько сил... И, конечно, он придёт к Ней и скажет, что Она всему его счастью причина! Она исцелила его, вдохновила и он хочет благодарить Её, благодарить всю жизнь, и потому не согласится ли Она... Да, да, да! Именно так и будет! Но сначала разберёмся со Школой!..

Пока длилась бумажная волокита, Тихоня узнал дни про-

ведения первых Вступительных Испытаний и был готов к штурму. В Школе он оказался уже на следующий день после выписки из госпиталя.

7

Первые Испытания, равно как и последующие, проводились обычно в течение нескольких дней, а порою и недель... Происходило это из-за большого наплыва желающих и давно уже «Положение о Проведении Вступительных Испытаний в Школу Деятелей» было исправлено и дополнено множеством поправок и исключений. Профессия Деятеля не становилась менее популярной, и в худшие годы приблизительное число всех Соискателей могло уменьшаться не более, чем на пару сотен человек. Тихоня не любил вспоминать свои поступления. Его раздражала роящаяся, гудящая толпа, нервозность и суматоха, царившая на всех этажах обоих корпусов Школы, многочасовые изнуряющие ожидания своей очереди, когда с трудом удерживаешь внимание на цели своего прихода, а уж сконцентрировать его грамотно в тех условиях мог только очень опытный человек. И самое неприятное заключалось в том, что до полного окончания Экзаменов ты не можешь быть уверен в успехе. Сколько раз потом Тихоня с сочувствием наблюдал, как кто-нибудь из кандидатов, прошедший все главные Испытания и уже праздновавший победу, вдруг срывался в последний момент на последнем,

самом не важном Экзамене, на самой второстепенной проверке!.. Если бы Тихоня кого-то очень сильно ненавидел, то и тогда не пожелал бы пережить подобное! Но пока он ничего этого не знал и прикладывал все возможные усилия для того, чтобы попасть в Школу. В тот год набирались две группы будущих Учеников-Деятелей. Тихоня попробовал сначала идти сразу в обе, но потом понял, что силёнок может не хватить и, прикинув, выбрал Группу №2, наиболее, по его мнению, подходящую. Её набирали действующие Деятели, и это было самое ценное, потому что в большинстве случаев набором и обучением занимались педагоги-теоретики, что по результатам представлялось Тихоне очень и очень сомнительным. Позже он пожалел об этом выборе – как выяснилось Живчика назначили Преподавателем Звуковых Воздействий в первую Группу, и тот, благодаря своему фантастическому обаянию и энергии сумел так организовать отбор, что Группа №1 быстро оформилась в хорошую компанию из талантливых, весёлых, дружных ребят, которые с удовольствием учились, с удовольствием отдыхали, а когда надо было, от души помогали друг другу. Тихоня втайне завидовал им и стремился попасть в их общество. Перейти из одной Группы в другую, по Правилам Школы, при соблюдении некоторых условий допускалось, и он запланировал непременно это сделать при первой же возможности, тем более, что Живчик был не против и обещал, в порядке исключения, чуть-чуть посодействовать.

Деятели, отбравшие Соискателей в Группу №2, большинством понравились Тихоне. Их было трое – две женщины и мужчина. Так, во всяком случае, казалось по облику и манере поведения. С Деятелями никогда не знаешь, кто из них кто. Некоторые вообще не люди, а некоторые так привыкают менять внешний вид и прочее, что и сами уже точно не помнят кто они. Мужчину звали Бром, он отличался маленьким ростом и своею внешностью напоминал грустного ребёнка, которого заставили резко повзрослеть и решать сложные вопросы. Потому, наверное, на его лице часто можно было видеть выражение глубокой задумчивости и за сдвинутыми бровями постоянную попытку вспомнить что-то очень важное. Он был самым спокойным из всех кого когда-либо встречал Тихоня. Бром ни разу не повышал ни на кого голоса. Никто не видел его в ярости или кричащим и сердитым. Даже на Демонстрации. Тихоня сразу же почувствовал к нему расположение и никогда после не разочаровался в нём. Одна из женщин – Сирена – напротив, была высокого роста, с длинными белыми волосами, широким круглым лицом и маленькими глазами. Лицо это, пока не привыкнешь, производило нехорошее впечатление из-за того, что черты его являлись какими-то нечёткими, размытыми. Тихоню привлёк её голос... он как раз имел хрустальную чёткость, ненавязчивую силу, железную уверенную волю, и успешно балансировал на грани, перейдя которую приобрёл бы искусственную назойливость автоответчика. Голос Сире-

ны всегда успокаивающе действовал на собеседника, и она умело пользовалась этим, скрашивая недостатки своего лица. Кроме этого, Тихоне понравилось в ней то, чего ему самому не хватало – ироничность и терпимое отношение к окружающему миру. Другая женщина с первого взгляда не вызвала симпатии у Тихони и, как оказалось, это было взаимно. Внешностью она подходила под описание какой-нибудь стареющей красавицы-суперзвезды, специальными средствами пытающейся бороться с неизбежным дряхлением не по назначению использующейся плоти. Судя по всему, в молодости она была неотразима и, с ледяным спокойствием, погубила не одно сердце. Тихоня таких женщин не любил, побаивался и считал ненадёжными и лживыми. Впрочем, имя её соответствовало сути – Янус. Формально Первым Руководителем Группы №2 являлась Сирена. Она вела все Экзамены, давала большинство заданий и, похоже, решала участь каждого отдельного претендента. Все трое всячески выказывали довольно миролюбивый настрой и спокойствие, благодаря чему отбор происходил не так болезненно и нервно. Тем не менее, Тихоне пришлось попотеть над изошрёнными и непредсказуемыми заданиями Экзаменаторов. Одно дело, когда ты видоизменяешься для забавы, для себя или друзей, и совсем другое, когда от этого зависит будущая судьба и за тобой, оценивая, пристально наблюдают чужие, незнакомые люди. Конечно, и Мина и Живчик, как могли, подготовили Тихоню к возможным неожиданностям, но всего предусмотр-

реть нельзя и Живчик откровенно сказал, что на Экзаменах может случиться ВСЁ! Поэтому и надо быть к этому ВСЕМУ готовым! Золотой совет Живчика не раз пригодился Тихоне во время Испытаний! И ещё другой – «Никогда не сдавайся и не отступай! Как бы оно ни проходило, всегда доведи своё выступление до конца – что бы ты ни чувствовал! Не оценивай себя, это не твоя задача, лучше думай о том, что делаешь!»». И Тихоня изо всех сил старался выполнить наказ Живчика. Естественное отсутствие умения он компенсировал упрямым стремлением и не думая, по команде, превращался в людей и животных, предметы и растения, ползал по полу, поднимал одну ногу вверх, жевал губами, издавал неприличные звуки, кричал, пел и плясал, а если надо было становился «едой» или инопланетным гуманоидом! Получалось у него скверно и как он проходил Вступительные Испытания ему и самому было неизвестно – он просто пёр как танк, демонстрируя недюжинное желание попасть в Ученики. Может именно это и сыграло решающую роль?..

Пройдя все четыре этапа специальных, Деятельских Экзаменов, необходимо было преодолеть ещё два, так называемых, Умных и, при удачном исходе, быть протестированным Проницателем Школы. На первом Умном Экзамене проверялся целый ряд качеств поступающего – как он думает, излагает мысли, как умеет начертать символы, а также грамотность и скорость письма, навыки рассказчика и так далее. Второй Умный Экзамен проверял знание истории возникно-

вения Города и всех Пределов Страны. И, наконец, счастливи-
чки прошедшие эти издевательства над личностью, отдава-
лись в кровожадные руки Проницателя. Тут уж, по слухам,
пощады не было никакой. Выявлялись решительно все тай-
ны кандидата, хочет он того или нет. Всё подсознание стано-
вилось интересной книгой для внимательного изучения Ру-
ководством. Первый из Умных Экзаменов Тихоня преодо-
лел относительно спокойно и уверенно – помогли врождён-
ные способности. А вот на втором произошло то, что обычно
называют «ключевым моментом», «поворотным пунктом»,
«кардинальным изменением» или, как сам Тихоня позднее
охарактеризовал это событие «пересадка на другой поезд».
Ничего особенного он в тот день не чувствовал, кроме обыч-
ной для таких случаев нервозности и, как любят говорить в
народе «ничто не предвещало»... Получив задание, Тихоня
прочитал его и понял, что пропал – из двух вопросов он не
знал ни одного! Без тени ученического кокетства и забыв-
чивости волнения, без вариантов и предположений, это бы-
ло краткое и предельно конкретное как приговор НЕ ЗНА-
НИЕ! Неизбежный провал встал перед ним во всей своей
неумолимости. И это было настолько же невероятно, как ес-
ли бы перед путником спокойно шагающим по солнечной и
до горизонта свободной дороге, вдруг поперёк пути разверз-
лась земля и, от края и до края заслоняя собой свет, швы-
ряясь камнями, грохоча выросла бы гигантская необходимая
скала!.. Как всегда, поначалу Тихоней овладела дикая пани-

ка. Такая, что захотелось тут же сорваться и убежать. С трудом удержавшись, он вспомнил предупреждение Живчика, а также признание одного из самых популярных Деятелей о том, что тот никогда не спешил реагировать и всегда выигрывал. Времени на обдумывание ответов дали предостаточно, заявив Соискателям, что они могут готовиться столько сколько пожелают, не забывая, при этом, о тех кто томится за дверью в ожидании своей очереди... Тихоня сделал умный вид, соображая что можно предпринять. Во время Экзамена выходить нельзя, спросить не у кого – ближайший сосед располагался метрах в пяти, ментальной связью не воспользоваться – перед Экзаменом мягко предупредили, что делать этого не стоит, тем более что помещение заранее экранировалось от телепатических контактов, да и не с кем связываться... Выхода не было. Тихоня немного успокоился, решил не торопиться и побыть ещё хоть немного Почти Учеником – пусть сами его вызовут. По здравом размышлении, он пришёл к выводу, что как бы то ни было, может считать себя победителем. Все самые сложные и главные Испытания он прошёл и прошёл успешно – из нескольких тысяч человек выбрали не больше тридцати и он среди них. Это была победа. Жаль, конечно, что придётся уходить когда ты с таким трудом добрался до заветных дверей, и вот-вот их откроешь. Но, в конце концов, он сам виноват – увлёкся подготовкой к специальным Экзаменам, а про Умные совсем забыл... Что ж, теперь придётся начинать всё с начала...

Когда его позвали, он совсем уже спокойно подошёл и сел напротив Экзаменатора, который оказался женщиной и, судя по виду, женщиной строгой. Она бросила быстрый взгляд на совершенно чистый лист бумаги, положенный Тихоней перед собой, подняла бровь и сухо сказала:

– Я вас слушаю.

Тихоня уже набрал воздуха, чтобы признать поражение, и неожиданно вспомнил, как незадолго до его увольнения из «Первого», на утренней тренировке Деятелей, один из них – Коротышка – появлялся в луче света буквально из ниоткуда и говорил какую-то абракадабру, а другие бывшие рядом вдруг дружно взрывались хохотом и шутливо ругали его за что-то. Потом всё повторяли сначала. Он снова также появлялся и проговаривал уже другую абракадабру, и снова все смеялись и снова ругали его. Тихоня в тот раз находился, как всегда в Запретной Зоне и во все глаза наблюдал за происходящим. Когда очередной раз Коротышка возник из воздуха, он вдруг остановился, повернулся в сторону Тихони и посмотрел ему прямо в глаза. Тихоня отпрянул. «Не может быть! – подумал он, оглянувшись. – Из Главного Зала Запретная Зона не видна! Тут же вспомогательный персонал дежурит... Их не должны видеть! Может совпадение?!». Но Коротышка смотрел именно на него. Ничего не происходило. Наступила тишина. Всё вокруг, как будто замерло, остановилось. Коротышка продолжал смотреть... Его взгляд, минуя глаза, проникал куда-то глубже, намного глуб-

же. Туда где Тихоня хранил свои мысли и чувства, воспоминания... Ещё глубже – туда, где был он сам... От этого взгляда невозможно было оторваться или противиться ему. Но он не угрожал и не давил, а был каким-то понимающим, полным сочувствия, отеческим... Казалось, он что-то сообщал. Коротышка снова произнёс нечто непонятное, но очень важное и лично для Тихони. Он это явственно ощутил... Несколько дней после этого Тихоня ходил спокойный и умиротворённый, как если бы ему сказали, что у него всё будет хорошо и даже лучше, чем он ожидает...

– Я вас слушаю!.. – резануло над ухом.

И тут его осенило... Не понимая, но отчётливо ЧУВСТВУЯ что делает, он поднял глаза на экзаменаторшу и заглянул так глубоко, как только смог...

На полянке сидела маленькая девочка в белом платьице и играла с цветами. Он подошёл к ней и присел рядом.

– Привет!

– Здасьте, – ответила девочка.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Ая.

– А меня Тихоня.

Девочка сосредоточенно обрывала лепестки у цветка.

– А ты знаешь, что цветы нельзя рвать? – спросил он.

– Потому?

– Потому, что они живые!

– Зывые? – удивилась девочка.

– Да. И всё чувствуют!

– Всё-всё?

– Всё-всё!

Девочка задумалась.

– А они слышат нас? – спросила она.

– Конечно.

– А потому они не говорят?

– Не знаю. Может мы их не слышим?

Поговори с ними...

– А ты умеет?

– Нет. Но я точно знаю, что они живые и слышат нас. И чувствуют!

– Знать им больно? – спросила она.

– Больно.

Девочка поглядела на растерзанный цветок и заплакала.

Тихоня придвинулся ближе, прижал её к себе и, поглаживая по голове, сказал:

– Ничего! Всё будет хорошо. Ты, главное, не спеши. Не спеши!

Девочка подняла голову, и серьёзно сказала:

– Я больше не буду их лвать. Я буду указывать и лазговаливать с ними.

– Ну, вот и хорошо. Прощай! Удачи тебе!

– Пака! – ответила девочка, улыбаясь и утирая слёзы. – Пака!

Слабость навалилась тяжёлым ватным одеялом. Тихоня огляделся вокруг, приходя в себя и пытаясь собраться. Он снова посмотрел на экзаменаторшу. Глаза её были расширены, брови удивлённо подняты, и на лице, легчайшим отпечатком, светилась немного растерянная улыбка. Она тоже приходила в себя и совсем по-другому, внимательно и задумчиво, поглядела на Тихоню. Затем лицо её приняло прежнее выражение сухости и важности, она скользнула взглядом по сторонам, взяла в руки экзаменационный лист с несуществующим ответом и, глядя в него, громко сказала:

– Что ж, молодой человек! Предмет вы знаете плоховато! Но зачёт заслужили, и, надеюсь, во время учёбы в нашей Школе, вы восполните пробелы!

Тихоня не понял, что она говорит и открыл рот, чтобы переспросить...

– Вы свободны, – отчётливо произнесла экзаменаторша, – можете идти.

Не веря своему, такому уже совсем не чайному спасению, а ещё больше поражённый тем, что САМ сейчас сделал, он поднялся, прошёл через весь класс и вышел в коридор. И даже закрыв за собой двери, всё ждал окрика сзади или жёсткой руки на плечо. Но ничего подобного не произошло, и медленно осознавая, снова и снова прокручивая в памяти прошедший Экзамен, Тихоня вышел на улицу. Стараясь «не расплескаться», удерживать как можно дольше новые ощущения,

он тут же свернул в хитрую анфиладу проходных двориков, в одном из которых давно уже облюбовал под большим раскидистым кустом укромное местечко для успокоения и раздумий...

8

Где-то внизу крупно затряслось, взревело, и оконное стекло больно ударило Тихоню по голове. «С контролем недоработочка, – подумал он, потирая ушибленное место. – Повнимательнее надо быть!» Бросив беглый взгляд по сторонам, Тихоня оценил обстановку как позитивную – пробка ещё недавно черепашьям панцирем застывшая и обездвиженная – ожила, распалась на отдельные разноцветные части, и переругиваясь гудками, медленно потекла приближаясь к Вокзальной Площади. «Если появился регулировщик, – прикидывал Тихоня, вглядываясь через лобовое стекло, – то мы просто везунчики. Тогда в два счёта окажемся на площади, а уж после... свобода, поедем с ветерком!». Так и произошло – очевидно, в ответ на «страстные мольбы» участников движения, свыше был ниспослан святой регулировщик, незамедливший своим чудесным жезлом, как волшебной палочкой, произвести долгожданное освобождение Площади, позволяя благодарному Тихоне плавно пересечь её, и устремиться по строго вытянутой нити Старого Проспекта вперёд, в расслабляющие объятия жилища... Отдохнувший фургон,

словно вспомнив молодость, бодро побежал к вожделенному концу маршрута, весело позвякивая, погромыхая, покачивая и поскрипывая своим оснащением. В распоряжении Тихони оставалось ещё не меньше получаса. Ему нетерпелось как можно быстрее, не теряя зря времени, продолжить свою, пока удачно проходившую, ретроспективу. Он уселся на сиденье поглубже, для безопасности взялся за поручень и закрыл глаза...

9

По сравнению с пережитым на втором Умном Экзамене, проверка у Школьного Проницателя показалась скучной и бесполезной. У всех и каждого по очереди долго снимали какие-то показания старыми, пыльными, сомнительного вида приборами, затем бесконечно и нудно пришлось заполнять дурноватые тесты с глупейшими вопросами, потом по сигналу все рисовали картинки и что-то ещё и ещё, такое же унылое и никчёмное. И всему этому не было конца и предела. У Проницателя они провели чуть ли не целый день. «Удивительно! – думал Тихоня, возвращаясь домой. – И чего пугали этим Проницателем?! Обычная тётка... некрасивая, неуверенная в себе, тихая, в очках!..». Но дело, конечно же, было не в тётке, а в той информации, которую она своими приборчиками собирала! И Тихоне потом разъяснили, что давным-давно в Школе работал очень умный дяденька, умев-

ший безо всяких приборов заглянуть тебе в голову и всё про тебя узнать. Вот его-то и называли Проницателем. А теперь это делает машина, железяка. Разумеется, не такая умная, и сама она никуда там не заглядывает, а вместо этого любой надрессированный лаборант, нажимая кнопочки, заносит в неё снятые с «пациента» показания и через какое-то время – хлоп! – она выдаёт кому следует удобный бумажный вариант твоей жизни – внутренней, внешней, прошлой, настоящей и будущей тоже. Машину эту никто из Учеников не видел, а Руководители говорили о Проницателе крайне редко, мало и не иначе как о живом человеке – «Он сказал», «Он посоветовал»... Тихоня рассказам «старшекурсников» про гениальную машину не верил, ему было неприятно думать о том, что некто или нечто следит за ним и знает про него всё. Тем более, тётка в очках перед тестированием заявила, что все предоставленные Соискателями данные это вроде как формальность, дань традиции и нужны для того чтобы Руководители Групп могли эффективнее помогать Ученикам в их работе и более ни для чего. Тихоня пожелал себе, чтобы тема Проницателя исчезла совсем из его учебной жизни и решил никогда к ней не возвращаться. Самым приятным моментом в тот день стало объявление об окончании проверки и приглашение всех Соискателей на Церемонию Зачисления, которая – можете не сомневаться! – состоится завтра в такое то время, в Малом Зале Школы.

Помещение Малого Зала было очень похоже на Главный

Зал Первого филиала, только раз в сто меньше и без золотой пышности. В нём проводились рядовые учебные Демонстрации или Вступительные Испытания. Ничего особенного новоиспечённые Ученики не увидели и не услышали, кроме, самого главного – Сирена, Первый Руководитель Группы №2, зачитала окончательный список успешно сдавших все Экзамены, утверждённый и заверенный Высшим Руководством Школы. Отныне всем присутствовавшим двадцати Соискателям присваивалось звание Ученик-Деятель.

А на следующий день утверждённых Учеников пригласили в филиал №2 Центра Воздействий (где им предстояло постигать деятельскую науку) для встречи уже с руководством филиала. Это мероприятие, в отличие от школьного накануне, было немного помпезным и торжественным. Всю Группу проводили в Музейный Зал, где на стенах висели изображения ушедших и ныне живущих Деятелей. Все они были запечатлены в разных позах, на первый взгляд неестественных и неудобных, некоторые со странными гримасами на лицах, большинство во время работы, на улице или у себя дома. Внизу, под картинами, располагались макеты сооружений, которые использовались в Демонстрациях. Ещё Тихоня заметил в углу какой-то длинный, извилистой формы чёрный блестящий ящик, как ему потом объяснили, являвшийся экзотическим музыкальным инструментом, привезённым кем-то из-за Дальних Пределов и издававший поразительно красивые звуки. Как то Тихоня, восхищённый его зву-

чанием, захотел непременно выучиться на нём играть, да так и не собрался. Посередине зала стоял большой накрытый для банкета стол. Ученикам, стеснительно державшимся кучкой, предложили садиться за него. Тихоня, как и остальные, нервничал и был неловок. Когда все, наконец, расселись, появился Главный Созидатель этого филиала – маленький, толстенький, седой старичок с сильным, густым голосом. Он, не улыбаясь, громко поздравил новичков с поступлением, напомнил о соотношении количества кандидатов и прошедших, об ответственности и в заключение пообещал, что дальше будет ещё труднее. После Главного Созидателя выступил Хранитель. Он походил на дипломата и говорил точно так же как они – мягко, складно и непонятно. Из его речи Тихоня уловил, что всем новоприбывшим будет хорошо в филиале и уж он, Хранитель, об этом позаботится. Затем появилась делегация Деятелей, приписанных к филиалу №2. Каждый из них произнёс короткую приветственную речь. К ним присоединились, и тоже по отдельности выступили, Руководители Группы – Сирена, Янус и Бром. Когда все уже наговорились, снова вышел Главный Созидатель и громогласно пригласил всех отведать угощения. Напряжение немного спало, старые и новые члены коллектива, объединённые общим поеданием, оживились, зал приглушённо загудел и зазвенел посудой. Тихоня был счастлив – мечта о Школе сбылась, он среди избранных, в их честь устроили банкет, чего ещё желать? Правда, потом он узнал, что Деяте-

ли всегда устраивают банкеты, по любому, даже пустяковому, поводу – это у них традиция такая. И всё же тот, первый, в памяти Тихони навсегда остался особенным предзнаменованием начала какой-то новой жизни. . .

Учёба предстала почти такую же, какой Тихоня её себе воображал. А в чём-то и немножко лучше. Ему нравилось проводить много времени в Школе и в филиале. Первую половину дня Группа изучала теоретические дисциплины в разных классах обоих корпусов Школы, а вторую половину, после часового перерыва, Ученики проводили на практических занятиях в филиале №2 или, как они стали называть его между собой, во «Втором». Он находился в пятнадцати минутах ходьбы от Школы. Во «Втором» было интересно и увлекательно. Всей Группе выдали именные карточки для прохода внутрь и Тихоня с гордостью показывал свою родственникам и знакомым. «Второй», созданный несколько позже «Первого» и уступая тому по размерам и важности, являлся таким же несгибаемым форпостом традиций. Местные правила обязывали Учеников, как и любых других сотрудников филиала, приветствовать Деятелей при встрече, но и вместе с тем позволяли общаться с ними. Это вызывало одновременно гордость и страх – все побаивались пока что заговаривать с кем-либо из Деятелей, держась, на всякий случай, от них подальше. Тихоня же, в отличие от своих товарищей, после незабываемых эпизодов с участием Бафа и Коротышки, чувствовал себя в некотором смысле бывалым и

страха не испытывал. Он был полон безграничного уважения, не решаясь вступать в более близкий контакт только по той скромной причине, что не знал как и о чём с ним будет говорить Деятель. Ну и, разве что чуть-чуть опасался повторения своего провала с Маром.

Сотрудники «Второго» приняли Учеников благосклонно, им разрешалось ходить везде, заглядывать и задавать вопросы. Хранитель, как обещал, позаботился и выделил Группе тесную, разделённую надвое, раздевалку и просторный Учебный Зал. Об одном, правда, хитрый и экономный Хранитель «забыл» и поначалу это омрачало ученическое существование – всякий раз когда Группа, оголодавшая на утренних лекциях, вваливалась в служебный буфет, обнаруживалось, что подкрепиться решительно нечем – Деятели после своих утренних тренировок подъедали почти всё без остатка, а на молодое пополнение администрация якобы не рассчитала запасов. Но после настойчивых жалоб Учеников а также благодаря «хозяйственному гению» Хранителя это «досадное недоразумение» быстро исправилось и все остались довольны собой и жизнью...

Начавшиеся трудовые учебные будни не повлияли на поведение Руководителей Группы, они оставались спокойными и доброжелательными. Сирена никогда не давила на Учеников и не подчёркивала разность в званиях. В Янусе Тихоня всё-таки нашёл зацепку для симпатии – она была интеллигентна и рассказывала неправдоподобные, но жутко ин-

тересные и захватывающие истории. А больше всех Тихоня симпатизировал Брому. Он вбирал в себя не только перечисленные качества коллег, но дополнял их раздумчивостью, добротой и вниманием к своим подопечным. Кроме того, Бром обладал настоящим талантом в своём деле. Когда Ученики получили доступ на вечерние Демонстрации и Тихоня увидел Брома в работе, то был потрясён его гениальностью. Он в совершенстве умел самостоятельно изменяться до полной неузнаваемости без каких-либо внешних средств, а, самое главное, управлять этим. Поразительным был также тот факт, что за исключением завсегдатаев, постоянно приходивших во «Второй» на Демонстрации, Брома практически никто не знал! Тихоня очень надеялся, что когда их звания хоть немного приблизятся друг к другу, то может быть они смогли бы стать друзьями, ну, или хорошими знакомыми. Впрочем, Бром был настолько лоялен, что спустя несколько лет, он, приглашая бывших Учеников на свой День Рождения, просил включить в список и Тихоню, в то время как тот снова скатился до звания Соискатель и был забыт даже некоторыми своими друзьями. В общем, Бром личность незаурядная, масштабная и дай Бог ему долгих лет жизни. Кстати, именно на том Дне Рождения, Бром вдруг ни с того ни с сего, будучи абсолютно трезвым, при всех заявил, что Тихоня один из его лучших и самых талантливых Учеников. За что Тихоня благодарен ему до сих пор...

Нельзя сказать, что учение давалось легко, но сил и задора

хватало. Интересы тоже. Тихоня старался быть точным, ответственным и прилежным учащимся. Он не пропускал лекции, записывал всё, что на них слышал и добросовестно готовился к практическим урокам. Отношения с одногруппниками складывались по-товарищески ровные. Правда, Тихоня этого было мало. Воспитанный хорошими книжками, он давно мечтал о крепкой мужской дружбе. В детстве всё было гораздо проще и, отличавшийся в тот период сверхобщительностью, Тихоня свято верил, что все его быстрые знакомства это и есть дружба на век. К юношескому возрасту Тихоня стал более закрытым, разборчивым, разучился распознавать людей «на ходу», и оттого растерял вместе со своим безоговорочным обаянием всех приятелей. Те, что были у него в Общеобразовательном Центре, после выпускного вечера как-то в одночасье пропали. Чему, если честно, Тихоня несколько не опечалился, а наоборот, радовался возможности завести новых, настоящих друзей в той среде, которая была ему близка. Однако и в Школе он в этом не преуспел. С отдельными Учениками сложилось лишь хорошее рабочее взаимопонимание. Например, Умник. На первый взгляд, у них не могло быть ничего общего – Тихоня младше его, худой и незаметный, робкий «маменькин сынок», не отличающийся высоким интеллектом. Умник же – физически крупный, с большой головой, в очках – много знал, умело пользовался речью и был совсем не похож на Деятеля, скорее на какого-нибудь учёного, или молодого преподавателя. Как-

вым, кстати, и являлся по предыдущему образованию. Он первое время недолюбливал Тихоню и открыто, в лицо, называл его дураком. До тех пор пока однажды им на двоих не дали задание по Звуковому Воздействию. Так себе, ерундовое заданье – перекидываешь друг другу маленький мячик и выкрикиваешь разные слова... Которые надо было подобрать в определённой последовательности путём хитрого алгоритма. Вот с этим они и просидели дня три. Когда даже большая голова Умника отказывалась работать, они расслаблялись крепким чаем и беседой. Тихоня рассказывал о своём, Умник о своём... За это время стать друзьями они не успели, да и не получилось бы у них дружбы, оба это хорошо понимали. Но Умник изменил своё отношение к Тихоне, признав, что был к нему несправедлив и пообещал выбирать именно его для грядущих собственных учебных работ.

Или Болтун. Уникальный в своём роде человек. Красавец, сошедший с обложки женского журнала, отпетый сердцеед, дамский угодник, фонтанирующий шутник, легко становившийся душой любой компании. Очень остроумный, тонкий и начитанный, Болтун на первых порах не скрывал своего презрения по отношению к Тихоне. А потом откуда-то нашёл в нём, как сам сказал, «нетипичное чувство юмора» и стал всё чаще заговаривать с Тихоней, находя их общение интересным, выражая удивление тому, что Тихоня, оказывается не идиот, как Болтун думал вначале. Тут, конечно, не последнюю роль сыграло мнение Умника. Он был старше

всех и по этому праву его назначили на почётную ученическую должность Предводителя Группы. С чем никто не спорил, все признавали его авторитет, багаж знаний и лидерские качества. Умник был всегда в курсе «последних событий», знал закрытую информацию и разбирался во всех «подводных течениях». Из-за него (косвенно, конечно же) Тихоня однажды чуть не нажил себе крупные проблемы. Когда произошёл всем памятный переворот, и Страну ожидало пугающее неизвестностью будущее, всякая связь между городами была прервана. Умник (будучи в отъезде на каникулах) каким-то чудом телепатировал Тихоне, чтобы тот собрал и передал ему все возможные новости. Тихоня, как ответственный человек, пошёл на Главную Площадь, где митинговал взбудораженный народ, зачем-то ещё прихватил с собой такого же правильного одноклассника Танцора и они на пару стали там выведывать «новости». А потом кому-то из них пришла в голову светлая мысль взять интервью у кого-нибудь из рядом стоявшего здания Военного Ведомства. Долго не размышляя, молодые люди пошли и стали барабанить в ворота... На их призыв явился человек в шинели и спросил, чем может помочь. Танцор с Тихоней, ничуть не смутившись, начали задавать вопросы. Человек в шинели, как и следовало ожидать, не имел желания отвечать на них. Но ребята, словно в каком-то наваждении, не унимались... Короче, им сказочно повезло – тот, кто вышел к ним оказался одним из Руководителей (Тихоня позже вспоминал, что у

того и вправду должно быть высокое звание, судя по символам на одежде). Он переменял тон, и кратким, предельно доходчивым языком, объяснил Тихоне и Танцору, что если бы на их настойчивый стук вышел простой часовой, он вообще не стал бы их слушать, а сразу отвёл куда-нибудь туда, откуда они, любезные, благодаря неразберихе вышли бы нескоро и что если им очень хочется, то это можно легко и быстро организовать... Объяснение так отрезвляюще подействовало на обоих интервьюеров, что «только пятки засверкали» когда они удалялись с Площади. После этого общение с Умником как то само собой сошло на нет. С каникул он обратно не вернулся, решив организовать в родном городе обучение основам Деятельского Искусства. Тихоня в тот же год приезжал к нему за советом планировать ли очередное поступление. Умник сам предложивший остановиться у него, вызвался потренировать Тихоню. Он считал тихонины колебания блажью, уговаривал его не отступаться, но узнав, что тот всё же передумал, очень вежливо попросил съехать. Говорят, Умник теперь преуспевающий Созидатель и весьма состоятельный человек... Тихоня потерял его из виду. А с Болтуном они иногда общаются по сей день. Он стал ещё привлекательнее для женщин, по прежнему следит за фигурой и единственное с чем расстался, так это с излишней шевелюрой, сделав себе соответствующую новому статусу «средних лет любовника» причёску. Кроме этого, между делом, он превратился в популярного Деятеля. Народ его уже узна-

ёт на улице и ему это очень нравится.

Пожалуй, кроме Умника и Болтуна у Тихони приятелей не было. Не считая Танцора. В Школе они не общались особо, так ... читали одни и те же книжки. А сошлись через восемь лет – Тихоня скрывался тогда от карающих за непослушание родственников, и попросил срочного убежища. Танцор с радостью согласился прятать его у себя. Дело было летом, и Тихоня испытывал жуткое неудобство от того, что отпусник Танцор тратит на него почти всё своё время. Он был интересным собеседником, в ярких подробностях рассказывал о поездках за Дальние Пределы, читал Тихоне по секрету свои поэтические пробы, кормил его вареньем и железно обещал помочь вернуться в Школу... И всё бы хорошо, но когда чуть позже Тихоня был на грани жизни и смерти, а Ведьма его спасала, как всегда неожиданно, выяснилось, что Танцор никакой не Танцор, а хорошо замаскированный Вампир. Не книжный – с клыками и кровавым ртом, а, напротив, очень приятный молодой человек симпатичной наружности, услужливый, культурный, отзывчивый, всегда готовый помочь... почти идеальный. Тихоня сам никогда бы не догадался, что тот, кого он уже называл своим другом, целенаправленно занимался высасыванием биологической энергии в разных её ипостасях и всевозможными способами. Ведьма говорила потом, что буквально подхватила Тихоню в последний момент. И было тогда совсем не до смеха, как в детских книжках-страшилках... Нейтрализовали милого Тан-

цора быстро, спасая Тихоню от неминуемой гибели. А вот дальше пришлось долго и муторно, по кусочкам, отрывать его мёртвую хватку и происходило это очень даже по-настоящему! Точнее всё ещё должно произойти, а пока...

Пока Тихоня с нетерпением ждал когда же Руководители Группы начнут обучать Искусству Деятеля. Каким образом это должно происходить Тихоня не ведал, но был уверен, что учение волшебству также обязано быть хоть немного волшебным. Однако, по какому-то недоразумению, ожидания его не оправдывались. Окончив длительные теоретические предисловия, ни Сирена, ни Бром, ни Янус, иногда порознь проводившие уроки, всё никак не переходили к делу. Изодня в день, на практических занятиях приходилось делать ужасно скучные упражнения с воображаемыми предметами, воображаемыми людьми и почти всем воображаемым. Если не делались упражнения, то Руководители предлагали Ученикам зачем-то играть друг с другом в странные игры неясного содержания. Тихоня поначалу отнёсся к ним терпимо, как к неизбежным издержкам любого обучения, ни одно из которых, по мнению Тихони, не существует в идеальном, то есть полностью тебя устраивающем, виде. А со смутными ощущениями какого-то непорядка он привычно разбирался традиционным методом – игнорировал. Это было легко, его мысли занимали два события, первое из которых осталось бы просто полумистическим случаем для поздних воспоминаний, но в своей связи со вторым, возможно уже выстраива-

лось в логический ряд, последовательность, дававшую обязательство продолжиться. Тихоня думал о том, как сильно ему хочется рассказать кому-нибудь про Коротышку и о своём неожиданном опыте на Экзаменах. Он был бы рад поделиться посетившими его новыми счастливыми предчувствиями, таинственными догадками. Если бы у него был друг, перед которым он смог бы выговорить их, облечь в форму, осмыслить значение... Впрочем, опускаясь с небес на землю, Тихоня отдавал себе отчёт в том, что самый близкий друг не взялся бы со всей определённостью подтвердить или опровергнуть принадлежность этих событий Деятельскому делу. Так что, по всей видимости, придётся идти к единственным людям, в чьих силах прояснить картину и кто не примет его за сумасшедшего выдумщика... к Руководителям Группы. Но к кому обратиться Тихоня не знал – кандидатура Януса сразу отпала, а из двух других он не мог выбрать. По Правилам все вопросы нужно решать с Сиреной, она главнее всех. А душа лежала больше к Брому. Но он, как и Сирена, никогда не бывает один, постоянно рядом другие Деятели или Ученики. А если и удастся поймать кого-то из них поодиночке, то как объяснить, как спросить то что нужно? Можно ещё было поговорить со старым знакомым, с Живчиком. Тихоня счёл это наилучшим выходом и уже готовился к разговору, когда узнал, что Живчик вне досягаемости – с Группой №1 он уехал куда-то обмениваться опытом... Ах, как не хватало доброй Мины! Ей бы Тихоня без промедления от-

крылся, зная, что она если и не поможет, то уж точно поймёт его и поддержит. Но, к сожалению, пока Тихоня находился в горячке поступления, старенькая Мина внезапно заболела, слегла и почти совсем потеряла память. Тихоня, по возможности, навещал её. Она его узнавала и не более – связного разговора Мина вести уже не могла, всё время повторяя: «Ты поступишь, я в тебя верю! Помни, дорогу осилит ИДУЩИЙ!»...

10

Через несколько месяцев Тихоня почувствовал, что дискомфорт, на первых порах лёгкий, едва заметный, не только не пропал, но и усилился. Смутные ощущения, заглушаемые дружественными пирушками, незаметно превратились в тяжёлые тёмные тучи, сделавшие из ясного дня вечерний сумрак, поглотивший так и невысказанные счастливые предчувствия. За это время ничего не изменилось в ежедневных занятиях – на смену одним упражнениям и играм приходили другие. Больше всего вызывало недоумение то, что Тихоня не видел никакой связи между ними и той работой Деятелей, которую сам видел. Например, было непонятно зачем нужно упражнение, в котором Ученик беспрерывно открывал и закрывал воображаемую банку или надевал и снимал воображаемую одежду? И какую цель преследовала игра, в ходе которой Ученики прыгали в ряд по кругу, хло-

пали в ладоши и громко выкрикивали глупейший стишок про маленькое колючее животное, почему-то шагающее по сельскохозяйственным землям, засеянным какой-то зерновой культурой?.. Как это поможет стать Деятелем? Тем загадочным существом, которое, легко может ваять из самого себя сложнейшие иллюзии, управлять звуками и вибрациями, исчезать и появляться. Зато Тихоня был уже абсолютно уверен, что это никак не связано с тем, что он так прекрасно пережил дважды! Между тем, оба прекрасных переживания казались теперь неудачной выдумкой или сном, постепенно терявшим остроту вызванных чувств и с каждым днём Тихоня всё дальше уходил от своего намерения спрашивать и разбираться. К тому моменту, и без того небогатый выбор исчерпывался Болтуном и Умником, с которыми у Тихони появились поверхностно-приятельские отношения. С перемешником Болтуном Тихоня побоялся откровенничать. У того была нехорошая манера всё и всех высмеивать или выставлять собеседника при свидетелях в наиглупейшем виде. Делал он это беззлобно, но совершенно не заботясь о чувствах объекта своей шутки и так быстро, что никому не удалось остановить его. Последней кандидатурой был Умник. Он дослушал Тихоню примерно до середины и, пряча улыбку, прервал его дружеским советом писать книжки...

Ещё через месяц Тихоней начали овладевать уныние и тоска, сопоставимые с подобными чувствами Чернорабочего, таскающего каждый день тяжёлые, уродливые и грязные

конструкции. Тихоня уговаривал себя, что все эти упражнения и игры необходимость – сначала изучают ноты, затем гаммы, а уж потом играют музыку. «А может я вообще не туда пришёл?..» – спрашивал он сам себя.

Как-то раз Тихоня, поддавшись внезапному порыву, остановил выходящую из Учебного Зала Сирену и попытался обратиться к ней. Но пока он сбивчиво излагал обтекаемую формулировку, его не покидало чувство, что Сирена всё поняла едва только он начал говорить. Она вежливо дождалась того момента когда он, окончательно запутавшись, сконфуженно замолчал и сказала:

– Работай над упражнениями!

И Тихоня работал. Он заключил с собой соглашение не думать, не задавать вопросов и учиться дальше. Какое-то время, собравшись с духом, ему снова удавалось игнорировать собственные ощущения. Но дискомфорт распространялся как лесной пожар, начинал навязывать обобщения, фатальные выводы и перерастал в серьёзную помеху. Тихоня заметил, что в нём медленно, но верно растёт непримиримое сопротивление, не идущее ни на какие уступки. Причём, проявлялось оно исключительно во время уроков, когда при всех и со всеми нужно было выполнять обязательные учебные упражнения или участвовать в опротивевших играх. А настоящий кошмар случился, когда Руководители заявили, что Группа переходит на новую ступень и задали «Звуковую Ловушку»! Тихоне это упражнение сразу не по-

правило – нужно было найти фрагмент классического, то есть старинного, словесного произведения, вставить в него свой собственный текст, и сделать это так, чтобы на следующий день, когда на уроке ты выйдешь и будешь демонстрировать результат, никто не догадался где именно находится твоя вставка. Отсюда и название «Ловушка». Может кто-то из Учеников и счёл задание пустяковым, но Тихоня впервые почувствовал сильнейшее желание не ходить на учёбу. Что приравнялось к «самоубийству» – если некоторые теоретические лекции по общим дисциплинам относительно без последствий ещё и можно было пропускать, то первый же прогул какого-либо из главных Деятельских предметов автоматически заносил штрафника в «чёрный список», суливший, по словам старожил, разнообразные «прелести» от лишения отдельных прав, до невозможности в дальнейшем претендовать на работу в Городе. А уж после двух, максимум трёх пропусков, Ученик со скоростью света вылетал из Школы, и таких случаев было немало... Невыполненное задание, с другой стороны, также являлось серьёзным нарушением Правил и Тихоня нечеловеческим усилием заставивший себя прийти на занятия, готовился к самому худшему – чему-то похожему на медленную казнь. Примерно так и вышло – с ним, на глазах у всей Группы, была проведена длительная проникновенная беседа и всем вместе вынесено предупреждение о невозможности впредь поступать по примеру данного, конкретного Ученика. Примечательно, что бесе-

ду проводила Янус и делала это не просто профессионально, а как-то залихватски, не скрывая удовольствия. Сирена и Бром молча сидели рядом, опустив головы, ни разу не вмешавшись в воспитательную работу. Злосчастное же задание, под страхом суровых последствий, всё таки пришлось выполнить. Для этого Янус не пожалела учебного времени, и устроила Тихоне отдельное индивидуально-публичное пыточное мероприятие, длившееся тошнотворно долго и тягостно.

– Вот видишь, ничего страшного! – резюмировала она в финале с безупречной улыбкой. Тихоня почувствовал себя раздавленным.

Анализируя произошедшее, он первым делом ничего не увидел кроме полной своей несостоятельности и неспособности дальше учиться. Но поразмыслив, успокоился на том, что ситуация скорее была вызвана теми глупостями, которыми они занимались на практических уроках и всё образуется. Тем временем, то, что он называл глупостями, не прекращалось. Прошло уже полгода, а положение дел всё больше его угнетало, вызывая какую-то безнадежность и упадок сил. Он не знал, что ему делать, учёба разочаровывала его. От счастья не осталось и следа, и уже не помогали воспоминания о Великом Бафе, торжественном приёме во «Втором», полных восторженного трепета первых днях учения. А образ Мины вообще отошёл на второй план, поблёк, затуманился, и её коронная фраза звучала в памяти глухо, из последних

сил удерживая Тихоню от апатии. Он чувствовал себя обманутым, или точнее, что сам обманулся. Оставалась слабая надежда на Брома – Тихоня видел, что тот хочет давать Ученикам что-то ещё, – однако Бром постоянно себя одёргивал и она таяла с каждым днём. Один раз Тихоня рискнул обратиться к нему мысленно напрямую и начал было уже получать удивлённый ответ, как тут же почувствовал чьё-то сердитое присутствие, связь резко прервалась и Тихоне стало дурно. Хорошо ещё, что он догадался делать это вечером дома, а то пришлось бы грохаться в обморок где-нибудь на улице или чего доброго в Школе... Сирена же на вторую, обессиленную тихонину попытку позадавать вопросы с некоторой досадой (так ему показалось) ответила, что «да, работа Деятеля и будет состоять из похожих только более сложных упражнений!..».

Как Тихоне хотелось переговорить с Живчиком!!! С этим улыбающимся, лёгким человеком, умеющим одним словом расставить всё по местам! Если бы удалось его встретить, поймать!.. Но тот, полностью соответствуя своему имени, был просто неуловим. В конце концов, после безуспешных поисков, Тихоня выяснил, что Живчик не в Городе и даже не в Стране, а за Дальними Пределами кого-то учит и когда приедет неизвестно... Ситуация складывалась безвыходная и Тихоня решился на последний, как он думал в тот момент, шаг – пользуясь возможностью пребывания в филиале Центра Воздействий, поговорить с кем-нибудь из тамошних Де-

ателей. Оказалось, что это совсем не сложно.

Во «Втором» имелось специальное помещение, отведённое для отдыха Деятелей. Некоторые из них очень любили «расслабляться» там во время Вечерней Демонстрации, в обязательном порядке после её окончания, а часто и задолго до начала. Тихоня зная это, пришёл пораньше перед занятиями, чтобы успеть совершить задуманное. Он поднялся на второй этаж и, стараясь унять дрожь, вошёл в эту комнату без дверей, откуда как раз доносились звуки негромкого разговора. Деятелей было двое – один молодой, другой раза в два старше и, видно, матёрый. Разговор тут же прекратился, собеседники повернули головы и уставились на Тихоню. Перед своим походом Тихоня, не знал чего можно ожидать от Деятелей но, прекрасно помня неудачу с Маром, принял твёрдое решение не совершать прежнюю ошибку, действовать более настойчиво и, если понадобится, стоять до конца. Последнее удалось ему сразу – всё, что собирался сказать вылетело из головы, тело стало деревянным и почему-то одна, глупейшая мысль свободно разгуливала по сознанию: «Если начнут убивать – буду драться насмерть!..». Происхождение подобных мыслей вне всякой логики и смысла всегда интересовало Тихоню, но в тот момент когда они возникали было не до исследований, а после хотелось побыстрее забыть и в лучшем случае ненадолго оставалось стыдливое удивление – как такое вообще можно было подумать?...

Конечно же его опасения оказались напрасными – ничего

страшного не произошло, наоборот, Тихоню очень радушно приняли, как равного среди равных. Оба Деятеля пребывали в расслабленном состоянии и хорошем настроении. Это помогло отчасти сбросить лишнее напряжение и вспомнить зачем пришёл. «Надо уловить момент!..» – думал Тихоня. Пожилой представился как Особый, имени молодого Тихоня не расслышал, а переспрашивать побоялся. Его тут же забросали вопросами о поступлении, то и дело прерывая неуклюжий рассказ возгласами: «Да?!! Ну, надо же!!! А у нас совсем по-другому было!!», как будто они одного возраста и вместе учились.

– А как учёба? – спросил, наконец, Особый. «Ага, вот!» – быстро подумал Тихоня и его опять затрясло.

– Учёба? – переспросил он.

– Ну да. Нравится?

– Нравится, – ответил Тихоня, и посмотрел Особому в глаза. – Только вопросов много...

Особый спокойно отвёл взгляд и закурил.

– Это нормально, – весело бросил молодой и стал разглядывать журнал, лежавший на столике рядом.

– Да, но я хотел бы... – громко заговорил Тихоня.

– Я вот когда начинал, – тихо перебил его Особый, – хотел весь мир перевернуть. Думал, буду гениальным Деятелем, помогу всем приобщиться к великому... – он усмехнулся. – Да уж... глупый был!..

Особый затянулся сигаретой, глядя куда-то мимо Тихони

и не продолжал. Молодой тоже молча улыбался, перелистывая журнал.

– А вы... как вы это делаете? – Тихоня не знал, как сказать и пошёл напролом.

– А? – встрепенулся Особый. Отступить было поздно:

– Как вы это делаете? – повторил Тихоня.

– Что? – сдвинул брови Особый.

– Ну... на Демонстрации. Как вы работаете?

– Да, работа наша интересная, – сказал Особый, оставаясь серьёзным и задумчивым. – Но невероятно тяжёлая. Сколько уже наших полегло! Страшно подумать...

Он повернулся к молодому и живо заговорил:

– У меня тоже такой случай был... На Демонстрации... Стою я, стало быть, на плоскости, медленно так потом подымаюсь, подымаюсь... уже превратился почти полностью! Всё, назад дороги нет! Радиус расширяю и усиливаю интенсивность! А энергетика такая, что хоть электростанцию подключай! И вдруг, ррраз... чувствую – «улетаю». Представляешь? Ничего поделать не могу – теряю себя... Совсем!.. И тут невольно подумал: «Ну, вот... ещё один уйдёт прямо во время Демонстрации!»... И ты знаешь, не страшно было несколько!.. Вроде как радостно, что ли? Да... Но, потом ничего... выкарабкался!..

Тихоня ни слова не понял из рассказа Особого, был ли это ответ на его вопрос или вообще не имел к нему никакого отношения? Он поглядел на молодого. Тот, по-прежнему

улыбаясь, захлопнул журнал, наклонился поближе и сказал:
– Дам тебе два совета. Первое – всегда помни, что есть Тренировка, есть Демонстрация, а есть ещё Жизнь, и это абсолютно разные вещи. А второе – всё записывай! Понял?..

В этот момент где-то у Запретной Зоны раздался удар гонга и протяжным эхом отозвался во всех коридорах «Второго», деловито напоминая Деятелям о начале подготовки к вечерней Демонстрации, а Учеников призывая прибыть на урок.

11

Наступила весна, каждый год с нетерпением ожидаемая, но, по обыкновению, внезапная и резкая. Все живые существа, в том числе и гуманоидные, радовались этому всегда приятно во всех отношениях событию, стараясь выползти на солнышко, на свежий воздух, дабы полнее вкусить прелесть обновления Природы. Тихоня же заметил весну случайно. Выходя затемно из дому, он вместо того чтобы привычно проехаться по знакомой отшлифованной ледовой дорожке, вдруг влопался во что-то жидкое и хрустящее. Конец зимы он всегда боготворил и связывал большие надежды с приходом нового времени года. В этот раз, против всегдашнего порядка, всеобщее пробуждение не произвело на Тихоню обычного действия. Безнадёга его никуда не делась, а липкой паутиной опутывала всё больше, по своим хищным

правилам одурманивая, лишая сил и желания как-то сопротивляться. Он потерял интерес к учёбе, невзирая на последствия стал пропускать лекции по теории и делал всё машинально, без эмоций, без чувств, как будто кем-то однажды заведённый просто ждал когда окончится завод. Но тут, к счастью и вовремя, откуда ни возьмись, появился Живчик...

Тихоня аж задохнулся от неожиданной радости, когда столкнулся с ним в одном из коридоров Школы... Тот сходу спросил как дела, Тихоня так же сходу ответил, что всё очень плохо и, не выдержав, разрыдался. Живчик взял Тихоню за плечо и быстренько отвёл в сторонку, за ближайший мраморный бюст какого-то древнего Деятеля.

– Что случилось? – спросил он спокойно и серьёзно. Тихоня,

как мог, коротко описал своё положение.

– Да уходи и всё!.. – легко сказал Живчик. – Найдёшь и лучше...

Приблизительно такую же неординарную и пугающую, как выстрел, мысль Тихоня ещё услышит. Когда от него уйдёт, а лучше сказать сбежит невеста и он будет безутешен, то снова стремительно на горизонте появится Живчик и брякнет нечто очень похожее. Как ни странно, это поможет!.. Помогло и теперь. Разумеется не сразу, как и всякое действенное лекарство.

– Как уходить?! – опешил Тихоня.

– Вот так. Поступишь в другой раз, к другим Руководите-

лям.

– Но, я... мне же... надо... Я хочу здесь учиться!

– Тогда учись!

– Но я не могу, у меня не получается, это всё не то... Я хочу быть Деятелем!

– И будешь.

– Но как?!

– Учись сам!..

– Сам?!! Так ведь...

– Да, сам! Самостоятельно! Собственнолично!.. Начинай прямо сейчас и ничего не бойся!.. – Живчик улыбнулся своей широкой детской улыбкой и хлопнул Тихоню по плечу. – У тебя всё получится, я в тебя верю!..

Глядя вслед убегающему Живчику, Тихоня удивлённо подумал, что такая элементарная до глупости мысль до сих пор не приходила ему в голову. Нет, Живчик всё-таки гений! Если б Тихоня не знал его, то решил бы что от него попросту хотят избавиться. Живчик производил иногда такое впечатление на людей мало с ним знакомых. Но стоило пообщаться с ним какое-то время, как рано или поздно становилось заметно, какие подарки он дарит окружающим. Надо было только быть внимательным, чтобы принять их и оценить. Он умел одним словом поднять «упавшего» и максимум одной фразой подсказать решение серьёзнейшей проблемы...

Тихоня задумчиво посмотрел на молчавшего мраморного Деятеля, мысленно повторил про себя слова Живчика... и

тут... с изумлением отметил..., что вроде как дышать стало полегче и... да, да... внутри завибрировало что-то, отдалённо напоминавшее прежний задор! «Как это у него получается? – восхищённо подумал Тихоня. – Быстро, легко... и срабатывает!...». У Живчика, конечно, не всё было быстро и легко, зато он всегда знал на какую «кнопку» нажимать, чтобы заработало. Вот уж кто настоящий Деятель! Поговаривают, он им раньше и был, но почему-то очутился в Школе Преподавателем Звуковых Воздействий. И это казалось настолько естественным, что Тихоня никогда не спрашивал его «почему?». А если бы и спросил, то Живчик, наверняка б не ответил. Или отшутился бы или... растворился в воздухе – это как раз в его духе!

Растворялась потихоньку и безысходность, к которой Тихоня начал уже привыкать. Он явственно замечал, как день ото дня живчикова зараза распространяется в нём всё больше и шире. Он снова ходил на все занятия, ещё активнее участвовал во всех учебных работах своих согруппников. Появилось лишь одно, но существенное отличие. Тихоня стал непослушным. Нет, он не нарушал Правил Школы. По крайней мере тех, что касаются поведения и обязанностей Учеников. Его «преступление» было гораздо хуже... Он нарушил самую суть, дух Правил Школы Деятелей – СТАЛ УЧИТЬСЯ САМ...

– Эй, парень! Ты чего уснул, что ли? Приехали...

Тихоня почувствовал, как кто-то прикоснулся к его руке и открыл глаза.

– Ну, давай, выходи. Конечная остановка!..

Перед ним стояла тётка в ядовитой зелёной жилетке и тербила его за рукав:

– Притомился? Надо выходить, а то оставлю тут на всю ночь...

Старый фургон опустел, и лучи нежаркого закатного солнца могли теперь без препятствий проникнуть внутрь, инспектируя пыльное пространство минуту назад оставленное людьми. Железный трудяга с наслаждением замер, уже отдышавшись и получив честно заработанное право на отдых. Тихоня спустился на дорогу, потянулся, расправляя плечи, и неторопливо пошёл в сторону дома. Прوماхнул он совсем немного – транспортное кольцо находилось всего в трёх остановках, так что можно было пройтись по хорошей погоде. К вечеру повеяло прохладой, и прогулка пешком доставляла радость и какое-то умиротворение. «Вот почему Волк с Ведьмой так любят гулять!..» – подумал с улыбкой Тихоня. Пока суетливое тело без напряжения занято приятной работой, сознание, не отвлекаемое понуканиями «что-то делать» может спокойно сосредоточиться на своих забо-

тах. На ходу думалось и представлялось легко, без усилий. Тихоня с детства умел мечтать с открытыми глазами, можно сказать был мастером в этом деле, – главное смотреть под ноги, – поэтому для него не составило большого труда вернуться к начатому в долгой дороге из Школы. Оставалось проработать ещё кое-что. Не последнее, но очень важное...

13

Новая учёба пошла быстро и Тихоня сделал первое для себя открытие о том, что каждый самостоятельный шаг, неважно какой он удачный или нет, является событием исключительной ценности. И пусть ты всякий раз выдумываешь колесо, но это ТВОЁ колесо. И со временем (Тихоня в это верил) из череды мелких, незначительных, каждодневных открытий и изобретений непременно вырастет что-то чего до сих пор не было, что-то новое, интересное, нужное. Не только тебе, но и другим... Процесс тут же захватил, увлёл и поглотил его целиком. Посоветоваться было не с кем, приходилось продвигаться наощупь – учась попутно слушать себя, свои ощущения, мысли, чувства. Из того, что примечал Тихоня пока не составлялась сколько-нибудь стройная картина и он отложил разбор впечатлений и информации на потом. Впрочем, некоторые первые выводы напросились сами собой. Он решил опираться лишь на свой собственный опыт и принять за точку отсчёта то, что прочувствовал при кон-

такте с Коротышкой и на Экзамене по Истории. А исходя из этого выходило, что...

Первое – всё, что он видел на Демонстрациях и тренировках в двух филиалах Центра Воздействий это, в подавляющем большинстве, спецэффекты, пустые дешёвые развлечения;

второе – даже если кто-нибудь из Деятелей занимается помимо развлечения ещё чем-то похожим на тихонин первоначальный опыт, то выведать что-либо об этом ни у одного из них, включая любимого Брома, практически невозможно;

и, следовательно, третье – он, Тихоня, должен сам, за неимением единомышленников или, что было бы неизмеримо лучше, Учителя, сознательно повторяя снова и снова уже опробованное, разобраться с чем имеет дело...

В новом своём качестве, Тихоня перестал бояться, переименовал отношение к теме под названием «Личное Взаимодействие», и с интересом приступил к исследованию нового, как он для себя определил, Особенного Контакта. Первый раз это было так. На одном из практических занятий Руководители выбрали его и Кругляшку, симпатичную глазастую девушку с задорным, дружелюбным характером, пригласили их в центр Зала и предложили сыграть в игру «Воришка». Тихоню назначили жертвой, а вором стала Кругляшка. Игра не отличалась от всех предыдущих и была, на взгляд Тихони, такую же бессмысленной, нелепой и глупой – воришка должен подойти к жертве и отобрать у неё что-нибудь, а жертва

в свою очередь как-то на это прореагировать. Но Тихоня не обратил, как раньше, внимания на недостатки игры, а сконцентрировался целиком на контакте. Когда Кругляшка в роли вора заговорила с ним, Тихоня посмотрел ей в глаза и, постаравшись припомнить как он сделал это на Экзамене по Истории, заглянул далеко вперёд...

Духота резко сковала дыхание. Тихоня непроизвольно глубоко вдохнул и на секунду вспомнил, как когда-то отец водил его совсем маленького на Общий Помывочный Пункт. Там тоже была страшная тёмная комната без воздуха, в которой сидели и лежали мужчины и ещё, зачем-то время от времени хлестали друг друга ветками какого-то растения. Отец говорил, что это очень полезная процедура и все ходят в Помывочный Пункт именно за этим. Тихоне тогда понравился только запах, а отец сказал, что так пахнет то растение... Теперь же воздух был густо насыщен знакомыми кулинарными ароматами, но в каком-то чрезмерном и неприятном сочетании.

На небольшом расстоянии впереди, в полумраке, Тихоня увидел длинный, массивный стол из грубых досок. На нём громоздилась горными вершинами разнообразная еда – фрукты, овощи, мясо, печенье, куски тортов, ломти хлеба – всё вместе. За столом сидел кто-то длинноволосый и, опустив голову, так что не видно было лица, сосредоточенно копошился, урча и постанывая. Тихоня огляделся. Невоз-

можно было понять, где он находился – ни окон, ни дверей – кругом складками свисало нечто похожее на длинные плотные шторы или занавеси, какие обычно используются на вечерних Демонстрациях в филиалах Центра Воздействий. Чтобы хорошенько всё разглядеть освещения не хватало – над столом, непонятно как закреплённый, располагался широкий железный обод, утыканный горящими свечками. Многие из них до конца оплавилась и потухли, из-за чего светильник походил на старческий рот с остатками зубов...

Урчание на мгновение прекратилось и длинноволосый, не прерывая своего занятия, поднял голову... Тихоня не поверил глазам! Перед ним сидела Кругляшка! Её было трудно узнать – в жизни миловидная, изящная, с красивыми пышными волосами, весёлая и озорная, обаятельная, здесь предстала перед Тихоней противной толстой неряхой буквально пожирательницей всё, что попадётся под руку. Она с чавканьем ела подряд мясо и варенье, печенье с овощами, пирожные и хлеб, хватая еду руками и засовывая себе в рот. Остатки не попавшей туда пищи, стекали, капали и крошились прямо по грязной, засаленной одежде... не ясно что это было – не то платье, не то халат. Кругляшка не обратила никакого внимания на Тихоню и продолжала запихивать в себя еду. Он был настолько поражён увиденным, что не мог сообразить, что делать дальше и, переступив с ноги на ногу, на что-то с хрустом надавил. Кругляшка выпрямилась, прожжёвая, и повела вокруг мутными глазами. Затем, остановив невидя-

щий взгляд на Тихоне, она громко и протяжно рыгнула. Его затошнило и, ничего не сказав, он выскочил обратно.

Свежий воздух ворвался в лёгкие, проясняя сознание. Симпатичная Кругляшка продолжала что-то щебетать, изображая вора. Тихоня, пересиливая дурноту, молча смотрел на неё. «Может снова попробовать? – подумал он. – Нет!.. Не смогу, пожалуй!» Кругляшка тем временем угрожая каким-то воображаемым предметом, должно быть ножом, потребовала имущество и Тихоня отдал ей воображаемый кошелёк. Она победно вскинула голову, произнесла какое-то восклицание и скрылась. Тихоня постоял ещё немного и с отрешённым видом возвратился на своё место. Его поведение, видимо, удачно наложилось на сюжет игры, потому что их с Кругляшкой даже похвалили.

– Молодцы, хорошо! – раздался спокойный голос Сирены. – Поиграли, правда, маловато, зато довели игру до логического конца... Так, теперь на площадку выйдут...

Тихоня сидел, глубоко задумавшись, и пытался осмыслить свой новый опыт. Он был немного разочарован и растерян. «А ты думал будет как с историчкой? – спросил он сам себя. – Полянка, девочка, цветочки?.. Ну да, не ожидал ты увидеть ТАКОЕ! Ну и что? Подумаешь, затошнило! Надо быть готовым ко всему!.. А может я слишком рано вышел?.. Так и есть! Конечно, рано! Надо было подождать, понять что делать!.. Испугался... исследователь! В следующий раз надо

быть внимательнее когдаходишь! Внимательнее, аккуратней и... осторожнее? Или наоборот, смелее?.. Ладно, всё, запутался... надо пробовать снова и баста!..»

Следующую неделю Группа занималась очередным закрыванием-открыванием воображаемых банок, штопаньем воображаемых носок и так далее. Затем несколько дней все слушали новые красочные рассказы Януса и Брома. После этого два урока заменили на экскурсии в Музей Деятелей, где оба раза долго и скучно Учеников нагружали ненужной информацией из жизни Великих Деятелей далёкого и недавнего прошлого. Тихоня терпеливо ждал подхода темы «Личное Взаимодействие» и скоро она вновь появилась в расписании Деятельских уроков.

На этот раз для совместной работы в партнёры Тихоне выбрали Сухого. Нервный художавый парень, ходивший на цыпочках, склонный с одной стороны к интеллигентской рефлексии, а с другой к эмоциональным и агрессивным поступкам, Сухой отличался тем, что не допускал никакого общения, кроме дежурного приветствия при встрече. Для Тихони это был совершенно закрытый и малосимпатичный человек.

Сирена предварила игру условием, что они в споре и одному (Сухому) велела собираться и уходить, а Тихоне не дать это сделать. Задание Тихоню мало интересовало, он слушал невнимательно, все мысли были направлены на то, чтобы правильно сконцентрироваться, собраться и действовать...

Сухой играл как мог, честно пытаясь представить себя обиженным и изображал, как собирается, постоянно отворачиваясь. Это было крайне неудобно – он постоянно прятал глаза и Тихоня уже думал, что ничего не выйдет. Сухой собрал воображаемые вещи и, следуя какой-то своей логике в игре, уселся повернувшись к Тихоне, глядя прямо на него. Тот был уже готов и, поймав зрочки партнёра, осторожно и уверенно вошёл...

Зал сиял красотой, чистотой и богатым убранством. Он был похож на длинную музейную галерею. Белые колонны, выставляя напоказ свой хитрый орнамент, множились по обеим сторонам от Тихони, убегая в перспективу. Пол терракотового цвета с прожилками, зеркально блестел и отражал в себе ослепительно-голубую атласную ленту неба, точь в точь как настоящего, рассекаемого то и дело беспокойными птицами и бережно вливающего сверху пригоршни свежего благоухающего ветерка... На бледно-розовых стенах – не то из мрамора, не то из чего-то такого же затейливого – висели огромные картины, изображавшие охоту, людей с крыльями и обнажённых девушек. В Зале присутствовали и одетые девушки. Задрапированные в лёгкие, свободно ниспадающие материи, они, сидя и стоя окружали большую роскошную лежанку (Тихоня не вспомнил, как у древних это называлось), на которой, в разноцветных блестящих нарядах, по-царски возлежал Сухой... Он, к сча-

стью, не оказался толстым и уродливым и вообще внешне никак не изменился, не считая эффектных одежд. Сухой заметил Тихоню, спокойно отстранил руку ближайшей девушки, протягивавшую ему какой-то фрукт, и громко произнёс:

– Как смел ты появиться здесь, презренный? Тебя не звали!

«Тааак! – подумал Тихоня, не зная что отвечать. – Как быть?»

– Прошу прощения великодушно, я не хотел нарушить уединенье ваше! – услышал он свой голос.

– Тебя за преступленье накажу примерно!, – повелительно продекламировал Сухой. – Что хочешь ты, скажи?

– Хотел тебя поздравить со счастливой жизнью! Такою, как хотел ты... – Тихоня попытался себя остановить.

– Продолжай!

– ... о Мудрый и Великий! Ты достоянье для народа своего! Да будет милость над тобой богов вовеки!, – закончил Тихоня.

Сухой улыбнулся и встал.

– Мне по душе такие речи! Люблю правдивые высказыванья слышать! Быть может, я помилую тебя!

– Сочту я вашу милость за великую награду! – Тихоня поклонился. Сухой подошёл и вскинул вперёд руку ладонью вниз.

– Тебя прощаю я своей благою волей! Скажи в чём ты

нуждаешься и убирайся!

Тихоня почувствовал, что снова кланяется и целует Сухому руку. Всё происходило так, будто кто-то за него произносит слова и делает движения. Тихоня не знал, как избавиться от этого руководства и это же, ему показалось, он прочёл в глазах Сухого. Они стояли близко друг к другу, и Тихоня готов был поклясться – во взгляде Сухого явно читалась мольба о помощи! Но как помочь? Тихоня почувствовал, что ему трудно мыслить рассудительно и эта, кем-то выдуманная обстановка, начинает затягивать его. Значит надо действовать по наитию, без участия мыслей, пока не стало слишком поздно...

– О ты, сияющий в ночи звездой! – заговорил нараспев Тихоня. – Ты затмевающий своим умом десятки солнц! Ты Образующий и Претворяющий! Ты бог среди людей и равный среди богов! Великодушный и Прекраснейший нездеишей красотой! Ты Величайший из Великих, Основа Жизни, Хлеб Её! Вот длань моя, возьми её, хоть я и недостойн!..

В глазах Сухого мелькнуло недоумение.

– Ты мне не ровня, смертный! – помедлив, промолвил он. – Впрочем, это развлечёт меня!

Сухой величественно подал Тихоне руку и тот, сжав пальцы, изо всей силы рванулся назад увлекая его за собой...

Они стояли лицом к лицу, тяжело дыша, словно только что спаслись от смертельной опасности и смотрели друг на

друга широко раскрытыми глазами. В Учебном Зале продолжался урок...

– Мне больно, пусти, – сквозь зубы сдавленно прошептал Сухой. Тихоня почувствовал боль в руке и глянул вниз – он по-прежнему сжимал побелевшие пальцы Сухого.

– Ну, хорошо, я останусь! – громко сказал тот. – Можешь не держать меня больше!..

Тихоня разжал пальцы и посмотрел на Сухого. В его взгляде читались благодарность и облегчение.

– Спасибо! – добавил он и, сделав шаг назад, посмотрел на Руководителей.

– Спасибо! – иронично повторила Сирена. – Садитесь, хорошо!..

Тихоня ждал, что после занятий Сухой подойдёт к нему и обрадовался возможному появлению единомышленника... Однако, Сухой повёл себя как обычно и ничем не выдавал своего отношения к произошедшему.

На следующий день, переодеваясь на занятия, Тихоня не выдержал и подошёл сам.

– Ну как вчера? Здорово сработали? – спросил издалека Тихоня.

– Ничего особенного, – спокойно ответил Сухой.

– Слушай, – как ни в чём не бывало продолжил Тихоня. – А что я делал-то? Не помню чего-то, как в тумане всё! Я тебе что-то говорил?

– Ничего ты не говорил, – раздражённо ответил Сухой. –

Схватил меня, как ненормальный за руку – чуть пальцы не оторвал – а потом как дёрнул... я думал без руки останусь, вот и всё! Больше так не делай!

Сухой поправил тренировочные штаны и вышел из раздевалки.

«Странно, – подумал Тихоня. – Я же видел, что он всё понимает!.. Он благодарил меня, он всё помнил! Они что забывают сразу? Кругляшка так вообще ничего не почувствовала!.. Что-то тут не то!.. Чего-то не хватает... Что я упустил? Что не так делаю?»

Рискуя опоздать на урок, Тихоня, подождал пока останется один, присел на скамейку и решил проделать эксперимент. Он мысленно задал вопрос, затем установил внутри себя тишину и стал ждать ответа. Про этот способ он вычитал в какой-то из тех невзрачных тоненьких книжиц в мягкой обложке, что давал ему почитать Танцор. Все они были похожи одна на другую – потрёпанные, с загадочными незапоминающимися именами авторов, криво напечатанным текстом с ошибками, и примерно одинаковым кругом освещаемых вопросов. Внезапно возникшая в то время мода на всё странное и необъяснимое вызвала целую лавину соответствующих изданий, которые тут же стали пользоваться бешеным спросом и их количество день ото дня прогрессировало. Большинство из того, что притаскивал Танцор сразу же заслуживало мусорного ведра, но Тихоня отыскивал иногда настоящие жемчужины в этом ворохе отходов духов-

но-мыслительной работы. Он потом перестал и пытаться запоминать названия, а брал следующую книгу и «глотал» её от корки до корки, делая быстрые выписки в свой блокнот. Где-то в этом потоке Тихоня наткнулся на труд некоего тренера по зарабатыванию вознаграждений. Писал он интересно, завлекательно, иногда смешно и, по ходу повествования, довольно убедительно утверждал, что все окружающие страдают слабоумием, всё дело в стоимости, за всё надо платить и самому быть зверем, чтобы прожить в реальном мире... Кроме множества разнообразных общих и конкретных оценок умственных способностей людей, тренер этот иногда намекал на некие способы – разумеется о них знал он один – призванные помочь начинающему Зарабатывателю добиваться успеха в любой области. Сами способы тренер праведно считавший, что ничего бесплатного не бывает, обещал подробно передать из уст в уста исключительно после предварительной оплаты. Как раз её Тихоня не мог себе позволить, поэтому удовольствовался намёками, составив из них более-менее логичное подобие метода для работы с любыми трудностями, который и намеревался внедрить в свою жизнь.

Главным в этом методе, по мнению Тихони, было чётко сформулировать вопрос и установить внутри себя тишину, а потом просто терпеливо ждать. Только так можно надеяться на точный ответ или грамотное разрешение проблемы. Если с формулировкой, после нескольких попыток, Тихоня ещё как-то справлялся, то тишина оказалась самым трудным

условием. Первые разы вообще ничего не получалось – бормотанье и мелькание картинок в голове никак не удавалось остановить, а если и удавалось то ненадолго, внимание рассеивалось и приходилось начинать всё сначала. Но Тихоня не сдавался, и его упорство было вознаграждено. Помогло детское воспоминание!

Когда-то он обнаружил, что если вечером в комнате погасить свет и сесть к окну и смотреть на звёзды и при этом ни о чём совсем-совсем не думать и очень внимательно слушать то местечко где находится сердце, то примерно через минуту сначала становится спокойно, а ещё через минуту так удивительно хорошо, что не мешает даже шум улицы за окном и можно услышать лёгкий гул в голове и звук собственного пульса. А если продолжить, то спустя какое-то время пространство вокруг тебя потихонечку оживает, осторожно раскрывается, и ты чувствуешь, как оно улыбается тебе и как бы слегка щекочет. Ты сам тоже начинаешь улыбаться и в один момент, легко и незаметно,ходишь в тёплое ощущение своего единства со всем Миром! Вселенная обнимает тебя и ты уже совершенно точно и достоверно знаешь, что всё будет хорошо, что ты хоть и мал, но совсем не ничтожен, что ты очень важная частичка Света, а ещё что у тебя в нём есть какая-то задача, которую ты непременно должен выполнить и много-много чего волшебного открывается, когда ты сидишь перед окном и смотришь на звёзды, и в голове ни единой мысли, ни одной картинки, а одна лишь Тишина – прозрач-

ная, прохладная, умиротворяющая и ничего кроме неё... И хочется идти в неё всё дальше... дальше... дальше... и не останавливаться...

Тихоня начал проваливаться в сон, чего очень не любил и стеснялся. Он тряхнул головой, как вдруг перед мысленным взором возник Коротышка. Тот хулиган-Деятель из «Первого»... И тотчас появился Ответ. Точнее, не появился... казалось, он всегда был рядом, внутри, но, за ненадобностью, скрывался и вот, по смиренной просьбе, взял и вышел из тени на свет... Тихоня, сколько бы раз потом ни прибегал к помощи этого метода, всегда поражался простоте и неуловимости свершаемого чуда. Этой любовно усмехающейся щедрости Создателя, когда ты в секунду, в какую-то её малейшую долю, становишься обладателем вожеленного и дорогого подарка. И, что самое невероятное, чувствуешь себя так, как будто именно ты его создал, открыл, нашёл, что он неотъемлемая часть тебя и всегда был в тебе. И ни кто иной как ты сам, благодаря своим неоспоримым достоинствам, дал ему жизнь...

Тихоня понял, что ему нужно. Как и Коротышка он должен найти Смотрящего, того кому необходима помощь. Тогда, в «Первом», Коротышка наверное почувствовал, увидел Тихоню, и помог... Вот что было важно! Что Смотрящий – не любой человек, а тот кто ещё не Видит, но страстно желает этого... Ни Кругляшка, ни Сухой не были Смотрящими. Тихоня ошибся, они не нуждались в помощи... Но как

понять, как распознать Смотрящего?.. Ведь им может быть и одноклассник, и человек с улицы. Хотя последнего не будешь останавливать на дороге и заглядывать в глаза!.. А может для того и создан Центр Воздействий?.. Чтобы находить Смотрящих?.. «В таком случае мне туда и надо!..» – Тихоня рассмеялся. Он вспомнил кем хотел стать в детстве и подумал что, как ему всегда представлялось, исследователь Океана чувствует, наверное, то же самое добравшись до недр и найдя там нечто уникальное и ценное, по меньшей мере для себя ... Новый исследователь подхватился и побежал на занятия. Опаздывать было нельзя!..

14

Руководители Группы, разумеется, давно уже заметили перемену в одном из своих Учеников и не обошли её вниманием. Какими бы мягкими они ни были, но их терпимость, по-видимому, не простиралась так далеко, а уж эксперименты подопечных совсем не входили в их планы и, более того, действовали разрушительно на учебный процесс. Так думали Руководители и Сирена эту общую мысль не замедлила высказать Тихоне. Он знал, что рано или поздно с ним заговорят о его самостоятельной деятельности, но остановиться уже не мог. Замечательное чувство, определения которого он ещё не придумал, которое порой охватывало его, наполняло Спокойствием, Уверенностью, подсказывало и ве-

ло, нравилось ему больше всего на свете. И он не продал бы его ни за какие посулы и не отдал ни за какие угрозы. Тихоня молча выслушав претензию Руководства, продолжил без малейших сомнений. Он хорошо понимал, что долго так продолжаться не будет и ожидая развязки, надеялся, что она наступит как можно позже. Тогда когда он успеет опробовать новое открытие, найдёт своего Смотрящего и предъявит Руководителям результат, а заодно расскажет им всё! Тихоня был уверен, что, как минимум, в лице Брома найдёт поддержку... Для начала надо дождаться обещанных индивидуальных заданий, или, на худой конец «Личного Взаимодействия», и поискать Смотрящего в Группе... Если, конечно, таковой в ней имеется!.. А если нет?.. Тихоня старался об этом не думать и, по умолчанию, решил, что кто-нибудь найдётся. Может Умник или Болтун... Да нет... Вряд ли... Им-то помощь не нужна. Во всяком случае, от него! Хотя, кто знает? Гораздо больше его волновали вопросы как найти и как затем действовать – так же как раньше или как-то иначе? По личному опыту, он догадывался, что вероятнее всего поймёт это в последний момент, когда будет в деле...

На одном из уроков, Руководители раздали всем Ученикам новые, индивидуальные, задания, дали 10-ти минутный перерыв для подготовки и объявили, что за ним последует тренировочный показ, как если бы уже происходил Проверочный Экзамен перед Высшим Руководством Школы. Тихоня нашёл отдалённый закуток, где устроившись поудоб-

нее, с помощью своего метода «тишины» успокоил себя и, должно быть в подарок за усердие, получил уверенный сигнал о том, что всё идёт по Плану...

Когда подошла очередь Тихони, он слегка притушил в Учебном Зале свет, вышел на середину и медленно обвёл взглядом сидевших перед ним Учеников. Ни с кем из Руководителей он решил не встречаться глазами, от греха подальше. Брома он не боялся, хотя физически помнил свой обморок при попытке связаться с ним... Сирена вряд ли способна на подлости, но лучше избежать контакта с нею. А вот Янус, при всей её интеллигентности, могла сотворить какую-нибудь пакость. Тихоня почему-то был в этом убеждён. К ней желательно никак не приближаться, даже не позволять себе скользнуть взглядом по одежде. Он оглядывал по одному своих согруппников, останавливая на секунду взгляд у каждого глаз, но не находил ни единой лазейки. Все, как один были закрыты для любых контактов. Даже Умник с Болтуном вели себя так, будто с ним не знакомы. Все и каждый смотрели внимательно, с ожиданием, и при этом никто не был похож на Смотрящего, ни один не выделялся из общего ряда и, за коллективным взглядом чудился образ некоего сказочного многоокого животного, взиравшего абсолютно безучастно и которому всё равно на что смотреть. Тихоне стало не по себе. «Как неприятно это выглядит!» – заметил он. – «Никогда бы не подумал!.. Они же все живые люди..., по отдельности хорошие ребята!.. А сейчас за глаза-

ми ничего, пустота...». После животного ему представилась железная ржавая в заклёпках дверь – тёмная, мокрая и холодная... И тогда пришла в голову сумасбродная на первый взгляд мысль – а что если?.. Тихоня, не имея уже времени на дополнительные взвешивания и размышления, рассеял внимание, как бы охватывая им всех присутствовавших Учеников, мысленно выдохнул и продвинулся вперёд...

Когда зрение обрело чёткость, он увидел, что перед ним никого нет...совсем. Насколько хватало глаз, впереди простиралась буро-красная плоская пустыня без единого холма, бугорка, возвышенности, без чего-либо знакомого и незнакомого. Глазу решительно не за что было зацепиться. Безлюдную равнину покрывали сумерки – то ли вечерние, то ли утренние. Вообще складывалось ощущение, что дневного света здесь не бывает вовсе, а заменяет его невидимый, еле тлеющий гигантский ночник... Тихоня огляделся. Справа, метрах в трёх, на сухой пыльной земле, скрестив ноги, сидел человек в белых одеждах. Он был худощав, молод, с большим носом, светлыми волосами и, судя по торчавшим углам согнутых коленей, обладал высоким ростом. На появление Тихони человек никак не отреагировал. Он сидел неподвижно и смотрел на небо, губы его беззвучно шевелились. Тихоня посмотрел по сторонам – больше вокруг никого не было. Повсюду их окружала одна и та же запёкшаяся красная пустота. «Так, – подумал Тихоня, – что те-

перь?» Он был несколько обескуражен – он ожидал увидеть Учеников своей Группы в разных ипостасях и положениях, ожидал чего-то может быть страшного или неприятного, как с Кругляшкой. А тут сидит всего лишь один, незнакомый ему, человек и не обращает на него никакого внимания. Тихоня кашлянул – человек не двинулся. Тихоня подошёл поближе – человек не пошевелился. Тогда Тихоня подошёл совсем близко и присел рядом – ничего не изменилось. Человек не отрываясь смотрел на небо. Тихоня тоже поднял взгляд вверх и обомлел – звёзды... много-много звёзд... разноцветных, больших и маленьких, пульсирующих, падающих, вспыхивающих, играющих как бриллианты, потрясающих, с молчаливым ликованием встречали его, смотрели на него, зывали в свой весёлый хоровод. Ближе к горизонту их становилось всё меньше, цвета терялись, блекли и постепенно растворялись в тёмной дымке... Но здесь, прямо над головой, ярким, нахальным вызовом сумрачной пустоте, буйствовало пириество красок, веселья и какого-то грандиозного космического праздника!.. «Как красиво!» – мысленно восхитился Тихоня. «Да, красиво!..» – прошеуршал в ушах еле различимый голос. Тихоня быстро посмотрел на человека, тот по-прежнему смотрел на звёздное небо и так же, не издавая ни звука, шевелил губами.

«Показалось!» – подумал Тихоня.

«Нет, не показалось!»

«Кто это?» – Тихоня оглянулся.

«Сторож...»

«Кто?»

«Ты искал Смотрящего... господи, слово-то какое выдумал!.. а увидел меня...»

Тихоня снова глянул на незнакомца.

«Да не дёргайся!.. Ты что никогда мысленно не общался, что ли?! Вы же, по-моему, так и связываетесь друг с другом?.. Или это не у вас?! Я всё время путаю у кого что!.. У вас телефоны, да?»

«Телефоны?!.»

«Ну, значит, не у вас...»

«А что это... телефоны?»

«Неважно... забудь!»

Тихоня посмотрел на человека, но тот ничем не выдавал, что разговаривает с ним... Он сидел в той же позе, неподвижно, однообразно без звука шевеля губами и глядя, не мигая, на небо...

«Да!.. – прошелестел незнакомец тоном врача, осматривающего больного. – Понятно, почему ты такой нервный – структура слабовата, мощность маловата, амбиция впереди на пару световых лет скачет. Случай запущенный... Можешь не смотреть на меня – ничего нового не увидишь...»

«Извините!» – Тихоня отвернулся. – «Просто как-то необычно... я вообще-то очень мало с кем мысленно связываюсь, и потом одно дело на расстоянии, а другое вот так рядом...»

«Привыкай!»

«А что вы здесь делаете?»

«А ты как думаешь?»

«...Звёзды считаете?»

«Ну, ты точно странный! Я же сказал, СТОРОЖ!..»

«Да, простите!..»

«Ты ещё и туповат, как я погляжу!.. Ладно, не обижайся... Хотя бы предположил и то неплохо... Вот лучше скажи что ТЫ здесь делаешь?»

«Я думал, что встречу здесь своих... знакомых...»

«Ты ошибся. Их здесь нет и не будет.»

«Почему?»

«Потому. Ты слишком далеко забрался...»

«А где они?»

«На своих местах»

«А зачем я попал сюда?»

«Я не знаю. Тебе видней»

Тихоня заметил падающую звезду и припомнил старую приметку... Он повернулся к Сторожу:

«Может, вы мне поможете?... Мне кажется, что я хожу вслепую. Я рад был бы подсказке, но её неоткуда ждать... и не от кого.»

«Это бывает...»

«Но мне хотелось бы... Как понять что нужно делать, когда я...»

«Стой, стой, стой! Если ты думаешь, что тут школа,

то сильно заблуждаешься! Меня можешь не спрашивать – я ничего не знаю!»

Тихоня отвернулся и снова стал любоваться необычными звёздами. Был в их веселье и беззаботности какой-то неуловимый порядок и важный смысл. Как в той книжке, которую Тихоня, ещё не умевший читать, однажды снял дома с полки и, открыв, долго и заворожённо смотрел на смешные крючочки, то по одному, то сбиваясь в кучки, тёкшие ручейками по белым листам, и с трепетом ожидал, что вот-вот ему откроется нечто удивительно-чудесное, таинственное, красивое. Так жгуче-любопытно было узнать, что же скрывается за этими крохотными чёрными значками. И здесь, под звёздами, Тихоня вновь почувствовал себя маленьким несмышлёнышем, разглядывающим новые загадочные, сверкающие, пёстрые значки – буквы незнакомого алфавита, которые складываются в непонятные слова, полные непостижимого смысла... и снова хотелось смотреть и смотреть, не отрываясь... и снова так же жгуче захотелось постичь его, присоединиться к нему... раствориться в нём... Тихоне стало спокойно и радостно. Почти так же как тогда когда он садился один в тёмной комнате у окна и вслушивался в Тишину...

«Чего ты ждёшь?» – раздалось в голове.

«Не знаю...» – заулыбался Тихоня.

«Ты надеешься получить ответы, но здесь это вряд ли возможно...»

«А вы?»

«Что я?»

«Что вы здесь сторожите?»

Сторож не отвечал. Тихоня повернул голову...и вздрогнул от неожиданности – человек смотрел прямо на него. Тихоня испугался – он не любил прямых взглядов. В горле пересохло и беспокойно забилось сердце...

– Что? – вслух спросил он, отодвигаясь.

– Мне нечего тебе сказать, – так же вслух ответил Сторож гнусавым юношеским голосом. – И лучше всего тебе уйти поскорей отсюда.

– Почему?

– Это мёртвая зона... – сердито ответил Сторож. – Ты разве не заметил? Ты очень невнимателен, это когда-нибудь может дорого обойтись!..

– Уходи, или пожалеешь! – крикнул он, и угрожающе расширил глаза.

– Подождите, подождите... я сейчас уйду – взмолился Тихоня. – Объясните, где я и что сделал не так? Подскажите хотя бы, намекните...

Сторож посмотрел на Тихоню, чуть подумал и спросил:

– А ты, правда, уйдёшь?

– Клянусь!

– Хорошо!.. Здесь мёртвая зона и я её охраняю от туристов. Ты – турист. То есть ничего не соображаешь, ничего не смыслишь, ничего не понимаешь, и

при этом ломиться куда ни попадя только потому что тебе, видите ли, так чувствуется, ты так захотел...

– Но я...

– Не перебивай, неуч... Так вот, ты – турист. Тебе здесь не место. Это не игрушки. Знаешь, что такое граница? Граница это когда ты суёшься куда не следует и тебя отправляют туда, куда тебе не хочется очень на долго, понятно? Есть правила безопасности. И по ним ты – турист – не можешь вступать в контакт с субъектами числом больше одного, усёк? Так вот, если ты ещё раз попытаешься захомутать двух и более человеческих особей, я тебе гарантирую очень крупные неприятности... вплоть до внеочередного, органического лишения жизни!... Теперь понял, турист?!

– Понял! – Тихоне стало страшно, и он ничего не понял.

– Мой тебе совет – Сторож поднял руку и направил на Тихонию костлявый указательный палец. – Уходи оттуда, пока не поздно, ты не тот кто им нужен... Тебя ждут малоприятные вещи... И ещё... – он оглянулся по сторонам и, пригнувшись, шёпотом добавил. – Среди твоих товарищей Смотрящего нет! Так что не теряй зря время – бросай всё и сматывайся побыстрей!

Смотри не опоздай!

Сторож улыбнулся, сделал глубокий вдох и с силой дунул на Тихонию, как будто тушил большую свечу. Песок застил глаза...

– Что вы делаете? – закричал Тихоня заслоняясь.

– Интересно, – услышал он громкий голос Сирены. Тихоня отнял руки от лица. Он сидел на полу Учебного Зала, вспотевший, растрёпанный и протирал глаза... Ученики всё так же безучастно-внимательно смотрели на него и по их взглядам было непонятно, ЧТО они видели и как это оценивают – вёл ли он себя непристойно, шокировал или же поразили всех чем-то скучным и тоскливым...

– Интересно, – повторила Сирена, и одна малюсенькая деталь всерьёз насторожила Тихоню – в чудесном голосе Первого Руководителя не прозвучала обычная нотка иронии. Он почувал, что пришла та самая развязка, которую он не мог себе вообразить и о чём старался не думать, но вот она уже здесь, быстрая и скорая на расправу. Тихоня медленно встал, приводя себя в порядок. Сирена попросила кого-то включить полное освещение и начала. Размеренно, спокойно и холодно:

– Вот, что я хочу тебе сказать... Я ничего не понимаю в том, что ты показываешь на уроках... Меня беспокоит твоя деятельность... Я считаю её не вполне нормальной и адекватной задачам нашей Школы... Может я и ошибаюсь, а ты на самом деле гениальный Деятель или более того, Созидатель – я не знаю. Может мне придётся впоследствии пожалеть о своих словах и, склонив голову, идти работать под твоим началом. Может быть. Но теперь ты пугаешь нас всех... Ты не хочешь работать вместе со всеми... Ты отвергаешь

мнения других людей... Ни во что не ставишь своих Руководителей... Пренебрегаешь коллективом... Тебе похоже наплевать не только на нас но и на себя потому что твоё поведение говорит о человеке неконтролируемых поступков, непредсказуемых действий... о человеке не подчиняющемся профессиональной дисциплине и, в конце концов, создающим опасность для окружающих...

Тихоня стоял посередине Учебного Зала, слушая голос Сирены, и наблюдал за отсутствием прежнего страха в теле. Он знал, что любое Завершение надо встречать в равновесии – без мыслей, слов, суеты эмоций и, если можешь, радостно... С Радостью ещё предстояло поработать, а вот остальное далось сразу и без усилий. Это было так приятно, что, не удержавшись, Тихоня улыбнулся... И тут в груди сильно закололо. Он почему-то вспомнил рассказ Особого о том, как тот чуть не умер во время Демонстрации. «Смешно, – подумал Тихоня. – Особый помер бы на Площадке Главного Зала при тысяче зрителей, и стал бы, на худой конец, хотя бы временно уважаемым Деятелем! А я сейчас скончаюсь под наставительные упрёки Первого Руководителя и девятнадцать человек склонятся надо мной со словами, что вот, мол, умер от чувства вины!..». Ему, так же как Особому, в этот момент не было страшно. От кого-то Тихоня слышал, что если внезапно стало плохо, то это организм либо сигнализирует хозяину о неполадках, либо воспринимает обращение извне... Тихоне больше нравился второй вариант. Он прислушался к

ощущению боли и, следуя своим собственным тренировкам в последнее время, осторожно пошёл в неё...

В глазах зарябило, резко померк свет и стало тихо. «Да, что ж это такое! Опять потёмки?..» – поморщился Тихоня. В комнате было темно, но не достаточно чтобы не различить, по правую руку, знакомые очертания эркера и зыбкие, прямоугольные пятна окон, из которых крадучись пробирался мутный бледный свет. «Прямо как наш Учебный Зал, только поменьше...» – подумал Тихоня, всматриваясь. Ребёнком, он боялся и ненавидел темноту – того и гляди кто-нибудь выскочит из неё и сделает с тобой нечто ужасное. Но самое неприятное, что этот кто-нибудь всё не выскакивает, а ты всё ждёшь его, ждёшь и от неопределённости сильно нервничаешь и утомляешься... К тёмным помещениям он испытывал особенно стойкую неприязнь, кроме того, слишком свежо было впечатление от встречи с Кругляшкой. «Уж лучше бы пустыня!» – подавив подступившую тошноту, подумал Тихоня. Он пошевелил руками – двигаться можно. Отметил, что боль в груди прошла – тоже хорошо. Огляделся – никого, однако уверенности не прибавилось. Он вспомнил все свои прежние опыты, включая последний от которого ещё песок скрипел на зубах и понял, что сейчас всё будет по-другому. Совсем...

– Ну как, освоился? – раздалось в тишине.

Всё логично – это был голос Сирены. Её саму Тихоня не

видел и старался держать концентрацию. Бесплезную в столь неравных условиях, но успокаивающую нервы...

– У нас мало времени, – сказала Сирена, – но я всё же спрошу. Что делать будем?

– С чем? – через паузу отозвался Тихоня.

– С тобой!

– Смотря что ВЫ хотите...

– Я?.. – она усмехнулась. – Я уничтожила бы тебя на месте.

– За что?

– Не за ЧТО а ПОЧЕМУ, ты хочешь спросить?

– Почему?

– По целому ряду причин...

– Назовите парочку!

– Пожалуйста. Ты разрушитель...

– Всего то? – улыбнулся Тихоня.

– И у меня из-за тебя будут неприятности.

– Да, это убедительные аргументы. И что вам мешает?

– Уже поздно об этом говорить...

– А всё же...

– Это не мой метод...

– Так я и поверил. С вашими-то возможностями?..

– Не трать драгоценное время на пустые разговоры.

Спроси лучше что-нибудь путное!

– Для чего вы меня взяли в Группу?

– Хороший вопрос. Но ты же понимаешь, что я не смогу

сказать всё...

– Вы не собирались делать из нас Деятелей. Я правильно понял?

– Ты сообразительный парень.

– Тогда зачем вы отобрали целых 20 человек?

– Подумай!

– Я не люблю загадки. Можете мне ответить?

– Наверное, не такой уж ты и сообразительный... Жаль!

– Вы хотите сказать, что специально выбрали нас, чтобы НЕ сделать из нас Деятелей?

– Уже теплее!

– Но почему? Зачем отбирать способных людей и не развивать их способности?..

– Ты почти у цели! – насмешиливо прозвучал голос Сирены.

– Это изначальная задача? Отсев? Найти будущих Деятелей, собрать их вместе и... ну, действительно, не убивать же их. Я догадался?

– Молодец! Ты выиграл обратный билет!.. Кое до чего ты додумался!

– Это во всех Группках, или выборочно?

– Тебе это важно?

– Вы правы – не очень... И кого же тогда выпускает Школа?

– Имитаторов, суррогат. Их хорошо готовят, никто и не догадывается.

– Вы так думаете? А что будет, когда последние Дея-

тели уйдут? Настоящие. И, кстати, вы-то сами как... настоящий Деятель или тоже... суррогат?

Сирена не ответила. Тихоня подождал немного и спросил:
– Вы здесь?

Полумрак перед ним завихрился небольшим смерчем, сгустился и превратился в Сирену. Она молча смотрела на него. Вот ещё то, чего Тихоня не переносил – когда смотрят не говоря ни слова. Он всегда считал это чем-то противоестественным и чуждым живым существам. Ему стало не по себе. Он расценил её молчание, как угрозу и, не выдержав, спросил:

– О чём вы думаете?

– Думаю, что мне с тобой делать...

– Есть из чего выбирать? – пошутил Тихоня.

– Не слишком, – серьёзно ответила Сирена. – Но, возможно и существует предложение, которое устроит нас обоих...

– Буду рад выслушать.

– Я знаю, что ты собирался уходить из Группы. Моя ошибка – надо было давно тебя выгнать.

– Почему вы этого не сделали?

– Я поняла, что это ничего бы не дало... И потом, мне стало интересно. Я увидела, что ты не Деятель. В смысле, не будущий Деятель.

– А кто же я тогда?

– Вот это-то меня и заинтересовало. Ещё немного и я

бы разобралась. Но ты всё испортил... Решил действовать сам. Что ж, может ты и прав. Я бы, наверное, тоже так поступила. Но, ты размахнулся слишком, а я тебя не прикрыла вовремя...

– Что значит, размахнулся? – спросил Тихоня.

Сирена вздохнула:

– Как бы это тебе сказать, Тихоня... Дело в том, что твой, как ты называешь Особый Контакт, который ты спонтанно произвёл на Экзамене по Истории... не совсем обычен. То есть в самом факте его осуществления нет ничего необычного. Это случалось и раньше, бывает и теперь, но... Скажем так, опытные люди, не припомнят случая когда «зелёный» Соискатель возвратился бы обратно. Понимаешь?

– Нет, – честно признался Тихоня.

– Вот именно, – подхватила Сирена. – Ты ничего не понял и, что вполне разумно, захотел разобраться. Я надеялась, что ты не будешь упорствовать и за отсутствием информации, отвлечёшься на что-то другое, забудешь... И теперь понимаю, что ошиблась не пуская тебя... И ты шумно полез напролом... на глазах у всех, то есть... слишком размахнулся...

– Погодите, погодите... что значит, на глазах у всех?

– А ты думал, кроме меня твои экзерсисы никто не заметил?! Да первый же твой Выход... этот твой Контакт, был равносильен землетрясению!.. – Сирена опустила глаза,

размышляя. – Надо было, наверное, сразу сводить тебя за Границу, чтобы ты успокоился, а потом убрать из Школы...

– Что за Граница? – удивлённо спросил Тихоня.

– Пустяки... – глубоко задумавшись, пробормотала Сирена. – Граница

Заповедника...

– Заповедника? – переспросил Тихоня. – А это ещё что?

– Это ты потом спросишь... у Волка. – Она вдруг улыбнулась. Очень-очень дружелюбно. Черты её лица преобразились – они как будто засветились изнутри, стали чёткими, спокойными, плавными и потрясающе красивыми. Словно какие-то злые чары разом спали и обнажили истинную суть, доселе не замеченную. Тихоня поразился, что такую он Сирену никогда не видел – она стала похожа на одну из тех молодых барышень, что были изображены на некоторых старинных картинах в Большом Музее Города, куда он любил хаживать по выходным.

– Ну, хорошо, – продолжила Сирена, и голос её зазвучал ласково и мягко. – А теперь не перебивай и слушай внимательно! У нас крайне мало времени. Я виновата перед тобой и должна хоть что-то исправить. Вот что мы сделаем... Я тебя скрою. Ты должен прикинуться обычным человеком. Займись чем-то обыденным... Стань, как все... Никаких Выходов... или, как ты называешь, Контактв. Ни одного! Дальше. Не появляйся в Школе. Даже случайно, да-

же в гости. Потом... лет через шесть... ты придёшь сюда снова. Выбери Группу Созидателей, в ней должен быть Волк... Тебе надо успеть встретить Волка. Это очень важно, запомни! От этого может зависеть твоя жизнь! И ещё. Если мне не удастся спрятать тебя, то будь готов к тому, что... тебе перекроют все пути, все возможности, кроме дороги сюда. Тебе не дадут заниматься ничем иным. Возможно, придётся походить какое-то время с самым низким званием. Я не знаю, что они придумают, но ты ни в коем случае не должен поддаваться. Прямых предложений не будет – обстоятельства сложатся так, чтобы навести тебя на мысль вернуться в Школу, что это единственный выход. Но когда придёт открытая информация, соглашайся... А насчёт моей работы?.. Я не закрываю Деятельские способности, я охраняю их... Далеко не всякий может быть настоящим Деятелем. Ты бы смог... Но, к сожалению, у тебя другие задачи. Так что не суди меня строго! Теперь последнее. Мы сейчас вернёмся в Учебный Зал, там пройдёт максимум несколько секунд. Так вот ты должен нарушить Правила. Ясно?

– Нет! – ответил Тихоня.

– Сделай что-нибудь такое, за что бы тебя могли отчислить...

– А что сделать-то?

– Придумай. Время вышло... И ты уж, пожалуйста, постарайся – если что-то заподозрят, то мне несдобровать.

Ты всё понял, что я тебе передала?

– Да, но...

– Пора. – Она подошла поближе, снова улыбнулась своею новой улыбкой и погладила Тихоню по щеке. – Не сдавайся! Выясняй КТО ты и ЗАЧЕМ. Иди своим путём. Чувствуй и Слушай...

Темнота резко рассеялась, он снова был в Учебном Зале – в том, где горит яркий свет и девятнадцать человек, не считая Руководителей, сидят и смотрят на него. Тихоня увидел лицо Сирены. Привычно-размытое... злобное и белое. Лицо что-то выкрикивало.

«Здорово играет», – невольно подумал он.

– Может соизволишь ответить Первому Руководителю? – завизжала, вскакивая, Сирена.

Тихоня поднял брови, посмотрел на неё в упор и громко произнёс:

– Да пошли вы все к Чёртовой Матери!!! Уррроды!!!

И, в воцарившейся тишине, твёрдо прошагал до дверей, вышел и со всей силы захлопнул их за собой...

Часть вторая

1

Волк сидел нахмурившись, постукивая пальцами по столу, и глядел в открытое окно. Вряд ли он видел там что-нибудь интересное. Двор-колодец, затёртые дождями стены соседних домов, тёмные окна, за которыми никогда ничего и никого не видно, жестяные плечи-крыши, время от времени громким грохотом извещающие округу о появлении малолетних искателей приключений – ничего нового. Единственное, что могло бы порадовать глаз, так это низкое переменчивое небо, интеллигентно протискивающееся между старых печных труб. Оно одно не входило в юрисдикцию Города, и позволяло себе всяческие вольности, вроде пышных закатов, клубящихся туч, ослепительных восходов и прочей незначашей ерунды. Впрочем, Город иногда смело посягал на его независимость, пресекая ожидаемые капризы высотными взрывами какой-то химической дряни, чтобы далеко внизу благодарные сожители могли всласть повеселиться на очередном из многочисленных праздников в честь чего-либо архинужного и сверхзначимого. Одинокое и свободное, небо не кичилось своей силой и влиянием, держась в сторо-

не от чьих-то великих свершений или скудости существования, но отвечая равно любому, кто поднимет глаза и обратится к нему. Не всегда молчаливое, но, на первый взгляд, безучастное, неявно любившее тех на кого смотрело, оно всегда преподносило любимцам сюрпризы... Вот и теперь, после редкой чистой голубизны с желтоватым отливом вечно неуловимого солнца, вдруг появились тучи и серым пластилином аккуратно замазали всё не оставив ни пятнышка, ни щёлочки. Кому-то этого показалось мало и в довершение картины, пошёл редкий ленивый дождь. В каком-то своём размышлении, он неторопливо барабанил тяжёлыми каплями по железному подоконнику, и казалось, таким способом вёл с Волком очень важную беседу на, только им двоим понятном, языке. В подсобке было тесновато – шкаф для верхней одежды, стол для чаепитий, небольшой диван для самых ловких и несколько стульев для остальных – всё это с трудом умещалось в узком, вытянутом помещении, и без того отягощённом постоянным присутствием непропорционально большого окна и двух дверей – входной и в Учебную Комнату. Подсобка, обычно полная и шумная, пребывала в учительном отпуске, который неожиданно предоставил Белый Дракон, отправив всю Группу в недельные каникулы. Волк терпеливо ждал отчего-то не появлявшегося Тихоню, хотя они условились о встрече и Тихоня сам настоял встретиться именно в Школе. И это было странно, учитывая малоприятный факт осведомлённости Белого Дракона обо всех или по-

что обо всех мнениях, разговорах и разговорчиках Учеников Группы. Хмурился Волк не потому что сердился или от недовольства, он всегда так делал когда сильно задумывался или внимательно слушал, а если бы в этот момент на его лице была борода, то он бы обязательно глубокомысленно пощипывал её – ещё одна из его всегдашних привычек... Он боялся за Тихоню. Хотя и сам не понимал, почему. Что может произойти? Это просто глупое беспокойство! Наверное, старость подбирается... И всё же какой-то маятник внутри раскачивался и Волк не мог его остановить. Он снова и снова просматривал, насколько это получалось в стенах Школы, окружающее пространство. Тихони нигде не было – ни внутри здания, ни поблизости на улице... Вызвать его Волк не мог – мысленная связь тут не работает. Точнее, работает, но каким-то подозрительным образом – изнутри кого-нибудь, находящегося снаружи вызвать нельзя, в обратном порядке то же самое. Но если и тот и другой в Школе, то пожалуйста, связывайтесь легко и свободно... Можно, конечно, оставить на двери записку и... впрочем, нет, лучше пока не дёргаться и лишний раз не привлекать внимания. И, кстати, думать поменьше... В Школе думать всё равно, что громко кричать. Он просто ждёт товарища для учебной тренировки, вот и всё! Поэтому надо спокойно ждать... И Волк ждал.

Познакомились они дважды и оба раза с неожиданными для Тихони впечатлениями. Когда в первый свой учебный день он пожимая руку Волку услышал имя, то не поверив, ещё раз внимательно посмотрел на него. Перед ним стоял худой, сердитый, не молодой уже человек, не вызывавший немедленной симпатии. Противоречие между представлением Тихони и увиденным было слишком велико. «А может это не он?..» – подумал тогда с надеждой Тихоня. Второй раз всё было совсем наоборот. После одного из уроков, где почему-то зашла речь о мистических явлениях в работе Созидателя, болтливая Труба брякнула новенькому, что если у него есть вопросы про загадочное и необъяснимое, то пусть обратится к Волку – у него, мол, жена ЭТИМ занимается, вот он с удовольствием и ответит... Тихоня к тому моменту был уже почти уверен, что это тот самый Волк, о котором говорила Сирена. Всё сходилось – и Группа Созидателей всего одна, и именно в неё Тихоня чудом попал, и в другой параллельной, кстати чисто Деятельской, он точно узнавал никакого Волка нет... Однако Тихоня испытывал безотчётный страх перед предсказанием Сирены, подозревая необратимые последствия от общения с Волком. Он несколько дней исподволь наблюдал за этим неулыбчивым, мрачным, небритым типом, напоминавшим садиста-палача из одной попу-

лярной книги о войне. Обращаться, по совету Трубы, не хотелось. Но тревожная фраза Сирены «от этого может зависеть твоя жизнь ...» вместе с любопытством перевесили, и, выбрав подходящий момент, Тихоня подошёл к Волку. Тот сразу сказал, что не помнит никакой Сирены, но если есть вопросы, охотно поможет. При более близком общении «сидист-палач» улетучился, а на его месте Тихоня увидел отзывчивого, внимательного товарища и как потом оказалось, надёжного друга... У Волка был талант общения, хотя внешность и не обещала ничего подобного. Когда Тихоня заговорил с ним, то сразу почувствовал к нему расположение и, более того, доверие, близкое тому, какое испытывал только к одному человеку в жизни, своему отцу. Волк будучи существом, на первый взгляд, сумрачным, хорошо умел разгонять туман неверия и потерянности. Поговорив с ним, начинало казаться, что всё что бы ты ни делал замечательно (если хорошо), и не страшно (если плохо). Всё это закономерно, нормально, имеет своё объяснение и причину, зная которую можно исправить любую оплошность, понять истоки тех или иных событий и всё, что происходит являет собою превосходно и непостижимо продуманный божий план, быть частью которого одно удовольствие...

Из первого разговора, который и разговором-то не был – после занятий стояли в подсобке у дверей, мешали всем – Тихоня запомнил немного. То ли от неловкости ситуации, то ли от остатков сомнений в себе, Тихоня городил какую-то

чепуху про самочувствие, настроение и не знал как задать хотя бы один из главных вопросов... Волк отнёсся с пониманием к робости собеседника и, сказал, что большинство «неразрешимых» проблем любого человека, будь то здоровье или более тонкие материи, вполне разрешимо и лежит в области отношений с окружающими людьми, а чаще всего с родителями, точнее, каких-то связей с ними. Тихоня довольно приблизительно понял, что кто-то на ком-то «сидит», держит и не пускает, что многие дети остаются детьми до старости и не могут принимать самостоятельных решений, что плюс к тому здесь замешано мужское и женское начало, и, наконец, что он, Тихоня, может и не выбрать жизнь своей головой, это не смертельно, просто серо, уныло и неинтересно. Последнее утверждение оказалось более чем спорным и Тихоня однажды, представ перед выбором «или – или», в полной мере испытал все чувства человека балансирующего на краю пропасти! И для него, Тихони, не серо и уныло, а вообще никакой иной жизни уготовано не было, кроме своей собственной, своего собственного пути, поначалу туманного и неясного, оттого и страшного, которого хотелось избежать всеми способами, но который был необходим и нёс в себе лишь благо... Короче, Волк пригласил обращаться к нему по мере необходимости и, если понадобится, пообещал поддержку своей жены, по его словам, настоящего мастера своего дела, гораздо более мощного чем он. Тихоня воодушевился, повеселел, силы заметно прибавились, и

даже появилась надежда на возвращение детской жизнерадостности, некогда сопровождавшей его постоянно. Оставленный ею в последние годы, Тихоня всё же умудрялся сохранять оптимизм. И не восторженный, а спокойный, прагматичный, понимающий в какой среде находится. Именно оптимизм и твёрдая вера, что как бы то ни было, а всё будет рано или поздно хорошо, всегда помогали и вели Тихоню по жизни, всякий раз доказывая свою правоту. Так было и тогда когда его выгнали из Школы (точнее, он ушёл сам потому что Сирене удалось кого-то уломать и Тихоне предложили написать заявление по собственному желанию, ибо, в противном случае, путь обратно ему был бы закрыт раз-навсегда); и когда он долго не мог найти работу, но всё же нашёл; и когда занимался не тем, чем хотел, но не боялся признать себя в этом и прекратить; и особенно тогда, когда в ситуации без надежд и продолжений вдруг появился Хитрый, сообщив Тихоне умопомрачительно-неправдоподобную новость о том, что в Школе какой-то Белый Дракон ведёт дополнительный набор в Группу Созидателей, где и сбылось предсказание Сирены... Примечательно, что Тихоня ни до ни после не общался с Хитрым. Они знали друг друга ещё по совместной учёбе во Втором филиале Центра Воздействий, но не стали в ту пору ни приятелями, ни друзьями – Тихоня безотчётно побаивался Хитрого и не стремился к приятельству с ним. У того тоже видимо были на это свои причины. Тем странней было его неожиданное появление спустя

шесть лет. Тихоня так и не нашёл этому сколько-нибудь логичного объяснения, сочтя в итоге за иллюстрацию старинного правила – помощь всегда приходит с той стороны откуда не ждёшь... И она всегда приходит вовремя! Тихоня все шесть лет хорошо помнивший последний разговор с Сиреной, испытал давно не переживавшееся им чувство попадания в Точку Гармонии, когда ты в момент видишь всю картину того, что было, что нужно делать и, приблизительно того, что будет. Уговаривать его не пришлось и он едва ли не в тот же день отправился в Школу...

Появившись после длительного перерыва, Тихоня поразился тем изменениям, которые в ней произошли. Будто прошло не шесть лет, а несколько десятков... Проходя по знакомым коридорам и лестницам, Тихоня не узнавал их. Ему даже почудилось, что он попал в какое-то параллельное пространство, нереальное, фантастически противоположное тому, которое хорошо помнил. Его встретили обшарпанные, с остатками потемневшей краски стены, грязные шаткие полы, тусклое освещение в коридорах, кое-где выбитые окна, неотвязчивый запах перегоревшего табака и пыли. А главная лестница, на его памяти совсем недавно бывшая роскошной бело-мраморно-полированной гордостью интерьера, стала похожа на затерянный в запасниках музейный экспонат, посеревший от въевшихся «культурных слоёв» складской грязи. Завершало впечатление отсутствие толп Соискателей осаждающих возделенную крепость – дело проис-

ходило осенью, учебный год был уже в разгаре и по непривычно полупустым просторам Школы стаями или по одному сновали озабоченные Ученики. Тихоня погрустнел от увиденного, но, с другой стороны, нашёл окружающую обстановку наиболее для себя подходящей – пускай грязно, зато тихо и спокойно, пусть тоскливо, зато меньше соперников и больше шансов...

В Учебном Отделе ему сказали как выглядит Второй Руководитель Группы, где его отыскать и велели поторопиться, поскольку из Соискателей Тихоня сегодня один и, если он опоздает, то Шаман запрётся с Группой в Учебной Комнате на занятия и, если не будет перерыва, а его может и не быть, то закончит очень поздно. Тихоня поторопился и перехватил Шамана как раз, когда тот уже собирался войти в подсобку. Шаман был небольшого роста, худощав, владел густыми усами, лысиной и пронзительным взглядом чёрных, глубоко посаженных, глаз. Тихоню удивило, что одежда на нём была самая простая, той унылой и безликой цветовой гаммы, какую в огромном количестве можно увидеть в ранних утренних фургонах, развозящих счастливых граждан по заводам, фабрикам, мастерским, стройкам и прочим Станциям Технической Помощи. Удивительно это было лишь потому, что все Руководители и даже их помощники, которых когда-либо видел Тихоня, одевались всегда ярко, вычурно, в кричащие цвета, носили почти поголовно эффектные наряды, привезённые из-за Дальних Пределов, сплошь и рядом

украшая себя платочками на шею, дураковатыми накидками и нелепыми длинными пиджаками. Тихоне понравилась бунтарская нотка во внешности Шамана, и как потом выяснилось, не единственная у него ...

Он отвёл Тихоню в какую-то маленькую комнату с такими же партами, как в Общеобразовательном Центре, и предложил сесть.

– Ну-с... – начал он. – У меня к вам всего два вопроса. Первое – превращениями какого уровня вы владеете, и второе – что у вас с происхождением. Начнём со второго.

Он остановился и посмотрел на Тихоню:

– Вы родились в Городе?

– Да.

– А родители?

– Тоже.

– У вас есть родственники за Дальними Пределами?

– Да, есть. Тётя... двоюродная.

– Кто она по происхождению?

– ... Н-не знаю, – замялся Тихоня.

– Хорошо. Теперь отойдите подальше и продемонстрируйте мне, пожалуйста... ну, хотя бы, превращение первого уровня. Вы знаете, что это такое?

Тихоня кивнул. Во время учёбы во Втором филиале Центра Воздействий ему посчастливилось прочитать всем известную книжку великого Касиса «Превращения. Теория и Практика». Об этой книге (как и о самом Касисе) почему-то

было не принято говорить – о ней упоминали вскользь, не без уважения конечно, но как о чём-то далёком от сегодняшнего дня и не обязательном. Все без исключения Руководители Школы на разные лады цитировали Касиса, утверждали, что воспитывают Учеников в строгом соответствии с открытыми им принципами работы Деятеля, но на деле в лучшем случае советовали Ученикам самостоятельно изучать его немногочисленные труды, и уж тем более никто никогда не преподавал по ним, находясь в счастливом заблуждении о том, что развивает собственную ветвь его теории. Даже Мина, читавшая в Общеобразовательном Центре лекции по истории Превращений, ничего не говорила о книге Касиса. Тихоня, как только узнал о существовании этой книги, тут же пошёл в школьный Читальный Зал, внимательно прочёл всю и втихаря, дома, пробовал тренироваться по ней. Касис напрямую не писал об Особенном Контакте, открывшемся Тихоне, но недвусмысленно описывал именно то, что подводило внимательного Ученика к его возможности. Тихоня был очарован смелостью Касиса, создавшего из ничего целую профессию, такую важную и красивую, несмотря на то чем она становилась в последнее время. Тогда, шесть лет назад, Руководители Группы №2 не занимались с Учениками ни теорией, ни практикой Превращений. Тихоня тренировался самостоятельно, предполагая, что когда-нибудь это ему пригодится. Так что задание Шамана не стало полной неожиданностью. Скорее неожиданностью приятной – зна-

чит в Школе вернулись к бесценным исследованиям Касиса!..

Тихоня встал, отошёл вглубь комнаты и повернулся к Шаману. Тот продолжал сверлить взглядом и Тихоня отметив его давящую неподвижность, с тревогой подумал о том, что если поступит, как будет каждый день её выдерживать. Он вспомнил, что в Общеобразовательном Центре, у них был Преподаватель по Военной Подготовке – некрасивый молодой человек с нарочито близко расположенными друг от друга маленькими глазами. Цвета они были непонятного, какие-то тёмные и глядели всегда не моргая, неумолимым железом вонзаясь в человека. Тихоня страшно боялся обладателя этих глаз и на его уроках вёл себя как можно незаметнее, стараясь не попасть под безжизненное влияние его взгляда... Единственное, что отчасти умирало это влияние, те кратковременные моменты, когда Преподаватель что-то говорил. Голос у него был тихий и какой-то не мужской, отчего страх становился меньше, и Ученики понимали, что сегодня, сейчас, никого не убьют и можно ещё пожить... Отгнав отвлекавшие мысли, Тихоня не без усилий собрал внимание, поставил светло-дымчатый экран, примерно, на том месте, где сидел Шаман и стал постепенно сгущать его в луч белого света, одновременно расширяя от центра к краям...

– Достаточно, спасибо – услышал он голос Шамана. Всё исчезло, Тихоня выдохнул – отсутствие практики сказывалось, и ему было тяжело...

– Садитесь, – сказал Шаман. Он немного помолчал, раздумывая, и пристально поглядел на Тихоню. – А откуда вы узнали про этот набор?

– Знакомый сказал – ответил Тихоня.

– Вы знаете наше основное требование?

– Нет.

– Вы должны уметь... – Шаман на несколько секунд отвёл взгляд. – Быть кем-то ещё. Кем-то кто смог бы Воздействовать... за Дальними Пределами. Вы меня понимаете?

– Понимаю – серьёзно ответил Тихоня.

– Сомневаюсь, – буркнул самому себе Шаман и встал. – Что ж... будем считать, что первое Испытание вы прошли успешно. Поздравляю. Завтра утром ждём вас в Учебной Комнате. Вы уже знаете где это. Всего доброго. Да... вот ещё... подготовьте к завтрашней встрече План Созидателя. Времени у вас мало, но... всё-таки правила есть правила.

Он быстро кивнул Тихоне и вышел из комнаты.

На следующий день, с Планом Созидателя наперевес, Тихоня появился в Школе. Он давно уже знал о существовании этого таинственного атрибута, но зачем он нужен Соискателю не понимал. Как то, из праздного любопытства, Тихоня озаботился этим вопросом, но никто из «знающих» людей не смог ответить ему ничего вразумительного, кроме того, что в идеале любой Созидатель пользуется неким планом, когда проектирует и создаёт Демонстрации. Что задолго до начала создания он должен выбрать чужую или свою идею, разра-

ботать её, отобрать подходящих Деятелей, найти место тренировок и проведения Демонстрации, выбрать, если необходимо, музыкальное сопровождение, придумать сооружения, в которых будут работать Деятели и многое другое. Все эти выкладки он должен подробно перенести на бумагу, и затем, не отклоняясь, тщательно провести в жизнь. Было ясно, что у каждого этот План свой и что существуют кем-то когда-то определённые стандарты его составления. Но Тихоня никак не мог понять, зачем пока ещё ничего не знающему и не умеющему Соискателю делать то, о чём он имеет весьма приблизительное представление или не имеет никакого. Он был убеждён, что самодеятельная работа Соискателя в лучшем случае ничего не скажет о его задатках и перспективах, а в худшем, что вероятнее, может сыграть роковую роль... Этого как раз Тихоня и боялся больше всего! Но, как сказал Шаман, «правила есть правила», и Тихоня насколько смог за короткую ночь, добросовестно выполнил требуемое задание, надеясь, что в написанной им чепухе Руководители найдут хоть что-нибудь заслуживающее внимания.

Зайдя в подсобку, Тихоня обнаружил там ещё четырёх кандидатов. Все дружелюбно познакомились с ним, и вновь он с удовольствием отметил необычно приятную камерность этого поступления, проходящего без потрясений и многолюдного шума. Будущие его одноклассники (на разных этапах все четверо попали в Группу) – Громобой, Молчун и Пружина продолжили горячо спорить о каком-то громком

деятельском проекте, а Веточка, скромно сидевшая на подоконнике, отвернулась и стала смотреть в окно, что очевидно и делала до появления Тихони. Оказывается, все Руководители уже были в сборе. Ждали только запаздывавшего Шамана, который вскоре явился, кивком поприветствовал кандидатов, взял у Тихони его План Созидателя и неспешно проследовал в Учебную Комнату.

Экзамен проходил так же спокойно и неспеша. Соискателей по одному приглашали в Учебную Комнату, где подолгу, подробно выясняли возможность их обучения в Группе. Тихоню вызвали последним и, несмотря на приятную обстановку всё же изрядно волнуясь, он вошёл... Не успев прикрыть за собою дверь Тихоня, среди членов комиссии, сразу увидел знакомое лицо!!!! Да это же... точно, это был Живчик!!! Вот это да! Тихоня помнил его золотой совет «На Экзамене может случиться ВСЁ!», но такого не ожидал... Неужели он будет преподавать в Группе?!. Лучшего было просто невозможно пожелать! Тихоне стало намного легче. Живчик же совершенно не подал виду, как ни в чём не бывало оглядывая очередного Соискателя. Кроме него в комиссии, не считая уже знакомого Шамана, Тихоня разглядел маленькую ярко-рыжую старушку, двух бесцветных женщин, серьёзную девушку-помощницу, вызывавшую Соискателей и постоянно что-то писавшую в толстую тетрадь, несколько школьных зевак из числа постоянно приходящих на подобные мероприятия, и, наконец, восседавшего в кресле посередине, больше-

голового с белой растительностью на лице, пожилого субъекта, смотревшего несколько неприязненно на вновь вошедшего. Учебная Комната представляла из себя прямоугольное помещение, выкрашенное чёрной краской по пяти плоскостям, за исключением паркетного пола светлого дерева, и, несмотря на мрачноватую расцветку, действовала успокаивающе. Дверь из подсобки располагалась с одного узкого конца Комнаты и когда кто-нибудь входил, то оказывался напротив нескольких рядов стульев с другой стороны. Слева, в трёх местах, стена могла раскрываться большими окнами, выходящими в тот самый двор-колодец, где не было ничего интересного. После обязательной процедуры официального представления, большеголовый, он же Первый Руководитель, он же Белый Дракон, тихим голосом предложил Тихоне что-то показать из своих умений и сухо улыбнувшись, заверил, что ничего страшного не произойдёт, а потому можно не волноваться. Воодушевлённый чудесным присутствием Живчика, Тихоня показал всё, на что был способен в тот момент, включая превращения первого и второго уровня, возможности мимикрии, звукового и визуального воздействия, владение телом, вниманием, после чего был помилован и усажен на стул рядом с Белым Драконом для «более доверительной» беседы. Пока Первый Руководитель бегло просматривал тихонин План Созидателя, Шаман снова задал вопросы касающиеся происхождения, проинформировал комиссию о наличии у Тихони тётки за Дальними Преде-

лами – видимо это было очень важно – и спросил у рыжей старушки нет ли у неё вопросов. Старушка поинтересовалась занимался ли Тихоня раньше музыкой и, узнав, что он в детстве пел в хоре, удовлетворённо покивала головой. Белый Дракон отложил в сторону Экзаменационную работу Тихони и поднял на него глаза. Теперь он смотрел так же серьёзно, но уже без неприязни:

– Скажи, пожалуйста, а кого из Деятелей ты бы пригласил на работу в твоей Демонстрации?

Тихоня не ожидал вопроса и растерялся:

– Ну... я не знаю...

Белый Дракон неподвижно глядя, ждал.

– Я не... – начал было опять Тихоня, но услышал голос Живчика.

– Нужно ответить, – произнёс тот вполголоса, тоном настойчивого совета... Тихоня нервно сглотнул. «Почему я вечно не готов к неожиданностям?» – подумал он с досадой. Как назло ничего не приходило в голову.

– Думаю... – начал Тихоня, лихорадочно соображая, – я думаю, что... я пригласил бы... кого-нибудь... я пришёл бы к Миму в его филиал и попросил бы помочь мне... всех его Деятелей.

– То есть, – улыбнулся Белый Дракон, – ты уехал бы из Города, чтобы создать Демонстрацию, рискуя безвестностью или осмеянию за сотрудничество с Мимом?

– Ну... вобщем-то... – Тихоня опустил голову.

– Что ж, похвально, – подвёл итог Белый Дракон. – Сейчас мы сделаем перерыв, во время которого ты придумаешь для нас маленькую Демонстрацию на тему «Открытие». У тебя будет достаточно времени для подготовки – первыми выступят твои товарищи, – он улыбнулся, – ну, а ты будешь завершать вечер!..

«Завершения вечера» пришлось ждать довольно долго. Сначала тянулся и не заканчивался перерыв, затем постепенно собрались зрители, потом по одному члены комиссии, после подошли Первый и Второй Руководители Группы. Ещё чуть погодя, как будто ждали кого-то, стали приглашать Соискателей для личных Демонстраций. Тихоня от природы был человеком медлительным, и ему нравилось такое течение событий, позволявшее хорошенько подумать и постараться выдать что-нибудь достойное. Во время перерыва Громобой, Пружина и Молчун уgomонились, каждый погрузившись в раздумья, а Веточка куда-то исчезла. Тихоня уже заметил её неуверенность и подумал, что, наверное, она нашла уединённое место для подготовки, но она всё не появлялась и, когда настала её очередь, почувствовал, что ей надо помочь. Он попросил серьёзную девушку-помощницу подождать и, позвав с собой остальных Соискателей, бросился разыскивать Веточку. К счастью они скоро её нашли. Выяснилось, что она сочла себя недостойной учиться в Школе и, подумав, приняла решение уйти с Экзамена. В этот момент Тихоня с товарищами и застал её на лестнице. Они весёлой

ватагой навалились на бедную девушку, буквально под руки отведя её обратно в подсобку, и отправили в Учебную Комнату... Веточка потом не сказала Тихоне «Спасибо», да и сам он тут же пожалел, что «принял участие» в её школьной судьбе. На секунду ему показалось, что он сделал что-то не то, что-то сродни насилию, что-то нелогичное, неподобающее. И потом он понял что именно. Веточка была странная – чаще замкнута, иногда язвительна и саркастична, порой могла «убить» одним словом, одной шуткой. Она никогда не принимала участия в ученических вечеринках. И когда все могли гурьбой идти после занятий до Проспекта, всегда перебежала на другую сторону улицы и шла по ней параллельным курсом в одиночестве. Почти все одноклассники недолюбливали её и просто терпели рядом. Белый Дракон с первых же дней отчего-то тоже был ею постоянно недоволен. Веточка расстраивалась, как то быстро начала терять интерес к Школе, и дело пошло к неотвратимому изгнанию из Группы ... Веточка не сказала Тихоне «спасибо», а вот он хотел бы поблагодарить её. Тихоня не разделял общего к ней отношения. Он знал, что нравится Веточке и, быть может только навидумывал себе, но ему казалось, что она его молча оберегала и поддерживала. И он эту поддержку очень ценил...

– Кто у нас последний? – спросила, выглянув из Учебной Комнаты, помощница Белого Дракона.

– Я, – ответил Тихоня. За отведённое время он не успел

толком ничего придумать. Идей не было никаких и он решил действовать по наитию, надеясь, как это уже бывало раньше, получить подсказку в последний момент.

Выйдя в центр Учебной Комнаты, Тихоня спросил можно ли начинать, выдохнул и закрыл глаза...

В начале был ОН.

И была темнота.

И темнота была молчаливой.

Темнота была молчаливой, но не безжизненной.

ОН пребывал в ней.

И ОН был не один.

С НИМ была Любовь. И ничего кроме.

И в Ней было всё.

Всё, что только могло быть.

Всё, что когда-либо могло быть и когда-либо будет...

И ОН попросил Любовь открыть глаза.

И Она открыла.

И появился Свет.

И ОН попросил Любовь заговорить.

И Она заговорила.

И полилась Музыка.

Музыка, создающая пространства и миры, небеса и земли, и всё, что их населяет...

И Музыка создала тот самый, единственный и лучший из миров...

И все его видимые и невидимые ипостаси.

И ОН попросил создать Хранителей похожих на НЕГО.

И решил отдать им всё, что у НЕГО было, все созидающие силы, все возможности, все чувства, всю красоту.

ОН отдал им всё это и ещё многое другое и, самое главное – вновь созданный мир.

ОН ничего не просил взамен.

Лишь только быть рядом...

– Я смотрю, ты за старое взялся?..

Тихоня открыл глаза. Перед ним стоял Сторож, и знакомая уже красная пустыня окружала их.

– Я же тебе говорил, не лезь! – строго сказал Сторож. – Говорил или нет?..

– Так я же... – пролепетал растерявшийся Тихоня.

– Я же, я же... – покачав головой, сказал Сторож. – Придётся принимать меры.

Тихоня вспомнил обещание Сторожа и похолодел:

– Так ведь Контакта же не было, – быстро заговорил он. – Я никого не трогал... не знаю как это получилось... просто закрыл глаза и... как то само собой вышло... Я же ни с кем... Я же помню, что вы говорили... я совсем не хотел...

– Да, ладно! – улыбнулся Сторож. – Я пошутил... Опять попался?.. Ты слишком доверчивый. Это похоже на раннее слабоумие... – он смерил Тихоню взглядом, – а вроде молодой

ещё!..

Тихоня недовольно поёжился, он терпеть не мог розыгрыши.

– Так-с, ну теперь к делу, – серьёзно сказал

Сторож. – Как всегда у нас мало времени, сам понимаешь, Вечность не резиновая!.. Поэтому буду краток. Мне поручено передать тебе следующее:

Первое. Задача с Волком остаётся в силе.

Второе. Тебя назначили Защитником... хотя скажу по секрету, называется это на самом деле гораздо неблагозвучнее – что-то вроде то ли буфера, то ли демпфера... Решили почему-то, что Защитник звучит солиднее, а по мне так это намного хуже – напоминает что-то спортивно-дурацкое!.. Но... не нам судить... Вопросы потом, – прервал он жестом открывшего было рот Тихоню. – Третье. Ты Там не надолго, а работы будет много, так что не расслабляйся и не ленись... Твоим посредником назначен Волк, вся связь через него. Учти, что поблажек не будет, за тобой скоро окажутся люди – если ничего не путаю, без тебя тринадцать человек, за будущее которых ты отвечаешь лично. Кстати, и за своё тоже... Понял?

– Не совсем, – отозвался Тихоня. – Что за люди и от кого их надо защищать?

Сторож поморщился:

– Господи, с кем приходится иметь дело!

ЭТО сейчас вовсе не важно. Встретишь Волка, разберё-

тесь! Разумных вопросов нет?

– Ну... – Тихоня задумался.

– Значит нет, – быстро сказал Сторож. – Так, пока мы тут с тобой болтаем, я там тебе маленький подарочек соорудил... Покажу кое-что, твоим экзаменаторам, – он хихикнул. – Им понравится. Короче, когда сейчас я тебя верну обратно, они будут восхищаться и прочее... Не удивляйся, подыграй им, сделай вид, что всё идёт по плану... и так далее. Это-то, я надеюсь, ты понял?

– Понял, – проямлил Тихоня, чувствуя, что уже безвозвратно вовлечён в новый, большой водоворот событий.

– Да, а что ты там за ерунду плёл про какую-то темноту, любовь?... – Сторож насмешливо посмотрел на Тихоню. – Я ничего не разобрал... хотя где-то это уже слышал!..

– Ну... – Тихоня попытался собрать разбегающиеся мысли.

– Стой! – Сторож замер, прислушиваясь.

Прошло несколько секунд. – Так, всё! Потом расскажешь!.. Глаза закрой!..

Тихоня послушно закрыл глаза и тут же почувствовал прикосновение к своей коже скользкого, холодного ветра. Ветер принёс запахи. Это были неприятные запахи города – мокрого камня и дыма. Не того камня, что лежит где-нибудь на лесистом холме тысячу лет, проросший мхом и травой, хранящий молчаливое знание, а мёртвого, пустого, сделанного бездушными механизмами, бессмысленного в своём

бесконечном повторении. Не того дыма, который даёт костёр, ароматного и целительного, а того, который производится работой тех же бездушных механизмов, и который медленно и методично отравляет, сжигая в себе здоровье и радость жизни. Пахло ещё искусственной едой попеременно с тем, во что она превращается в результате круговорота веществ... По пустынной тёмной улице шаркающей походкой бредёт, опустив голову, человек в лохмотьях. Вдруг останавливается, нагибается и поднимает что-то с каменной земли. Радостно вскрикивает. Он нашёл консервную банку. Целую. С едой. Радость сменяется глубоким раздумьем. Банка закрыта, как добраться до пищи? Человек смотрит по сторонам, подыскивая что-то. Затем издаёт победный клич и подбегает к ближайшей стене дома, выбирает место и начинает тереть крышечку банки по шершавому камню. Жестяная кромка вскоре поддаётся, истончается и крышка без труда открывается, позволяя голодающему насытиться. Довольный своим открытием, бродяга с наслаждением насыщается...

Новый порыв ветра, словно песочную картину, сметает увиденное...

– Спасибо! – услышал Тихоня и открыл глаза.

Белый Дракон, прищурившись, с улыбкой глядел на него. Живчик тоже улыбался, насколько Тихоня его знал, как бы говоря «ну вот, всё правильно, так я и думал, так и должно

было быть...». Все, находившиеся в Учебной Комнате, с интересом и удивлением разглядывали Тихоню.

– Спасибо! – повторил Белый Дракон, продолжая улыбаться.

– Это, конечно, не совсем то... Но... Вы приняты в Группу!

Тихоня ничего не испытал, выслушав заветные слова. Он чувствовал, навалившуюся бетонной плитой на плечи, ужасную усталость и мечтал об одном – поскорее оказаться дома...

3

Волк поднялся и стал расхаживать по подсобке, заложив руки за спину. Тихоня по-прежнему не давал о себе знать даже на границе ощущений Волка, а ведь тот был опытным пеленгатором и мог похвастаться своим радиусом действия. Замерами он, конечно, не занимался, но, как минимум, километров тридцать это точно. А может и дальше... «Попробовать что ли ещё раз?» – думал он. – «Или всё же идти на улицу и вызывать его?.. Отсюда не получится... Хорошо построили, гады, с умом. Тут даже просвечиваешь еле-еле, как сквозь паутину! При желании, здесь вообще можно всех запереть и не выпустить никогда...». Он вспомнил, как однажды вечером, когда в Школе почти никого уже не было, он задержался со своей тренировкой, задумавшись, видимо пе-

репутал коридоры и пошёл каким-то дальним путём к выходу. Пройдя по «воронке», так назывался один из многочисленных коридоров, который в начале имел ширину в три человека, а к концу через него едва проходил один, Волк спустился по винтовой лестнице на один этаж вниз, повернул налево, прошёл ещё коридор до большой квадратной лестницы, между пролётами которой на каждом этаже были растянуты сетки из толстой, прочной проволоки. По этой лестнице он спустился ещё на этаж, снова повернул налево и по широкому коридору направился, как он думал к музейному залу с колоннами, бюстами Деятелей и стеклянными витринами, охранявшими Школьные реликвии. Из этого зала, бывшего проходным, можно уже выходить в нижний вестибюль, а оттуда на улицу в спасительную свободу. Но в конце коридора, за поворотом, музейного зала не оказалось!.. Волк снова очутился перед «воронкой»... Он заметил, что за весь путь не встретил ни одного человека. Так быть не могло. И это вполне определённо как и то, что он хорошо помнил как спускался по винтовой лестнице и по большой квадратной... «Может здесь две «воронки»?» – предположил он и медленнее, внимательно глядя перед собой, пошёл вперёд. Прделав тот же маршрут и оказавшись опять перед «воронкой» Волк остановился и оглянулся. Вокруг никого не было. Это уж точно выглядело ненормально. И, кроме того, стояла какая-то неестественная тишина. «Так! Приехали!.. – подумал Волк. – Что это?». Мысль о собственном внезапном су-

масшествии он отверг сразу и ему стало страшно от непонимания происходящего и бессилия человека, попавшего под чьё-то неодолимое руководство... Постояв несколько минут, Волк немного успокоился и, подумав, повернул в обратную сторону. Как он с самого начала вышел на эту злосчастную «воронку» Волк не запомнил. Пойдя обратно, он вышел на большую квадратную лестницу. Там он сообразил, что если спуститься по ней до самого низа, то можно по другим коридорам, но всё равно выйти в нижний вестибюль... Немедленно так и сделав и, к радости, обнаружив внизу длинный полутёмный проход в вестибюль, Волк с облегчением вздохнул и быстрым шагом направился туда... Однако, пройдя его весь, он опять вышел к «воронке»!.. Волк провёл ещё пару экспериментов с маршрутами, иссяк, и в очередной раз увидев уже ненавистную «воронку», обессиленный опустился на пол. «Интересно, – подумал он. – Либо я оказался не в том месте не в то время, либо кто-то на мне, как на крысе, что-то отработывает...». Он закрыл глаза и стал просвечивать ближайшее пространство. В высшей степени было странно, что он никого не улавливал. Получалось, что он сидел в этой идиотской «воронке» совершенно один и во всей Школе кроме него никого нет!.. А охрана? Уж, как минимум, один-то человек должен находиться около входа?.. И что за тишина кругом?.. Противная такая... ватная, как будто уши заложило! Ему показалось, что он услышал какой-то шум. Волк прислушался... Где-то шли занятия... «Ааах...

Оооох...», – гудело в отдалении. «Не Музыкальное Воспитание», – определил Волк. – «Скорее всего, Звуковое Воздействие»... Какие-то Ученики хором очень складно выкрикивали стихи... «Молодцы! – восхищённо подумал Волк. – Хорошо получается! Вот бы и мне так уметь! Надо узнать, что это за Группа. Может с ними потренироваться?..». Слаженный шум сменился песней и Волк увидел осторожно подходящих к нему с разных сторон незнакомых Учеников. Они тихонько напевали необыкновенно мелодичную, убаюкивающую песенку. Их было человек десять. Они сомкнулись над ним вокруг и пели... всё тише и тише... Лица их улыбались, а потом вдруг стали плоскими и по ним пошли медленные волны. Они стали растворяться и меркнуть... А песня текла... и текла...

– Так, кто это у нас тут сидит? – как кувалдой ударило громким звуком. Волк вскочил, открывая глаза и оглядываясь. К нему с узкого конца «воронки» подходил охранник.

– Молодой человек, вы же знаете, что ночевать в здании Школы Ученикам строго воспрещается, – произнёс он тоном наставника упирая на каждое слово.

– Да ещё и в коридоре, – добавил он уже по-человечески. – Не понимаю, что за охота тут оставаться? Есть же дом или общежитие!..

Волк потрянул головой, разгоняя остатки сна:

– Да я, чего-то заблудился!..

– Ну да! Как же! – ухмыльнулся охранник. – Ты, я вижу,

не первый день тут учишься, не рассказывай сказки! Пошли, выведу тебя... «на чистую воду»!

Волк хотел было объяснить всё, но охранник быстро повернулся и пошёл обратно. Волк поспешил за ним. Через несколько минут, миновав Музейный Зал, они, как ни в чём ни бывало, вышли в нижний вестибюль. Волк мельком посмотрел на большие настенные часы. Если они не были испорчены, то получалось, что он не потратив ни одной лишней минуты, сразу после своей тренировки, как пунктуальный Ученик, уходил домой... Охранник, ухмыляясь, пожелал Волку творческих успехов и закрыл за ним огромную входную с улицы дверь.

Что произошло, Волк так до конца и не понял. Возможно, кто-то занимался тренировками совсем иного рода, чем те, что обычно проводились в стенах Школы... Он дал себе слово обязательно в этом разобраться...

«Однако, где же Тихоня?» – подумал Волк, прерывая свои воспоминания. Он решил подождать ещё минут десять-пятнадцать и всё-таки выходить на улицу для сеанса мысленной связи.

4

На другой день после столь необычного и настолько же невзаправду удачного Экзамена Тихоня постеснялся идти сразу в Учебную Комнату, и, на всякий случай, пошёл сперва

в Учебный Отдел. Он всё же сомневался, может ли вот так просто начать учёбу – ведь по Правилам необходимо было сдавать и другие Экзамены? На высказанные сомнения Тихоня получил строгий и исчерпывающий ответ, что приказ о его зачислении уже подписан, спущен, оприходован и отправлен в архив и, что нового Ученика теперь могут отчислить за прогул занятий, а потому нечего ему делать в неподходящем для него месте в урочное время, и не пошёл бы он куда следует. Тихоня понял, что за его отсутствие произошли не только косметические перемены, но и была затронута основа основ Школы – её золотые, незыблемые Правила...

Подсобка, конечно же, была уже заперта, и Тихоне пришлось просидеть под дверью часа три в ожидании перерыва. Помня, какие меры обычно принимались по отношению к опоздавшим в его первое пребывание в Школе, Тихоня не ждал ничего хорошего, укорял себя за то, что не спросил накануне, когда начинаются занятия и готовил оправдательную речь, если её вообще захотят выслушать. Но речь не понадобилась – в какой-то момент за дверью послышалось движение, лязгнул замок и первым вышел Шаман. Он увидел Тихоню, радушно поздоровался с ним, спросил всё ли в порядке и как-то по-домашнему пригласил его войти, отправившись по своим делам. Тихоню приняли так, как это и бывает в большинстве подобных случаев – спокойно, немного официально, немного сухогато, чуть настороженно и в целом нейтрально. В Группе уже было шесть Учеников, не счи-

тая прибывшего Тихони. Из них двое – молчаливые, женского пола, безликие близнецы-иноземцы из-за Дальних Пределов, имена их Тихоня так и не выучил. Они ни с кем не разговаривали, общались только с Руководителями при помощи жестов, иногда звуками. Белый Дракон относился к ним снисходительно, как к любимым домашним животным и всё разрешал; Зубастик – бывший соотечественник, ребёнком увезённый родителями в одну из ближних бывших колоний и отчего-то решивший вернуться на родину для обучения. Это был небольшого роста, с глазами навывкат, улыбчивый и услужливый человек неопределённого возраста; Стебель – долговязый, тощий и нахальный тип, всегда выглядевший спокойным. Он уже по второму кругу проходил обучение в Школе, звание Деятель было присвоено ему год назад, а теперь он захотел стать ещё и Созидателем; Труба, не унывающая, громкая, крупных форм женщина с белыми длинными волосами, производившая впечатление воинственной, но доброй предводительницы какой-нибудь разбойничьей шайки; и угрюмый Волк, внешностью своей не оправдавший поначалу ожиданий Тихони, предполагавшего увидеть могучего мудреца из древних сказаний...

Белый Дракон, не сходя со своего тронного места, позвал Тихоню к себе, сдержанно-любезно поприветствовал его и предложил не откладывая дела в долгий ящик, немедленно приступить к ученическим обязанностям, помогая кому-нибудь из ранее поступивших Учеников. Тихоню тут же взяла

в оборот активная и разговорчивая Труба. Она сказала, что сегодня её очередь «что-то показывать» и что у неё есть одна идея на этот счёт... Отведя Тихоню в сторонку, она заговорщически сказала, что не нужно будет ничего особенно-го делать, всё заключается в её умении превратиться в Белого Дракона (конечно, не по-настоящему!) и от его имени кое-что сказать. Тихоня же должен быть тем кто он и сейчас есть, то есть Учеником, и чуть-чуть подыграть, вот и всё. Кроме него и Трубы в учебной работе должен был принять участие Стебель, ему поручалось превратиться в Шамана. Тихоня волновался, Труба не говорила что нужно будет делать, и вообще он не любил сходу что-либо начинать, ему всегда хотелось осмотреться, привыкнуть. Стебель же был абсолютно спокоен, весь его вид и теперь и потом говорил, что ему всё на свете всё равно...

Точно так же, как это было на вчерашнем Экзамене, вдруг явился Шаман и закрыл дверь подсобки, задвинув небольшой, но убедительного вида засов. Все, кроме Трубы, Тихони и Стебля прошли в Учебную Комнату, а Труба заявила Шаману, что уже может показать свою работу.

– Хорошо, – спокойно ответил Шаман. – Когда будете готовы, начинайте...

И тоже скрылся за дверью Учебной Комнаты.

– Значит так, – повернулась Труба к Тихоне. – Мы сейчас выйдем со Стеблем, а потом позовём тебя, как будто идут обычные занятия. Ты войдёшь, а мы тебе станем показывать

разные картинки и спрашивать что это такое, понял?

Тихоня сосредоточенно кивнул.

– А ты отвечай, что видишь... ну, не знаю... например... танк, понял? И что бы мы ни показывали, ты стой на своём и говори «танк», и всё...

– А потом? – спросил Тихоня.

– Потом, мы тебя как бы доведём до обморока, ты свалишься и лежи, мы ещё чуток побазарим и закончим, понял?

– Это всё? – спросил Тихоня.

– Всё, – утвердительно ответила Труба. – Только будь потупее, понял?

– Хорошо, – отозвался Тихоня, совершенно не представляя себе готовящееся действие. – А это ничего, что вы будете изображать Руководителей?

– А чего такого? – недоумённо спросила Труба.

– Да всё нормально, – спокойно уверил Стебель. – Эт можно...

– Ну, ладно, – с сомнением согласился Тихоня. Ему стало немного тоскливо. Не хотелось не начав учиться снова пройти процедуру отчисления...

– Фу! – выдохнула Труба. – Пошли!..

Она видимо тоже волновалась, потому что вдруг чисто по-женски взяла под руку Стебля и потащила его в Учебную Комнату. Тихоня остался ждать.

Через несколько минут он услышал, что Белый Дракон зовёт его и открыл дверь...

И тут же отпрянул от неожиданности – перед ним стояла непроницаемая стена темноты. Тихоня даже сначала решил, что это плотная, чёрная штора – свет из подсобки не проникал в Учебную Комнату.

– Прошу, прошу! – услышал он голос Белого Дракона. Ощущение было не из приятных, но, чуть помедлив, Тихоня шагнул. Он закрыл за собой дверь и, опережая головокружение, которое у него всегда возникало в кромешной тьме, не отпуская ручку, прижался локтями к дверному полотну. Впереди, где-то посередине Комнаты, упал сверху конус яркого света. В образовавшийся на полу круг справа и слева вплыли Шаман и Белый Дракон.

– Ну, что же вы? Проходите! – улыбаясь промолвил Белый Дракон, указывая жестом на свободное место между ними.

Тихоня оторвался от двери, прошёл вперёд и встал у световой границы.

– Сюда, сюда! – не переставая улыбаться, пригласил Белый Дракон. – В круг!

Тихоня сделал ещё шаг и зажмурился от лившегося сверху ослепительного света.

– Очень хорошо! Вот теперь можно спокойно поговорить, – ласково сказал Белый Дракон.

Тихоня и раньше видел превращения и сам пытался освоить некоторые начальные уровни, но ни разу не видел так

близко такое достоверное, мастерски проведённое превращение двенадцатого уровня. О нём Касис написал совсем немного в конце своей книги. Тихоне ещё не понравилось, что Касис вдруг закончил на самом интересном месте, не рассказав подробно о двенадцатом уровне, скомкав концовку какой-то нелепой фразой о том, что возможности человека безграничны и он идёт вперёд, и перед ним раскрываются какие-то там просторы, и он, Касис, приглашает всех туда... В общем чушь полная! Правда, это единственное что несколько портило общее потрясающее впечатление от книги.

«Но как же Трубе и Стеблю удалось осуществить превращение двенадцатого уровня?» – подумал Тихоня.

– Это не Труба и не Стебель, – сказал Белый Дракон. – Ты видишь перед собой тех, кого видишь...

– А что... – начал взволнованно Тихоня.

– Не беспокойся, – перебил его Белый Дракон. – Показ идёт своим чередом, с ними всё в порядке. А вот нам с тобой есть о чём поговорить. Мы уже знаем, что ты умеешь выходить за Границу, поэтому решили, что здесь самое лучшее место... никто не помешает...

Тихоня очень не любил ситуации, в которых не знал как реагировать на происходящее, но в эту минуту не требовалось молниеносного принятия решения. Угрозы для жизни он не чувствовал и в него никто не собирался залезать... во всяком случае пока. Было время на оценку и размышление.

– Правильно мыслишь, – улыбнулся Белый Дракон. – Боятся нечего!..

Тихоня молча перевёл взгляд с него на Шамана. Тот спокойно кивнул головой.

– Я позвал тебя, чтобы сообщить приятнейшее известие, – иронично начал Белый Дракон. – Ты попал именно туда куда нужно и к тем, кто нужен тебе... Ты спросишь, каким же образом? С удовольствием тебе отвечу... Видишь ли, уважаемая Сирена – светлая ей память – как-то раз сказала мне: «Этот юноша очень перспективный, обрати на него внимание!». Я последовал её совету и, думаю, не пожалею об этом. Без ложной скромности скажу, что привести тебя сюда стоило немалых усилий и умения – я могу немного погордиться собой! – Дракон улыбнулся, но в следующую секунду совершенно серьёзно сказал:

– Мне как раз нужен такой человек, как ты.

– Какой? – подал голос Тихоня.

– Ну, во-первых, сильный, с характером, с хорошим запасом энергии, а во-вторых, открою тебе один секрет – нахалов, вроде тебя, умеющих выходить за Границу, сейчас очень мало, они на вес золота каждый! За ними охотятся, на них стоит очередь, это дефицит! Получить такого мечтает любой настоящий Мастер...

Тихоня хотел спросить «зачем мы нужны?», но Белый Дракон снова опередил его:

– Хороший вопрос! Но... преждевременный... Не спеши!

Они переглянулись с Шаманом.

– Итак! Что мы предлагаем? – продолжил Белый Дракон. – Мы приглашаем тебя создать триумvirат. То есть, ТАМ всё остаётся по-прежнему – мы Руководители, ты Ученик. А ЗДЕСЬ мы собираемся вместе, как равные силы и решаем... – он остановился на секунду, – кое-какие вопросы! Какие, скажу позже... Почему тебе это интересно? Потому что твоя сила будет прибывать, твои умения будут приумножаться, и ты будешь заниматься реальным делом, от которого многое зависит, ты сможешь принести пользу людям, будешь служить... в самом лучшем понимании этого слова! Что от тебя требуется? Быть открытым и честным, только и всего!

Времени прошло достаточно для того, чтобы освоиться и что-нибудь уже почувствовать. И Тихоня почувствовал, но не успел это скрыть...

– Да, да, правильно! – кивнул Белый Дракон. – Я понимаю твоё недоверие. Ты совершенно прав. Возможно, мы – он указал на Шамана, – немного поторопились! Однако ты должен простить нас, мы так рады были твоему приходу... Конечно, подумай, взвесь хорошенько. Можешь думать столько сколько захочешь – неделю, месяц, два... как угодно. Мы подождём! О своём решении лучше всего сообщить нам ЗДЕСЬ. Как – ты уже знаешь! Ну, а о том что мы встречались, я думаю и сам догадываешься, распространяться не стоит! – Белый Дракон улыбнулся. – Пока всё! Удачи!

Он отступил в темноту. Тихоня повернул голову в сторону Шамана, но того уже не было. Свет резко погас и нахлынула густая, душная чернота. У Тихони закружилась голова, пол куда-то исчез из под ног...

– Спасибо! – громко сказал кто-то, и Тихоня увидел перед собой пахнущую деревом плашку паркета. Он лежал на полу посередине Учебной Комнаты. Бледно горели, подвешенные к потолку, большие верхние лампы с металлическими плафонами. Тихоня отметил, что никакого прожектора сверху нет. Он сел. В голове гудело и во всём теле хозяйничала слабость, как после чрезмерного сна. Из подсобки вошли раскрасневшиеся Труба со Стеблем. Они были очень довольны. Шаман – судя по всему он всегда так делал – снова куда-то убежал, а Белый Дракон сидел в своём кресле и курил, прищурившись глядя на Тихоню. Тихоня предпочёл в этот момент ни о чём не подумать.

– Классно подыграл! – подходя, тихо сказала ему Труба, а Стебель помог подняться и одобрительно похлопал его по плечу.

Оставшееся время занятий Тихоня, выбрав место поближе к стене и подальше от Руководителей, приходил в себя, рассеянно слушая Белого Дракона и Шамана, которые, то один, то другой, что-то подробно выясняли у Трубы, как автора учебной работы, и затем ещё более подробно и долго, на её примере, втолковывали всем присутствовавшим осно-

Волк посмотрел на часы, вздохнул и, заперев подсобку, наиболее коротким путём отправился на улицу, чтобы вызвать Тихоню. На двери он оставил записку для него на тот случай если они разминутся. «Интересно, – думал Волк поспешно пробираясь к выходу, – Белый Дракон сегодня в Школе? И, если я на него натолкнусь, он догадается? Наверное, он хорошо умеет просвечивать мозги... Точно умеет!.. А может он сейчас где-то тут сидит и уже это делает? Вроде я его не чувствую...». Волк замедлил шаг и попробовал настроиться... «Нет, лучше не надо, – остановил он сам себя, – не буди лихо...». Волк огляделся. Он был в Коридоре Мастеров. Тихоня, рассказывая ему о Сирене, вскользь упомянул, что не нашёл здесь её портрет. Это странно. Потому что все, без исключения, Руководители, живые и ушедшие, даже если они прочитали лишь одну лекцию, или провели всего одно занятие, увековечиваются портретом на стене Коридора Мастеров. «А он сказал, что Сирены здесь нет... Любопытно, что она могла такого сделать, что так старательно стёрли о неё память?.. Ну, оставили бы подпись, что пропала без вести и всё. Меньше вопросов. Тихоня ведь не один её помнит... А если она вернётся, что они будут делать?.. – Волк стал рассматривать лица Руководителей. – Может он

не заметил? Жаль, что я её не знаю... и подписи такие мелкие!..». Волк прикинул длину Коридора. «Метров пятьдесят, не меньше! Можно и пропустить» – подумал он. Портреты шли почти без просветов по двум стенам, в несколько рядов по высоте, большие и маленькие, видимо, в зависимости от степени заслуг героя. Волк опустил голову и пошёл дальше. «Тихоня, Тихоня, где же ты?.. Только бы был жив-здоров, это самое главное!.. Хитренький, ты... Должно быть, что-то задумал?.. И не сказал... Конечно, ты не обязан, но я ведь тебя немножко знаю, ты можешь перестараться... Есть за тобой такой грешок... Ты хочешь быть самостоятельным... Что ж, это хорошо... Очень хорошо... Но даже самому первому из независимых и самостоятельных нужны друзья... Даже отчаянно смелые скалолазы-«единоличники» не идут на штурм без страховки... Ну, погоди, попадётся ты мне!.. Взгрею тебя, как старший товарищ!.. Чтоб ты был здоров!..».

Помогая себе всем телом, Волк открыл тяжёлую, стеклянную в деревянной оправе дверь и вышел на улицу. Он посмотрел налево по направлению, в котором должен был появиться Тихоня, не увидел его и отошёл на несколько шагов в сторону. Дождь уже прекратился и умытый камень тротуара выглядел довольным, поблескивая не высохшими капельками. Волк присел на корточки у стены и сосредоточился на вызове. Тихоня не отвечал. Волк снова просветил насколько смог окружающее пространство и окончательно убедился, что в Школе кто-то всерьёз глушит волны, на улице за-

прос проходил легко и плавно. Тихони нигде не было. Волк выдохнул и покрутил головой убирая напряжение в шее. Что делать он не знал, но решил подождать ещё и попытаться вызвать Тихоню позже.

6

Во второй разговор с Волком, когда после занятий они вдвоём, прогуливаясь, шли до Проспекта, Тихоня попросил рассказать о Заповеднике, если Волк конечно что-то про него знает. Тихоня сказал, что никогда и нигде не слышал о нём ни слова, а узнать очень хотелось уже давно – с той минуты, как об этом обмолвилась Сирена. Ведь не зря же она сказала! И потом, просто интересно... Волк не удивился (он вообще редко удивлялся) и поведал Тихоне о том, что тема это закрытая, никем специально не охраняемая, но информация по ней очень обрывочна и местами явно придумана. Во-первых, официально Заповедник не назывался Заповедником и как таковой нигде не упоминается. Неизвестно откуда пошло это название. Скорее всего, кто-то из остроумных лаборантов-практикантов ввёл его в обиход. И когда оно возникло никто не знает... Согласно официальной исторической версии Деятели были всегда, с древних времён. Только раньше, в этой глубокой древности, их было значительно меньше, и за свои исключительные способности, они пользовались громадным уважением у тогдашнего общества.

С течением времени их становилось всё больше и больше, сфера их влияния расширялась и, как следствие, они начали объединяться в разных величин группы, коллективы, стали строить для себя специальные помещения, в которых устраивали показы и так далее и тому подобное, и вот это уже Великое и уже Искусство дожило до наших дней и всячески радуется отечественное народонаселение, не жалея себя, бросив все силы на воспитание его в правильном русле... Примерно в таком, по словам Волка «бредовом» духе, представлена вся скудная справочная информация на эту тему. Неофициальная же версия звучит, как всегда, по-другому, более похожа на легенду чем на реальную историю и сводится к следующему:

Когда-то, не так давно – когда, разумеется, известно – к власти в Стране пришли молодые, энергичные, неглупые, и, самое главное, вроде незлые люди. И тут же столкнулись – а как же иначе? – с массой проблем, накопившихся в обществе. Одной из таких проблем, совершенно новой для них, стало наличие среди подопечного народа отдельных индивидуумов со странными способностями. И это было полбеда. Настоящая беда заключалась в том, что число этих самых индивидуумов неуклонно росло. Прежние правители были сильно озабочены этим фактом, но из-за своей косности не нашли ничего лучшего, чем примитивно вылавливать и изолировать отщепенцев. Что делать с ними не знали или не хотели знать, а в долгих дебатах по этому вопросу догово-

рились до того, чтобы уничтожить их потихоньку... К счастью, этим бесчеловечным планам не суждено было сбыться, потому как в измученной, полуголодной и нищей (в те недалёкие времена) Стране нашлись здоровые силы, опрокинувшие старый прогнивший насквозь ненавистный строй и взявшие в свои незапятнанные молодые руки бразды правления... Правительственная смена показала себя более сообразительной, чем предшественники и чья-то светлая голова выдвинула идею, устроившую всех. Идея казалась очень гуманной, отмеченной неким смыслом, и для простых смертных имела вокруг себя ореол таинственности. Суть её сводилась к тому, чтобы целенаправленно выявлять людей с необычными способностями, группировать их по сходным проявлениям и подвергать тщательному изучению на предмет возможной полезности. Так сначала появилась Группа Начертателей, после неё образовалась Группа Тесовщиков, затем Группа Словесников и после них Деятели... С этими было хуже всего. Если все остальные производили что-то материальное – то, что можно было пощупать (за исключением, занесённых в Группу Словесников, поющих поэтов и некоторых, не буйных, «сочинителей музыки»), Деятели, как точно кто-то выразился «создавали воздух». И если бы не завораживающие, непонятные иллюзии, которые периодически во время приступа своей «болезни» создавал кто-нибудь из них, то их вообще могли бы считать обыкновенными, точнее необыкновенными сумасшедшими и запирали бы

в больницах. Впрочем, поначалу так и делали. Деятелями их ещё никто не называл, а каждому из них присваивался временный номер. Когда стало ясно, что приходится иметь дело с явлением масштабным и утаить его разрозненными фрагментами невозможно, возникла необходимость всех «ненормальных» собрать и охранять на выделенной отдельной территории. Чем была вызвана к жизни идея объединить Группы в единое контролируемое целое. Это единое целое определили, как «Система Исследовательских Учреждений Специального Назначения», в которых ведутся разрешённые и одобренные государством научные изыскания на благо народа и т. д. и т. п.

Очевидно, слово «Заповедник» как раз и появилось вскоре после организации Системы. Оно на удивление стремительно разошлось и укоренилось не только в этих самых Учреждениях, но и шагнуло через их охраняемые стены в народ, тут же по пути обрастая всевозможными красочными подробностями, ужасными и не очень...

Потом очередная светлая, а точнее предприимчивая голова, предложила оригинальное использование Деятелей (собственно, именно с того момента и возникло это название). Было решено отделить их от остальных (собранных под началом Центра Сохранений), и объединить в, специально для этой цели созданном, Центре Демонстраций. Где предполагалось на платной основе демонстрировать иллюзии, создаваемые Деятелями, всем желающим. Якобы, финансируема-

ние исследований было слишком накладным для правительства и, если можно самим на себя зарабатывать, то почему бы и нет?.. Успех был ошеломительным. Центр Демонстраций очень быстро стал местом паломничества со всех концов Страны. В него было не попасть. Его три раза наскоро перестраивали, расширяя количество мест для зрителей, но это не помогало. Билеты раскупались мгновенно и даже когда в течение дня давали по пять-шесть показов, количество желающих посмотреть не уменьшалось. Меньше чем за год окупались почти все расходы на содержание и исследование «странных людей». А тем временем поток желающих посмотреть не иссякал. Многие приходили снова и снова. Центр Демонстраций богател, обрастал административным аппаратом, расширял свою территорию и становился чуть ли не самым прибыльным предприятием в Стране. Неизбежно встал вопрос о качестве Демонстраций. Не все из Деятелей могли, сотворив иллюзию, поддерживать её продолжительное время – некоторым во время представления становилось плохо, приходилось прерываться и выглядело это неэстетично. Поэтому стали отбирать на каждую конкретную Демонстрацию по несколько Деятелей, для подстраховки. Потом заметили, что можно выводить в Главный Зал и не одного Деятеля, а сразу двух, трёх или больше. Один, самый сильный, творил, а остальные помогали на подхвате. Затем, естественно, появилась необходимость заранее придумывать сюжеты и по распределённым обязанностям созда-

вать их непосредственно перед зрителем. Но тут накладки пошли сплошным косяком и для решения проблемы понадобилось тренироваться до начала Демонстрации. Что повлекло за собой возникновение функций наблюдателя-координатора, названного позже Созидателем. Первыми в этой профессии стали самые «опытные» и амбициозные из Деятелей-неудачников, гордость которых была обратно-пропорциональна их таланту. Впрочем, когда новая профессия приобрела чёткие очертания, в неё пришли действительно выдающиеся личности...

Следующая светлая (или не слишком) голова подумала вдруг что если такое количество «нормальных» народных масс соглашается оказывать на себя влияние, то почему бы не ввести элемент воспитания в работу Центра?.. Так он превратился в Центр Воздействий... Из числа более слабых Деятелей выделили тех кто придумывал поучительные сюжеты для будущих Демонстраций, сооружения для них, затем появилась необходимость во вспомогательных профессиях – как, например, чернорабочие и так далее. Дело приняло размах и шло довольно успешно. В других городах стали основывать филиалы Центра Воздействий, которые щедро финансировались. Дальше потребовался приток новых Деятелей, для чего специальная мобильная комиссия разъезжала по Стране в поисках «способных» людей, благо опыт по выявлению уже был велик. Лет через пять такой метод сочли неэффективным и нерентабельным, а кроме этого потребо-

валось природные, «непричёсанные» способности «облагородить, взрастить и направить», после чего и возникла Школа Деятелей. И теперь вместо того, чтобы рыскать по просторам государства, комиссия могла спокойно сидеть в Школе, тратиться лишь на организацию набора, а желающие уже сами приезжали в Город в надежде попасть в, ставшее престижным, новое учебное заведение. Разместили его в старой части Города, в чём-то таком же старом дворце, так давно отнятом у хозяев, что никто уже не помнил и нигде не было отмечено, у кого именно. Дворец был настоящий, со множеством помещений – больших, средних, малых и крошечных; десятками переходов, лестниц, коридоров и, наверняка, тайными комнатами, скрытыми дверями и прочей атрибутикой обычного, рядового дворца. Первых Преподавателей отбирали из числа бывших или неудавшихся Деятелей (некоторые уже успели состариться и обрести необходимую профессиональную мудрость). Число Соискателей (а заодно и филиалов по всей Стране) росло с каждым годом, поэтому в отличие от первых двух-трёх лет существования Школы, пришлось увеличивать количество набираемых Групп, что потребовало расширения самой Школы. Вскоре рядом был выстроен новый, не такой хитроумный, как старое здание, но просторный корпус и отдельно, при нём, Главный Зал для Демонстраций, по величине равный одному из официальных филиалов Центра Воздействий в самом Городе.

Первым кто открыл, так называемую, нефизическую Гра-

ницу Заповедника, был всё тот же легендарный Касис. Он не являлся в первоначальном смысле Деятелем, поэтому, на наше счастье, не очутился в больнице. Будучи по званию Высокородным и имея соответствующее происхождение, он помимо прочих обязанностей своего звания, пользовался положением и мог позволить себе занимательное хобби. Касис, которого называли в частности «избалованным выскочкой», кроме несомненного таланта, видимо обладал ещё и определённой отвагой. Он в одиночку исследовал некие, как он утверждал, новые пространства, всякий раз возвращаясь целым, невредимым и с ошеломляющими откровениями. Общество разделилось в оценках его деятельности – молодёжь, что естественно, была целиком на его стороне и полностью приняла новую информацию; пожилые и консервативные не верили, порицали за шарлатанство, обвиняли в искусственности и опасном сумасшествии. Однако он не сдавался, тщательно записывал впечатления, выводы, мысли и, в конце концов, за свой счёт опубликовал первую книгу «Мои близкие путешествия», снискав себе тем самым впоследствии неувядающую славу первооткрывателя. Книга тут же стала редкостью. За ней охотились, к счастливым обладателям, а также в Читальные Залы, занимали длинную очередь для прочтения, стали создаваться кружки практикующих и чуть ли не образовалась новая религия «Иных Пространств»... Разумеется, тогдашнюю власть это не могло устроить, и Касису было предложено уделять меньше времени любимому

хобби, а лучше всего отправиться за Дальние Пределы пока всё не утихнет... Видимо, предложение содержало особые пункты, не приданные огласке, но весьма убедительные, потому что Касис быстро собравшись, вмиг оказался далеко от Родины и провёл в странствиях много лет, о чём также поведал в другой своей книге с ироническим названием «Мои дальние путешествия». В его отсутствие, шумиха действительно улеглась. Никакого Заповедника тогда ещё не существовало, да и слова такого не знали. Всех, оказавшихся в поле зрения властей, чудиков изолировали, книжку Касиса изъяли из Читальных Залов. Про него самого официально было заявлено, что великие, мол, тоже ошибаются и на время всё успокоилось. Когда же новое правительство разгребало свалившуюся кучу дел, кто-то вдруг вспомнил, что Касис-то жив... и таскается где-то за Дальними Пределами, вместо того чтобы быть дома и помогать своим авторитетом и влиянием. Кроме того, некрасиво в свете новой Политики Терпимости держать вдалеке от Родины столь ценного её сына! Касиса с почётом вернули обратно, стали снова печатать его книги и уговорили привлечь к крайне важной работе в Центре Демонстраций. Касис вроде бы с энтузиазмом поначалу принялся за дело, и во многом именно ему мы обязаны чёткой организацией работы Центра, что потом стали называть «старой школой». Именно в тот период появился его бессмертный труд «Превращения. Теория и Практика». Но говорят, что ему категорически не понра-

вилась идея Воздействия в той форме, каковую предложила неизвестная светлая голова, и, будучи уже в весьма преклонном возрасте он был препровождён на заслуженный отдых, завален медалями, званиями и привилегиями. Ещё говорят, что он предостерегал якобы от какой-то опасности, исходящей от Центра Воздействий. Однако тут совсем всё туманно – письменного подтверждения этому нет, будто бы он говорил что-то кому-то в приватной беседе и собирался даже выступить публично. Так это или нет мы не знаем, потому что оставшись не у дел, великий Касис скоропостижно ушёл от нас. Теперь его именем любят называть улицы, корабли, и особенно, филиалы Центра Воздействий. После ухода Касиса его книжку «Мои близкие путешествия» больше не переиздавали. Она стала коллекционным раритетом. Тема Заповедника, не подпитываемая новыми слухами и домыслами, сама собой ушла из сферы интересов людей. Её заменили другие, более «страшные», более впечатляющие истории. А если она и возникала, то изредка, в узких кругах связанных с Центром Воздействий и исключительно в сказочном, мифическом ключе...

Тихоня, внимательно и серьёзно выслушав рассказ Волка, был разочарован. Он спросил, откуда Волк всё это знает. Волк шутливо ответил, что у него два источника информации – личное любопытство и Ведьма... Тихоня, ожидавший причащения к какой-то большой, древней тайне, а получив банальный урок неофициальной истории, в ответ интелли-

гентно высказался в том смысле, что всё рассказанное Волком безусловно интересно, но, как тот справедливо выразился в начале повествования, сильно смахивает на выдумку. Развивая свою мысль Тихоня заявил, что в этой стройной версии полно нестыковок и откровенных нелепостей. А если быть до конца откровенным то всё – от начала до конца – полнейшая, хотя и правдоподобная, чепуха. Закончив, Тихоня остальной путь до Проспекта ничего не спрашивал и не говорил, затем как-то рассеянно попрощался и они расстались.

7

После того, как Тихоня получил от Белого Дракона предложение, он пребывал в растерянности. Первое, что ему захотелось, это встретиться со Сторожем. Но помня его сарказм и неприятные шутки, а также зная наверняка, что Сторож пошлёт его, Тихоня не стал этого делать. И потом тот же чётко сказал, что все вопросы решаются с Волком. Да, с ним Тихоня обязательно переговорит. Но чуть позже. Сначала надо подумать самому, без посторонней помощи. Это лучше – и сдержать обещание данное Белому Дракону и быть налегке, не связанным ни с кем... Во-первых, Сирена... Тихоню насторожил преувеличенно-любезный тон Белого Дракона и слова «светлая память», сказанные о Сирене ... Получалось, что её нет в живых? Тихоня не знал сколько ей

лет, но помнил, что она была ещё молода и здорова... Конечно, уходят из жизни во всяком возрасте, бывают и трагические случайности, но как раз в последнее Тихоня не верил никогда. Он был убеждён, что то, что люди называют случайностью, является абсолютно точным и вовремя приходящим следствием вполне конкретных поступков и вполне конкретных мыслей человека, как того, с кем происходит «случайность», так и того, кто эту «случайность» планирует для другого. А уж что касается людей публичных или Руководителей, то тут и вовсе ничего случайного быть не может. Он вспомнил последний разговор с Сиреной, её слова о том, что у неё могут быть неприятности из-за него и ощущение, что она делает что-то запретное разговаривая с ним... Неужели он навлёк на неё настолько серьёзные неприятности, что они могли стоить ей жизни? Тихоня в это не верил. И чем он мог это сделать?! Шесть лет, как она сказала, никаких Контактв, никакой Школы, никаких Деятелей. Правда, сразу же после отчисления он собирался снова поступать, несмотря на её совет, но, к счастью, быстро оставил эту затею. В остальном же, всё о чём она просила было выполнено... Попытки жить как все, быть как все, думать как все, делать как все... Честные попытки. Сидеть и не высываться стало хорошей привычкой, наработанной практикой. Шесть лет балбесничанья и ничегонеделанья, шесть лет маяты вперемежку с дурью и тоской. Шесть лет молчания и безмятежного сна души... Может он слишком рьяно при-

нялся за выполнение урока, может слишком хорошо его выполнил, на отлично... Или... Тихоня прокручивал в памяти последний разговор с Сиреной. «Она же говорила, что скроет меня, спрячет, а если не получится, то мне житья не дадут... Но ведь получается, что так оно и вышло! Как Сирена сама всегда шутила – «никто не обещал, что будет легко!»». Я не ждал этого, но если вспомнить, то... Да, именно так и вышло! Не самое, но низкое Звание, постоянные напоминания о Школе, не лад во всём или почти во всём! Значит, не спрятала. Значит, нашли, заметили... И не знаю почему это плохо, но видно плохо, потому что Сирены больше нет. Нигде нет. И в Коридоре Мастеров нет. И Белый Дракон может не знаком с ней на самом деле, а зачем-то упомянул о ней. Зачем? Намекнул, что если откажусь, то будет мне светлая память? А может он и знал её. И не просто знал, а был хорошо осведомлён. Что это значит «привести тебя сюда стоило немалых усилий и умения...»? Это значит, что вероятно, он из тех, кого имела ввиду Сирена, когда говорила «заметят, знают»... И работает он в Школе уже давно, очень давно. А не видел я его потому, что не встречал и не встречу ни разу, проведи хоть десять лет в Школе, даже половины от всех Руководителей... Зачем я полез за эту чёртову Границу?! Ну ладно, на том, Первом, Экзамене это получилось случайно... опять случайно?.. Надо было остановиться, не идти дальше! Сирена права, я – разрушитель!.. Я разрушил её жизнь! А может не только её... Я ведь не знаю, что проис-

ходит когда я Выхожу! Куда я попадаю? Какие последствия это вызывает?.. Но я же не совершал Выход ни разу после отчисления! Я сделал всё, как она велела!.. Да нет! Чушь это всё, сопли! Правильно делал и делаю! Я не виноват ни в чём! Жалко Сирену, но она сама сказала, что ошиблась, выжидала чего-то! Нет, не о том думаю! Спокойно!.. Итак, первое – узнать про Сирену... хоть что-нибудь, хотя бы из уважения узнать... Второе – предложение Белого Дракона. Что он имел ввиду? Что это за триумvirат? Что за «кое-какие вопросы»? Об этом я не узнаю, пока не соглашусь... У кого бы спросить? В идеале лучше бы у кого-то из Руководителей... Стоп! А ведь я знаю у кого!..».

Тихоня был рад, что к Группе прикрепили Живчика. Ему не очень нравился сам предмет Звуковое Воздействие, но Живчик преподавал феерически. Он очаровывал, вовлекал, делился энергией, смешил, показывал чего нужно добиваться и за это ему с лёгкостью прощали жёсткость и требовательность. Эти качества не были постоянными спутниками Живчика. За пределами Учебной Комнаты они исчезали бесследно так, будто и не существовали, никак не могли существовать рядом с ним. Поэтому Ученики запросто подходили к нему поболтать после урока. О чём угодно. Так это и бывало... Когда Тихоня готовился к поступлению в Школу. И в самый первый раз и во второй. До той поры, как семь лет назад Живчик взвинтил темп своей жизни. Тихоня помнил, что Живчик отличный слушатель, никогда не соревнующий-

ся с собеседником на предмет кто раньше успеет вывалить на другого свой эмоциональный балласт. Да Живчик вообще никогда ни на кого ничего не вываливал. С ним всегда было легко. И в первую очередь, Тихоне хотелось просто поговорить с ним. Как когда-то. О чём-нибудь. Неважно. Хотя теперь и появилась важная тема... Но Живчик стал ещё более занятым человеком. Говорят, его заслуги, после долгих лет, наконец, были отмечены городскими властями, от которых он получил какое-то скрытое звание, и – Высокие Подарки не бывают бесплатными – вместе с ним приобрёл, наверное, дополнительные обязанности. Потому что теперь даже перехватить его на ходу было практически невозможно – он не останавливался. Максимум, что удавалось самым проворным Ученикам, это на бегу изложить суть дела и, пока хватает дыхания или никто из «свеженьких» не занял твоё место, успеть выслушать краткий ответ. Для Тихони это было неприемлемо, поэтому поговорить не удавалось. Живчик не показывал своё давнее знакомство с Тихоней, никак не выделял его среди других Учеников и не сделал бы для него исключения. Понимая это, Тихоня решил рискнуть и снова выйти за Границу – единственное место, где по-видимому можно застать любого человека... как бы ни был он занят.

Обыкновенно Живчик появлялся как ураган, внезапный, улыбающийся, бодрый, стремительный, взвихривая вокруг себя пространство, не заботясь о сохранности принадлежавших этому пространству вещей и людей. Как кто-то в шут-

ку заметил, Живчик с лёгкостью может заставить и мёртвого заниматься Звуковым Воздействием. Через одно занятие все уже чётко усваивали первое правило – к появлению Живчика все должны быть переодеты и в максимальной готовности находиться в Учебной Комнате. Опоздания с оправданиями не принимались, хотя штрафных санкций не следовало. Если не считать того, что он умел так унижить провинившегося, что у него пропадало всякое желание в следующий раз нарушать установленную дисциплину. Тем не менее, Живчика все уважали и любили и даже приходили из других Групп на занятия чтобы лишний раз поучиться у него.

Тихоня разминался в Учебной Комнате, где вместе со всеми ждал Живчика. Тот появился, ровно тем же способом каким всегда это делал и ровно к началу урока. Однажды, вскоре после знакомства, Тихоня, узнав, что Живчик в Новогоднюю Ночь успевает навестить и поздравить всех своих друзей в Городе, удивлённо спросил как ему это удаётся. На что Живчик хитро подмигнув, ответил, что у него есть один секрет. Тихоня не сдавался и выпросил рассказать этот секрет. Он оказался гениально прост – Живчик, не имевший личной самоходки, знал наизусть расписание и маршруты почти всех фургонов в огромном Городе и точно рассчитывал своё движение по минутам, чтобы до того как транспорт перестанет ходить, успеть сделать праздничные визиты ко всем, без исключения, друзьям... Самоходку он так и не приобрёл и порой Тихоню мучило любопытство, какой новый секрет по-

могает Живчику быть пунктуальным теперь, когда никаких расписаний давно уже нет...

Как правило, свои уроки Живчик строил по одной схеме – вначале общая разминка, затем групповые упражнения, потом работа в парах, и после этого он уделял внимание лично каждому Ученику, в то время как остальные выполняли какое-нибудь задание. Пока шла разминка и прочее, Тихоня сосредоточенно готовился к Выходу. Он не поменял бы своего решения, но было всё равно страшно оттого, что теперь его прикрывать некому и, обращаясь к Живчику, он наверняка обратит на себя чьё-то, скорее всего неодобрительное, внимание... Закончив индивидуальное занятие с Трубой, которая всё никак не могла извлечь правильный звук, и махнув безнадежно рукой, Живчик подошёл к Тихоне.

– Все продолжают делать то, что делали! – зычно гаркнул Живчик и спокойно воззрился на Тихоню.

Тихоне показалось, что он ничего не успел ещё сделать, как наступила тишина и, не ощутив момент Выхода, он очутился в какой-то очень знакомой обстановке. Тихоня тут же узнал место. Это был тот самый загородный Дом Отдыха Руководителей, где Живчик любил бывать, и куда Тихоня однажды был приглашён в гости. От того приезда у него сохранились самые тёплые и приятные воспоминания. Было хорошо и солнечно, за весь день ни разу не испортилась погода. Они гуляли, разговаривали, рядом в двадцати мину-

тах неспешной ходьбы шуришало кротким прибоем море, а воздух тонко благоухал хвоей, и кругом стояла тихая красота, не нарушаемая человеком лишь потому, что служила ему лекарством от городских забот. Тихоня стоял в общей гостиной на первом этаже. Под ногами шикарно располагался тот же самый, во всю комнату, ковёр с мягким глубоким ворсом. И как тогда захотелось завалиться в него и закрыть глаза. В гостиной никого не было кроме Тихони и Живчика. Он, отвернувшись, смотрел в окно.

– Неплохое всё-таки местечко, а? – сказал Живчик, не оборачиваясь. – Если хочешь, можешь повалиться на ковёр... Я никому не скажу!

Тихоня подошёл к окну и встал рядом с Живчиком. Из-за прозрачных портьер была видна детская игровая площадка на улице. Пустая. Тихоне это напомнило рассказы бабушки о войне и ему стало грустно.

– Да, ты прав, не весело, – отозвался Живчик. – Зато тихо. Можно отдышаться и подумать.

Он повернулся к Тихоне:

– Я рад за тебя. Молодец, что не сдаёшься. И хорошо, что вернулся в Школу. Хотя, быть может, тебе это ничего хорошего и не принесёт...

Тихоня смотрел на него и не мог начать разговор. Он знал, что за Границей люди выглядят иначе, а если и так же, то ведут себя по-другому и говорят не так, как в обычной жизни... Он заметил, что Живчик здесь тоже какой-то другой.

Но какой?.. Вот это было непонятно – Тихоня ничего не чувствовал. Вообще. И ничего не хотел. Кроме, как, действительно, лечь на пушистый ковёр и задремать... Он сильно потёр себе лицо рукой и спросил... наобум:

– А кто-нибудь сейчас за нами наблюдает?..

Живчик удивлённо поднял брови:

– Ты о чём?

– Ну, кто-то в курсе моего теперешнего Выхода? Кто-то из Руководства?

– А!... – Живчик помедлил. – Когда Ученик выходит за Границу это всегда становится известно. Ведь это редко происходит.

– Так ЧТО известно? – допытывался Тихоня. – Факт моего Выхода, или нас примитивно подслушивают?

– Нет, – ответил Живчик. – Думаю, что нет. Но могут и прислушаться... если посчитают нужным.

– И от чего это зависит?

Живчик пожал плечами:

– Зависит от твоих намерений...

– Можно так сделать, чтобы нас не услышали?

Живчик улыбнулся одними глазами:

– Говори.

Тихоня помолчал и спросил:

– Что случилось с Сиреной?

Живчик опустил глаза:

– С кем?

– С Сиреной, – повторил Тихоня.

Живчик не отвечал.

– Вы же, наверняка, знали её, – недоумённо продолжал Тихоня. – Второй филиал Центра Воздействий, Группа №2. Шесть лет назад... то есть, семь... с момента поступления...

Живчик молча взглянул на Тихоню.

– Я учился тогда у неё, – пояснил Тихоня, ища в глазах Живчика отклик. – Мы были в структуре Школы. Вы не могли не знать... Вы ещё приходили во Второй когда шли Экзамены. Я вас там видел...

Живчик молчал. И тут Тихоне расхотелось заваливаться на шикарный ковёр и дремать, расхотелось спрашивать, говорить по душам как «раньше» тоже расхотелось... В голове стало ясно. Ему захотелось одного – немедленно уйти. Он настроился на возвращение, но Живчик остановил его.

– Погоди..., – сказал он, закрыл глаза и через секунду открыл их. – Теперь, не прислушаются.

Живчик отодвинул портьеру и присел на подоконник, скрестив руки на груди. Он внимательно посмотрел на носок своего ботинка и сказал:

– С твоей Сиреной всё хорошо, не волнуйся. Насколько это возможно в её положении. Она по-прежнему работает во Втором. Но не в том, который ТАМ, а в том, что ЗДЕСЬ... И она сейчас... как бы это сказать... немного другая. Понимаешь?

– Нет, – ответил Тихоня.

Живчик с улыбкой поглядел на Тихоню:

– Смешной ты!..

Эту фразу Тихоня не слышал от него уже очень давно. И всегда не мог распознать, что Живчик имел ввиду – то ли, что Тихоня глупец, то ли молодец, потому что говорилось это по-отечески ласково.

– Ну, вы же знаете меня, я немного тугодум, – серьёзно ответил Тихоня. – Раз уж мы говорим, может раскроете какие-нибудь подробности?

– Отчего же, какие-нибудь можно! Начнём с того, что... я надеюсь, ты уже успел заметить, **ЗДЕСЬ** всё не менее осязаемо, чем в так называемой «реальной жизни». Исследованиям пространств находящихся, как говорят, «за Границей», от силы десять-пятнадцать лет. Под этим я подразумеваю серьёзные исследования. Вести же их всё равно что нырять в Океан на глубину – мало кто может, без специальных средств, часто и подолгу, а главное, продуктивно это делать. Сложность, в отличие от воды, в том, что не существует никаких вспомогательных специальных средств позволяющих сколь угодно долго исследовать пространства за Границей. Поэтому только теперь, благодаря элементарной частоте Выходов, появилась возможность, у некоторых из нас, пребывать **ЗДЕСЬ** длительное время. И уж совсем единицы из этих некоторых смогли **ПОКА** не возвращаться... Сирена одна из них. Правда, её подвиг, это подвиг поневоле

– ситуация сложилась таким нехорошим образом, что деваться ей было решительно некуда, всюду её бы нашли и за то, что она делала по головке бы не погладили...

– А что она делала? – спросил Тихоня.

– Кроме истории с тобой?.. Лучшие тебе не знать. Так вот... когда стало ясно, что податься ей некуда, спонтанно возникла идея пересечь Границу полностью.

– Подождите... Вы говорите о физическом Выходе, то есть вместе с телом?

– Да. Конечно, определённый риск был, но... она сделала это и теперь она снова во Втором, только с другой стороны, если так можно выразиться.

– А что означает, что Сирена «немного другая»? – спросил Тихоня.

– Ну... видишь ли... это не совсем ещё понятно..., – Живчик задумчиво почесал лоб и продолжил. – До недавнего времени, мы думали, что когда ты Выходишь обычным способом, как сейчас например, то все, так сказать, «низкие» или более грубые твои составляющие остаются при физическом теле, а ЗДЕСЬ видно как бы только изображение. Знаешь, бывает часто, что сначала видишь портрет человека и у тебя складывается одно представление о нём, а потом видишь этого же человека во плоти, и оказывается, что он выглядит несколько иначе или совсем не так, как на портрете и твоё представление о нём меняется, точнее дополняется какой-то новой, для тебя, составляющей. По-

том этот человек заговаривает с тобой и снова всё меняется – вы общаетесь, а твоё представление опять дополняется и так далее. И если сравнить твоё первое впечатление от портрета и последнее наиболее полное, то это будут зачастую два разных человека. Так вот... Приходится признать, что в действительности всё наоборот – все составляющие лежат по эту сторону, а ТАМ только то, что можно было бы назвать обрывками первичного изображения. Понятно?

– Не слишком, – ответил Тихоня. – А чем Сирена занимается теперь?

Живчик рассмеялся.

– Ну, работы там хватает!

– Не скажете?

– Пока нет...

– И вы «пока нет»... кругом сплошные тайны, – сказал Тихоня, вспомнив, о чём ещё хотел поговорить с Живчиком. – Кстати... тут вот какой вопросик есть...

Он не знал, как начать. Живчику он, конечно, доверял, но... шесть лет ведь прошло! И потом, не стоит забывать где они находятся – до конца неизвестно какой Живчик ЗДЕСЬ... Тихоня помялся немного и выбрал избитый приём из романов, весьма удобный – и говорить можно не совсем напрямую, и в то же время, собеседник хорошо поймёт о чём речь.

– Одному моему другу сделали довольно странное предло-

жение, – начал медленно Тихоня, тщательно подбирая слова. – Если не сказать хуже... Его заманили СЮДА и пригласили создать какой-то триумвират... – Живчик никак не отреагировал на это слово. – Цели свои...приглашающая сторона не

раскрыла, пообещав сделать это после того, как он примет предложение. Ему заявили, что он будет помогать людям и решать значимые вопросы... А также намекнули, что за своё нынешнее, лучшее положение, он некоторым образом обязан... Вопрос такой... Вы знаете о чём идёт речь? Что за триумвират?

– Триумвират? – переспросил невозмутимо Живчик. – Тебе объяснить, что это такое?

– Я знаю, что означает это слово, – резко ответил Тихоня. – Вы можете мне сказать, о чём идёт речь, какие сейчас могут быть триумвираты?

– Во-первых, конкретизируй, пожалуйста, если можешь, о ком ты говоришь... Во-вторых, где происходит дело?

– Хорошо, – ответил Тихоня. Ему были неприятны недомолвки, он всегда любил говорить начистоту. – Предложение было сделано в Школе... Руководителями. Так конкретнее?..

– Более-менее, – спокойно ответил Живчик. – Но я не могу ничем помочь. В Школе десятки штатных, действующих Руководителей. И не знаю сколько постоянно-периодически привлекаемых... Так что, – он улыбнулся, – сам пони-

маешь...

Тихоня внимательно посмотрел на Живчика. «Не проби-
ваемая броня!» – подумал он с уважением. Тихоне не нрави-
лось, что он по-прежнему ничего не чувствовал. И это озна-
чало скорее всего одно – Живчик старательно и умело за-
крывался. А это, в свою очередь, означало, что было что
скрывать. Может, он таким образом оберегал Тихонию от
лишнего, а может и утаивал что-то важное...

– Что ж, – легко сказал Тихоня, – тогда посоветуйте
моему другу... соглашаться ему или нет?

Живчик своим прямым непроницаемым взглядом посмотр-
ел Тихоне в глаза и спокойно ответил:

– Если зовут, надо откликнуться – Руководитель Школы
дурного не предложит. Но пусть твой друг сам решит. –
Живчик подмигнул. – Собственнолично!..

– Спасибо, – задумчиво проговорил Тихоня. Всё встало на
свои места – что-то действительно поменялось и дорогой,
уважаемый Живчик ему не помощник и не советчик. Может
это и к лучшему – можно не разрываться между кем-то
и кем-то. Всегда полезно знать кто на чьей стороне. Хо-
тя ситуация когда есть стороны с условием чтобы ты был
только на одной из них, сама по себе противная природе ве-
щей, была и Тихоне противна до глубины души. Вот что бы
с радостью он поменял, так это чтобы не было вовсе ника-
ких сторон. Или, на худой конец, чтобы была одна...

– Ну, что, отпускаешь меня? – пошутил Живчик.

– Да, да, конечно, – неловко улыбнулся Тихоня и, спохватившись, добавил:

– А на Сирену как то можно выйти?

– Зачем тебе?

– Хотел повидаться, поблагодарить...

– Я передам ей... А ты забудь, что знаешь про неё... – Живчик подумал и добавил. – И старайся думать поменьше... для подстраховки!

– Хорошо. Ещё раз спасибо! – ответил Тихоня и, не успев сосредоточиться на возвращении, снова не уловив точку перехода, оказался в Учебной Комнате.

– Теперь поработай самостоятельно, – громко, покрывая старательный учебный гвалт вокруг, сказал ему Живчик, и перешёл к следующему Ученику.

8

«Его нигде нет!»

«Ты смотрел?»

«Конечно!»

«Как далеко?»

«Насколько смог, ты же знаешь!»

«До дома достаёшь?»

«Нет, не получается!»

«Я сейчас попробую...»

Волк сидел на лавочке в Городском Саду, находившемся в двух коротких улицах от Школы. Он пришёл сюда специально для того, чтобы связаться с Ведьмой. Тихоня очень любит это место и с восторгом рассказывал, что на эти аллеи каким-то чудом не проникает ни душный шум раскалённого Города, ни едкий транспортный дым, ни суета... И он прав. Здесь можно отдыхать. И даже послушать пение птиц. И даже спокойно обдумать что-нибудь. Но самое интересное (говорил Тихоня), хотя и не самое главное, здесь, в Саду, можно мысленно связываться с кем хочешь, не боясь быть подслушанным. А ещё интереснее и удивительнее тот факт (и это уже после открыл сам Волк), что находившегося в Городском Саду невозможно было почувствовать и найти извне, но в то же время, он, находясь внутри, мог по желанию связываться с кем-нибудь мысленно и вызов было ни за что не отследить. Волк потом проверял несколько раз, и не мог постигнуть, за счёт чего получался такой идеальный и разумный экран. В парке не было никаких сооружений или устройств. Ничего. Ничего, кроме деревьев, очень больших и очень старых, травы, кустов, цветов. Неужели простой, ничтожно малый кусочек леса мог создавать такой мощный защитный экран? Волк не мог в это до конца поверить, но, по-видимому, именно так и было...

«Ну, что там?»

«Подожди...»

«Может мне к нему поехать?»

«Подожди!»

«Жду...»

«Есть. Нашла...»

«Где он? Он жив?..»

«Жив, жив... Всё нормально.»

«Да где же он?»

«Похоже... сейчас... ага... вроде в лифте сидит...»

«ГДЕ?!!»

«В лифте»

«Как ты поняла?»

«Идёт слабый, очень слабый сигнал...»

«И что он там делает?»

«Застрял, наверное!»

«А это точно он?»

«Точно. Посылает запрос, но там стенки лифта отражают.

Потом ещё шахта. Она в центре дома, плюс ещё его стены.

Еле-еле слышно... Но это он, успокойся!»

«Ну, СЛАВА БОГУ! А я уже перенервничал тут... Это кто ж его не пускает?»

«Кто-кто, догадайся!»

«Скверно!»

«Да»

«Чего делать будем?»

«Пока ничего... посмотрим»

«Как ты думаешь, мне его ждать?»

«Да нет, он уже сегодня не приедет. Пока выберется, пока

в себя придёт...»

«Хорошо. Еду»

Волк решил посидеть ещё немножко под роскошным, величественным деревом, на скамеечке. В Саду было хорошо, тихо, народу совсем немного и уходить не хотелось. Тихоня всё время зовёт его сюда, говорит, что если медленно, но ритмично ходить по Саду не останавливаясь, всё равно в каком направлении, то обязательно начнут рождаться стихи. Надо будет попробовать как-нибудь! Тихоня твердит, что это «чудотворное место»... Особенно вечером. Может быть... очень может быть! Однажды Волк и Болтун (Тихоня порекомендовал его, когда Волк искал Деятелей для своей Учебной Демонстрации) будут возвращаться с поздней тренировки и опьянённые удачной совместной работой, в отличнейшем настроении, подначивая друг друга, будут рассказывать наперебой и громко вслух, неприличные анекдоты, соревноваться при этом, чей анекдот грязнее. В одурении, они случайно забредут в Городской Сад. И тут произойдёт нечто такое, что ими обоими сперва в полной мере не осознается, а потом с каждым новым приходом в Сад, будет расти и поражать снова и снова... Едва миновав ворота и войдя в первую же аллею, они, замедляя шаг, вдруг остановят разом потоки слов и тихо глядя по сторонам на высокие, древние деревья, словно только что проснувшиеся дети будут бродить без цели, вдыхая свежий аромат листвы, травы и цветов, забыв на какое-то время кто они, как здесь очутились и куда им нуж-

но непременно идти...

Волк глубоко вдохнул, потянулся и, поднявшись, неспеша направился к выходу.

«Ох уж этот Тихоня! Заставил поволноваться! Да! А всё таки, почему он хотел именно в Школе встречаться?! Странно! Завтра пусть изволит всё объяснить... Кстати, надо затащить его сюда! Лучшего места для спокойного разговора не найти!..»

9

Урок начинался, как все предыдущие уроки, с подготовки помещения – приведения в порядок кресла Первого Руководителя, обеспечения его и Шамана чаем, расстановки стульев, проветривания и прочих магических действий. Тихоня был всё ещё под впечатлением встречи с Живчиком и не видя смотрел как из подсобки неторопливо заходит Белый Дракон, сопровождаемый Шаманом. Кто-то толкнул Тихоню вбок, он спохватился и подскочил, догоняя почтительно вставших Учеников. Тихоня, несмотря на то, что был занят своими мыслями, заметил, что Белый Дракон чем-то недоволен. Первый Руководитель на ходу поздоровался со всеми и на секунду задержался у своего кресла, выразительно взглянув на Тихоню. Потом развернувшись, сел, за ним Шаман, следом остальные. У Тихони заломило в груди. Как он не любил такие моменты. Первой реакцией всегда был не то

чтобы страх, нет, Тихоня знал когда он чего-то боится. Это было непонятно что, очень неприятное по ощущению и раздражающее своей внезапностью и неотвязчивостью. «У вас очень нервный мальчик» – говорили детские врачи и Преподаватели в Общеобразовательном Центре. Родители многозначительно кивали и потом пичкали Тихоню витаминами, настойками и растворами, лишь бы не иметь больше неловких разговоров о неуравновешенности сына. Тихоня не считал свою мнительность и некоторую нервозность проявлениями какой-либо болезни. Это, конечно, мешало ему. Но он был уверен, что определённой и целенаправленной работой над собой можно навсегда освободиться от докучных наследственных подарков. И он такую работу вёл уже очень давно, с тех пор, как ещё совсем ребёнком понял, что в первую голову нельзя жалеть себя и не стоит торопиться с выводами и решениями, а лучше выяснить всё наверняка... Однако момент неизвестности всё же был всегда неприятен и всякий раз следовало как можно быстрее его устранить. Тихоня почему-то сразу понял, что Белый Дракон в курсе его встречи с Живчиком. Только неясно было, что он об этом думает и каковы будут последствия. Если учесть ещё, что неизвестно чего вообще можно ожидать от Первого Руководителя...

Белый Дракон отхлебнул из своей большой кружки чая, неспеша закурил и, вкусно затягиваясь, осведомился не будет ли на сегодня каких показов. Получив молчаливый ответ и не обращаясь ни к кому конкретно, он спокойно сообщил,

что меньше чем через месяц ожидается и неизбежно произойдёт первый Экзаменационно-Проверочный Показ Вышшему Руководству Школы «наших первых достижений»... А посему он призывает Учеников Группы быть поактивнее, взбудоражить свои талантливые головы на предмет поиска новых интересных идей и, что не менее важно, успешной реализации этих идей. Новичков он успокоил возможностью освобождения от Экзамена, НО... не посоветовал ею воспользоваться и вместе с тем проинформировал, что участие в нём не просто зачтётся, а, более того, индивидуально отметится Руководством! И лично он, Белый Дракон, не упустил бы такого случая для того, чтобы потренироваться, что называется «в бою», кроме того, оказавшись за смелость на хорошем счету... После этого он ещё раз поинтересовался не надумал ли кто-нибудь из Учеников что-то показать и вторично услышав в ответ молчание, недовольно хмыкнул, затушил окурок и тоном человека, который давно уже предупреждал, но по доброте не решался, а теперь вынужден, сказал, что сегодня займётся Индивидуально-Публичной Работой. Все зашевелились и сдержанно закряхтели. Тихоня, как и другие новенькие не зная ещё о чём идёт речь, с любопытством крутил головой. Впоследствии, слова «Индивидуально-Публичная Работа» вызывали у него такую же бесконтрольную биологическую реакцию максимального внимания в стул, сокращения мышц, першения в горле, опускания головы и сильнейшего желания на пару минут стать

невидимым...

Белый Дракон, слегка поворачиваясь в кресле, с прищуром оглядывал Учеников, очевидно выбирая кого-то. Затем остановил свой взгляд на Тихоне и предложил ему выйти в центр Учебной Комнаты. Тихоня с радостью выполнил просьбу Первого Руководителя – теперь хотя бы чем-то будешь занят и не надо тратить нервы на гадания.

Выйдя и встретившись глазами с Белым Драконом, Тихоня понял, что был вызван не случайно и сейчас предстоит незапланированный Выход, незапланированный разговор и успел только напомнить себе, что ни в коем случае не стоит...

В лицо резко подул ветер. С такой силой, что глаза рефлекторно сами закрылись и Тихоня подался назад, задыхнувшись упругим потоком. Он отвернулся и выдохнул, едва не налетев на... стол. Круглый и белый. Остановившись, Тихоня увидал, что находится на открытой дощатой веранде. За столом сидел Белый Дракон и улыбаясь, что-то потягивал из позолоченной чашки.

– Осторожно, – ласково сказал он. – Ты чуть не свернул меня вместе со столом.

Тихоня выпрямился и огляделся. Он стоял на большой деревянной веранде загородного дома, ступеньками перетекавшей в красивую ярко-зелёную лужайку. За лужайкой виднелся пруд с каменистым бережком, дальше цветочные грядки,

и ещё дальше непроницаемая шеренга высоких деревьев каплевидной формы, с листвою от земли до верхушек. Живой забор опоясывал всё видимое пространство участка от одной стороны дома до другой. За деревьями было уже ничего не разглядеть, кроме ясного неба с полыхающим закатом. Пахло горячими остывающими досками, цветами и чайными сладостями, вперемежку с табачным дымом. Это Белый Дракон закурил роскошную инкрустированную трубку, откинувшись в плетёном кресле.

– Садись, в ногах правды нет, – щедро предложил Белый Дракон. Он был облачён в светло-серый из лёгкой, тонкой ткани костюм, серые сандалии, и летнюю шляпу. Из-за растёгнутого пиджака выглядывала также серая, в крупную дырочку, рубашка...

Напротив Белого Дракона, через стол, стояло второе такое же кресло. Тихоня сел.

– Чайку? – предложил хозяин, указав на пустую чашку. Тихоня помотал головой. Хотя, если честно, не отказался бы от аппетитных, хаотично расставленных по всему столу в маленьких блюдечках, незнакомых на вид лакомств.

– Ну, смотри! Ежели надумаешь, угощайся!

Белый Дракон несколько раз сильно затянулся своей трубкой и запрокинув голову, весело выпустил столб ароматного дыма.

– Как настроение? – беззаботно спросил он.

– Нормально, – кивнул головой Тихоня.

– Ты подумал насчёт моего предложения?

– Подумал.

– Каков будет твой крайний ответ? – спросил он и снова начал ритмично затягиваться. Тихоня любовался разноцветными, причудливых форм, сладостями на столе. «Какая красота!» – подумал он.

– Да, я согласен, – громко сказал Тихоня. Белый Дракон выпустил вверх ещё более густой, длинный столб дыма и удовлетворённо крякнул.

– Вот, получилось! Посмотри! – он указал пальцем с перстнем наверх. Тихоня поднял глаза и увидел, как цилиндр дыма, не распадаясь, раздался в ширь и словно по невидимому каркасу, растёкся в форму большого толстого кольца. Затем кольцо из белого стало чёрным и поплыло через резные перила веранды в сторону пруда.

– О! Наконец-то! – воскликнул довольно Белый Дракон. – Видишь? Во всём важна тренировка и упорство, упорство и тренировка. И всё получится!..

Тихоня вежливо улыбнулся. Белый Дракон налил себе ещё чаю из большого белого с позолотой чайника, отложил трубку и внимательно посмотрел на Тихоню:

– Я слышал, что ты виделся с нашим преподавателем Живчиком?

Тихоня, на секунду оторвавшись от разглядывания стола, поднял голову:

– Да.

Белый Дракон, сложив руки как Ученик за партой, продолжал внимательно смотреть на Тихоню:

– О чём, если не секрет, шла речь?

Тихоня улыбнулся:

– Мы давно знакомы и давно не встречались.

– Я знаю, – сказал Белый Дракон. – Но почему ты вышел за Границу? Отчего бы не поговорить обычным способом?

Тихоня сдержал улыбку:

– Обычным способом мне его не поймать – вы же знаете, как он занят.

– Да, да... – задумчиво пробормотал Белый Дракон. Он помолчал, размышляя, и, наконец, как будто решившись спросил:

– А как давно ты с ним знаком?

Тихоня взял в руки чашку и стал внимательно её разглядывать:

– Лет восемь.

– Он интересный человек, не так ли?

Тихоня потрогал золотую полоску, нанесённую по верхнему краю чашки. Она была совершенно гладкая и зеркальная, так что хотелось гладить её непрерывно.

– Да, – тихо ответил Тихоня.

– И очень хороший Преподаватель! – делая акцент на последнем слове, сказал Белый Дракон. Тихоня промолчал. Как хорошо нанесена позолота, и какой замечательный мате-

риал чашки – ни единой зазубринки... Интересно, из чего она сделана?

– А ты знаешь, что он... немного другой, чем все? Чем все остальные мужчины...

Тихоня оторвался от чашки:

– В каком смысле?

Белый Дракон удовлетворённо улыбнулся и одной рукой стал поглаживать бороду:

– В таком... Не буду ходить вокруг да около – ты знаешь, что он предпочитает мужчин... точнее, мальчиков?

– Ну и что? – спросил Тихоня, пытаясь снова сосредоточиться на глянцевой позолоте чашки.

– А то, – серьёзно ответил Белый Дракон, – что в Школе он оказался потому что слишком любил... мальчиков! Он мог потерять всё в жизни, настолько не мог совладать со своей страстью... Мы его вытащили из под удара, спасли можно сказать, спрятали в Школе. Он нам обязан... и хорошо понимает это! А на что способен человек, который обязан?..

– На что? – Тихоня пригляделся к своему золотому отражению.

– На всё! – Белый Дракон подался вперёд. – Он может предать, оговорить, подчиниться, выполнить любую работу и так далее... Он ОБЯЗАН! Понял?

– Для чего вы мне всё это говорите? – спросил Тихоня.

– Я говорю тебе это для того, чтобы ты знал кому мож-

но доверять..., а кому может и не следует...

– Я вас хорошо понял, – спокойно ответил Тихоня и поставил чашку на стол.

– Ну, что? Чаю-то попьёшь? Чего чашку просто так вернуть? – Белый Дракон снова добродушно улыбался.

– Нет, спасибо, – ответил Тихоня. – Вы обещали мне рассказать подробности вашего предложения.

– Подробности, – повторил Белый Дракон. – Что ж, изволь...

Он опёрся о спинку кресла и закинул ногу на ногу:

– Во-первых – положение вещей в Школе таково, что ею управляют люди, прямо скажем, недобрые. И следствием их работы станет неминуемая гибель всего дела, то есть, и Школы и методов преподавания и, в конечном итоге, Центра Воздействий... Результатом явится полный распад одной из самых успешных структур, безработица для многих. Деятелей ждёт постоянная прописка в дома умалишённых, оставшийся народ постигнет упадок культуры, ибо Словесность одна не сможет поднимать воспитательную работу среди населения. Центр Сохранения со своими Начертателями, Тесовщиками, поющими поэтами и сдвинутыми сочинителями-музыкантами, бессилён. Он и с самого начала был таким, и теперь ничего не может. Ни Начертатели, ни Тесовщики не нужны простым людям, которые ничего не понимают в том, что те делают. Центр Сохранения со всеми своими «богатствами» интересен лишь крайне немно-

гочисленной прослойке общества, ненавидимой, кстати, за снобизм и высокомерие... Мне небезразлична судьба Школы, Города и Страны в целом. Поэтому своей задачей или, извини за высокопарность, миссией, я считаю спасение Школы и Центра Воздействий. Это во-первых. Во-вторых – мне не нравится и, более того, я считаю преступным нынешнее преподавание в Школе. И не вообще преподавание, а конкретные методы отдельных Руководителей, направленные на деградацию профессий Деятеля и Созидателя, последняя мне особенно близка, поскольку я занимаюсь Созидателями уже много лет. Если ты читал Касиса, то должен понимать о чём я говорю. Ни один из действующих Руководителей, включая к сожалению и меня, не является настоящим преемником Касиса в деле воспитания Деятеля или Созидателя...

– Но ведь он писал, что выучить на Деятеля невозможно, а про Созидателей вообще не упоминал, – вставил Тихоня.

– Совершенно верно, – согласился Белый Дракон. – про Созидателей впрямую не говорил – профессия, как таковая, появилась позже. Но о Деятелях ты не понял или невнимательно прочёл. Он сказал, что выучить нельзя, а ВОСПИТАТЬ можно и нужно. И это единственная задача Руководителя! И вот эту задачу я и намереваюсь вернуть на её исконное место.

Белый Дракон замолчал, глядя на Тихоню.

– А зачем вам во всём этом я? – спросил Тихоня.

– Не понимаешь? – усмехнулся Белый Дракон.

– Нет, – ответил Тихоня. Теперь не нужно было концентрироваться на чашке, разговор выходил в иную для Тихони плоскость, ещё не заселённую мыслями.

– Мне нужен человек, как я уже тебе и говорил, способный работать за Границей. Эффективно работать. Меня одного, даже при помощи Шамана, на всё не хватит. Кого-то другого из Руководителей я привлечь не могу потому что никому другому не доверяю. А ты человек молодой, не испорченный, не замешанный в Школьной работе, но уже побывавший в Школе и знающий... что к чему. Ясно?

– Не совсем... Что конкретно я должен...могу сделать?

– Вот для того чтобы ответить на твой вопрос, мы соберёмся, разработаем план и распределим роли... Согласен?

Тихоня почувствовал, что начинает уставать и кивнул.

– Ну, вот и хорошо! – Белый Дракон улыбнулся, придвинулся поближе к столу и принялся выбивать свою погасившую трубку.

– Зря не попил чаю, – сказал он, сосредоточенно выскрёбывая огарки.

– Можно ещё спросить? – Тихоне очень захотелось узнать.

– Да?

– Какова цель создания Группы?

Белый Дракон поднял голову:

– А что?

– Да ничего... просто господин Шаман мне сказал, что ваше основное требование, чтобы человек мог Воздействовать за Дальними Пределами.

Белый Дракон на мгновение задумался, но тут же легко ответил:

– Не бери в голову. Это всё ерунда – официальная версия, не более того. Группа – прикрытие, – он улыбнулся. – Нельзя же идти напролом...

– А что будет с остальными?

– Насчёт остальных не беспокойся. Они получают свои дипломы и довольные разойдутся по домам.

Белый Дракон набил нового табака в трубку, раскурил её и сказал:

– Вопросы?

– Вопросов нет, – ответил Тихоня и встал.

– Тогда до встречи, – Белый Дракон затянулся и выпустил облако дыма. Облако стало быстро расти, шириться и через несколько секунд поглотило всё вокруг. Тихоня не любил когда дым, пусть даже ароматный, попадает в глаза, и зажмурился.

Взрыв громового хохота оглушил его. От неожиданности Тихоня открыл глаза и увидел, что вернулся в Учебную Комнату. Перед ним происходило нечто невообразимое – вся Группа в полном составе и без исключения умирала от смеха, корчилась и валилась со стульев, а кто-то уже лежал под

своим стулом согнувшись. На переднем плане скромно хихикал Шаман и с неизменной сигаретой в руке, улыбался Белый Дракон.

– Вот, – сказал он, успокаивая своим негромким, но внушительным голосом общую истерику, – вот такая энергетика мне нравится! Это уже кое-что! Молодец! Я и не предполагал, что ты способен на такой мощный выплеск! Да... неожиданно! Ну, садись, отдыхай!

Тихоня, смущённо улыбаясь, прошёл на своё место, ловя на ходу одобряющие похлопывания товарищей.

– Что ж, – сказал Белый Дракон, – теперь я расскажу вам одну поучительную историю...

10

Ночью Волку стало плохо. И в этом для него не было бы ничего удивительного. Они с Ведьмой много экспериментировали – изучали свойства человеческого организма, взаимосвязи функций органов с психическими процессами, зависимости модели мышления от состояния здоровья и наоборот. Он часто испытывал боль и выработал что-то вроде привычки, профессионального терпения к издержкам любимого дела. Волк ничем не болел. Он вообще не верил в существование болезней, считая, что, на самом деле, организм изначально и всегда здоров, а то что называют той или иной болезнью всего лишь нарушение баланса вслед-

ствие определённых причин, выявление и устранение которых чрезвычайно интересно, не так сложно как кажется, а главное, никак не связано с таблетками. Лечебная практика жены каждый день подтверждала это и укрепляла его убеждение. И все так называемые чудесные исцеления, о которых он слышал, читал или наблюдал лично, являлись ни больше ни меньше, следствием изменения мышления человека. Он верил, что правильным и точно направленным мыслительным процессом можно вылечить, а точнее убрать любой дисбаланс. И он искал подходящие способы, придумывал сам, пробовал снова и снова. Иногда получалось. Однако в этот раз появилось что-то новое, хотя и для своего проявления использовало старые, но от этого не менее эффективные, ощущения. Волк был застигнут ими врасплох. Заснул он вечером хорошо, даже отлично – спокойно и быстро. А потом мощная волна первобытного страха внезапно вынесла его из сна, выдернула с мясом, вырвала из равновесия и расслабленности отдыха, выкинула из постели в полумрак ночной комнаты, обнажённого и дрожащего, незащищённого, сперва не принятого реальностью, точно привередливой барышней, которая насладившись видом беспомощности, снисходительно принимает навязчивого и бесперспективного поклонника... Поняв кто он и где находится, Волк оделся и пошёл на кухню выпить воды. Страх уменьшился, но не проходил, всё плыло перед глазами. Волк один за другим пробовал применить наработанные приёмы, но ничего

не помогало. Он никак не мог сосредоточиться и оценить происходящее. Мир вокруг сузился настолько, что выталкивал его из себя, в нём больше не было места для одного единственного существа. В какой-то момент Волку показалось, что ему не справиться и он сел писать завещание. Голова кружилась, сильно тошнило, он боялся грохнуться в обморок и всё оглядывался в поисках куда бы упасть поудачнее... Кончилось тем, что написав какую-то ерунду, Волк немного успокоился и начал просматривать ситуацию. Выходила полная чепуха и ему ничего не осталось, как разбудить жену и просить помощи. Накануне, когда он вернулся с несостоявшейся встречи с Тихоней, Ведьма посоветовала не будоражить пространство и не обсуждать эту тему. Но теперь она бесцеремонно вернулась сама и Ведьма, пошевелив указательным пальцем правой руки (как она всегда делала, когда просматривала человека или ситуацию), быстро поняла что к чему...

– Это он, – сказала Ведьма своим высоким, слабым голосом.

– Белый Дракон? – уточнил Волк.

– Да.

Волк снова занервничал:

– И чего он хочет?

– Он тебя боится...

– Меня?! – удивился Волк.

– Да. А через тебя и меня тоже...

– И чего нас бояться? – усмехнулся Волк.

– Он боится, что мы нарушим его планы.

– Каким же образом мы это можем сделать?!

– Тихоня тебя слушает больше чем его. Он боится, что ты его перетянешь. Вот он тебя и топит... пытается.

Волк нахмурился и стал барабанить пальцами по столу.

– Что нам делать?

– Ничего.

– Как?!!

– Вот так. Признай его первенство. Подумай о том, что он Первый Руководитель и ты это признаёшь. И согласен быть под ним. Что ты его Ученик. Ты пришёл учиться у него... И больше тебе ничего не надо.

– А Тихоня? – спросил Волк.

– Тихоня всех защищает, всю Группу. Включая тебя. Бельй

Дракон уверен, что назначив Тихоню Предводителем, вытягивает самым удобным для него способом, то есть через Тихоню, энергию со всей Группы. Он правильно рассудил – чем сосать из всех сразу, это же тяжело, легче брать с одного, настроив его на приём со всех... Но он не знает до конца кто такой Тихоня. Он не понимает его. Лишь использует. И в этом его ошибка... Прошло?

Волк помотал головой:

– Не совсем.

– Сейчас я его подвину... Подожди немножко.

Волк закрыл глаза и почувствовал, что равновесие мало помалу стало восстанавливаться. Мир снова расступился, выделив для него ещё на время небольшое местечко...

– Ну как, полегчало? – спросила Ведьма.

– Угу, – откликнулся Волк не открывая глаз. – Спасибо.

Ведьма погладила мужа по голове и сказала:

– Притормози общение с Тихоней. Теперь Я буду держать его и приглядывать... издали. А ты смотри, чтобы он голову не потерял, не заносился слишком. Подумает про себя невесть что, потом не вытащим его...

Волк посмотрел на жену:

– Какая ты умница! И как мне чертовски повезло! Вот только не пойму, за что мне такое счастье?

Ведьма рассмеялась:

– Погоди, всё ещё впереди!

Наутро Волк связался с Тихоней, по-возможности нейтрально осведомился о его самочувствии, спросил отчего он вчера не приехал на тренировку и сказал, что сегодняшняя отменяется так как он плохо спал ночью и неважно себя чувствует. Тихоня, как показалось, хорошо его понял и ответил, что тоже не горит желанием работать и ему тоже нужно прийти в себя после вчерашнего трёхчасового сидения в крошечной тьме лифта. Пожелав друг другу всего хорошего, они распрощались.

С момента последней встречи с Белым Драконом, Тихоня каждый день ждал от него какого-нибудь сигнала, но тот вёл себя как Первый Руководитель и усиленно занимался с Учениками, по его собственному выражению, «вживанием в профессию Созидателя» – множество заданий, Индивидуально-Публичная Работа (ИПР), многочасовые утомительные разборы редких ученических показов и бесконечные рассказы о великих Деятелях и Созидателях. Тихоня стеснялся и не решался спросить у кого-либо из Учеников, что делал, когда Белый Дракон вызвал его одного перед всеми, но, по обрывочным репликам одноклассников, понял, что творил нечто нахально-вызывающее и превратился не то в кухонный молоток, не то в полицейскую дубинку и вроде кого-то самозабвенно мутузил... Что именно вызвало такую бурную зрительскую реакцию осталось неизвестно и, наблюдая, как Первый Руководитель мучает очередного Ученика на ИПР, Тихоня радовался, что чудесным образом избег неизменного позора и унижения сопровождавшего этот вид занятий, а напротив испытал что-то вроде успеха, не выпадавшего пока что ни на чью долю.

Примерно через месяц после тихониного поступления, накануне Первого Экзаменационного Показа, на заранее объявленный последний дополнительный призыв, явились

целых три человека, в полном составе зачисленные в Группу, после чего она была окончательно сформирована. Вновьприбывшими были – толстяк и добрый увалень Бон, худенькая Свирель и флегматичный, с внешностью и комплекцией подростка, Жгут. Их приняли ещё быстрее, чем Тихоню, за один день, точнее вечер, чтобы не терять зря времени прямо на рядовом Учебном Занятии. Всё происходило по тому же сценарию – Соискатель выходил на середину Учебной Комнаты, показывал свои умения, подробно расспрашивался о происхождении, предыдущей биографии и так далее и тому подобное. Затем – Группа всё-таки Созидательская – каждый получил индивидуальные задания и ушёл думать. Во время думательного перерыва, к Тихоне вдруг подошёл толстяк Бон и попросил помочь в своей работе. Тихоня сразу же согласилась, тем более, что Белый Дракон предложил всем, в случае необходимости, помочь поступающим. Бон вкратце обрисовал Тихоне суть своего показа и, договорившись, они вдвоём стали ждать очереди для Демонстрации. Сюжет, который почему-то выбрал Бон, не нравился Тихоне. По ходу действия им надлежало принять обличье напившихся людей. В детстве Тихоня часто любил забавлять сверстников превращением в пьяного человека, причём весьма поднаторел в реалистичности показа, вызывая бурю восторга у зрителей. Но однажды его сильно напугал по-настоящему нетрезвый взрослый. Это был здоровенный детина, находившийся на грани отключки и пребывавший в совершенно неосознаваемом им

самим состоянии, а потому способный на всё. Что Тихоня вполне прочувствовал и чего больше всего испугался. Детина, распознав в незнакомом ребёнке какого-то своего врага, вдруг с животным рёвом набросился на него. Тихоня побежал. Детина погнался за ним. И если бы не подоспевшая бабушка, храбро отогнавшая одурманенного гуляку тяжёлой хозяйственной сумкой, то неизвестно чем бы завершилась погоня. После этого случая Тихоня перестал превращаться в пьяного и наотрез отказывался «показать весёленького человека». К пьяным он испытывал смешанное чувство физической боли, тошноты и сострадания. Может сказывалась каким-то образом наследственность – один из дедов умер от алкоголизма, может тот детский испуг, а может и дурной подростковый «опыт», когда он два раза по глупости напибался до смертной черты, едва приходя после в чувство... Ему было интересно почему Бон избрал именно эту тему? Может для него это важно? Ожидая очереди показа Тихоня незаметно вовлёл себя в размышления об этом и в ответ на эти размышления вдруг пришло знакомое слово, то самое с которого некогда возможно всё и началось. Слово, определившее Намеренье. Слово направившее Действие...

«Смотрящий!», – подумал Тихоня и где-то в груди почувствовал открывшийся шлюз и хлынувший поток тепла и света...

Когда они ввалились из подсобки в Учебную Комнату, Тихоня начав подыгрывать партнёру, сосредоточился на Выхо-

де и посмотрел Бону в глаза...

Выход, к счастью, произошёл как всегда, без эффектов, в отличие от последней встречи с Белым Драконом. Он стоял у детской песочницы. На её деревянном бортике, ногами внутрь, сидел Бон и склонив голову... рыдал, громко всхлипывая. Тихоня посмотрел вокруг. Они, судя по всему, находились на территории одного из многочисленных Районных Центров Детского Воспитания, которые все, без исключения, строились по единому принципу – небольшой квадрат, огороженный железным забором земли, в середине такой же поменьше двухэтажный квадрат корпуса здания. По четырём сторонам, на узкой полоске между стеной и забором, четыре площадки для игр, с деревянной горкой и песочницей в каждой, несколько деревьев и всё. Иногда на территории какого-нибудь Центра, рядом с деревьями вздумывали самостоятельно и неконтролируемо расти кусты – единственное разнообразие допускавшееся против Правил.

На территории было пусто. За ржавым забором, по всему периметру виднелись, стоящие плотным строем, серые пятиэтажки со слепыми окнами.

«Картина не из приятных!» – подумал Тихоня. – «Да уж, это тебе не Дом Отдыха Руководителей! Хотя, там тоже было как-то невесело...»

Это был не первый Выход, и Тихоня хорошо знал, что в данном случае антураж не важен и не стоит обращать

на него особое внимание. «Однако интересно было бы заглянуть в тот Второй филиал, где сейчас Сирена... – подумал Тихоня. – Как он выглядит? И что она там делает?.. Она же там, должно быть, не одна?..»

Он шагнул в песочницу и сел на бортик напротив Бона.

– Что случилось? – спросил как можно непринуждённое Тихоня. Бон поднял голову.

– Чего надо? – спросил он недружесливо. Тихоня растерялся. Ему показалось, что Бон не узнал его.

– Просто я хотел...

– Просто вали отсюда, – резко оборвал Бон.

– Да это же я, Тихоня!

– Я знаю кто ты, – с досадой огрызнулся Бон. – Подумаешь! Какие мы важные! Что я своего Куратора не узнаю?

– Куратора? – удивлённо переспросил Тихоня.

– Да, Куратора, – передразнил его Бон. – Ты ещё издеваешься надо мной?

– Нет, – честно ответил Тихоня и пристально посмотрел на Бона. Ему вдруг показалось, что это совсем не Бон и, что он раньше уже где-то видел это лицо... гораздо раньше. Так давно, что не могло быть правдой, но в то же время так правдиво, что не позволяло усомниться в этом. Да-да, точно, он узнаёт его! **ЗДЕСЬ** Бон более худой, именно такой, каким его почему-то помнил Тихоня. Определённо они знают друг друга... Но откуда? Как? Тихоня не мог припомнить...

– Ну что, вспомнил? – насмешливо спросил Бон, вытирая

рукавом лицо.

– Не совсем... – проговорил Тихоня.

– Конечно, – язвительно сказал Бон. – Как обещать, так мы все лихие да быстрые... А как выполнять свои обещания – нас нет и мы «не совсем» помним! Хорошо устроились!

– Подожди, Бон, – примирительно сказал Тихоня. – Я правда, не помню... Может ты мне поможешь?

– Смешно, – проворчал Бон, отвернувшись, – вообще-то это ТЫ мне собирался помочь... «поможешь»!

Он резко повернулся к Тихоне.

– В тот раз ты сказал, что не допустишь, чтобы всё повторилось! И где ты был когда принималось решение? Мне нужна была твоя помощь! Я так надеялся, ждал! У меня совсем не было сил, совсем, понимаешь? Я не мог сопротивляться, она такая сильная... меня словно засосало... я ничего не мог поделать!!! До последнего ждал... И вот, СПАСИБО тебе большое – всё снова повторилось!

– Я ничего не понимаю, можешь ты толком объяснить? – недоумённо спросил Тихоня. – Что за «тот раз»? Кто «она»? Куда тебя «засосало»?..

Бон старательно разглядывал ногти на руке:

– Да что говорить? Всё равно сейчас уже ничего не изменишь!

– Хорошо! Тогда просто расскажи мне... пожалуйста... Ведь не зря же мы с тобой ЗДЕСЬ встретились. Я же почувствовал... и пришёл.

Бон перестал разглядывать свои ногти и вздохнул.

– Грустная картина, – сказал он, мотнув головой в сторону. – И веселей у меня не получается.

– А что это? – спросил Тихоня.

– Да детский мой Центр... – усмехнулся Бон. – Колыбель!.. Каждый раз, когда возвращаюсь сюда, вот такая ерунда выходит. Каждый раз одно и то же. Сейчас хотя бы дождя нет и то хорошо. А то он противный такой... Сухой какой-то! Представляешь, сухой дождь!

– Тебе не надо возвращаться сюда, – сказал Тихоня. – Я тоже однажды попробовал вернуться в то место, где мне было хорошо...

Тихоня замолчал, вспоминая.

– И что? – спросил Бон.

– Да вот, знаешь ли, точно так же всё выглядело, как сейчас... Серо, уныло, строения были разрушены, безлюдье, пыльная южная растительность куда-то исчезла и даже моря не было слышно... И шёл сухой дождь!..

– Ну? И что ты сделал?

– Ничего. Убрался поскорей. А перед этим понял одну важную вещь. Никогда не возвращайся! Не возвращайся в прежние места... А теперь могу сказать ещё и к бывшим жёнищинам. Ты знаешь, кто такой Угрюм?

– Да, конечно...

– Ну, так вот. Он мало того, что вернулся на старое место, так ещё и к бывшей жене. И тут же умер!.. Нельзя воз-

вращаться. Путь назад всегда смертелен... во всяком случае, в то прошлое, которое ты помнишь. В нём нет воздуха, оно не пригодно для жизни. И даже когда ты возвращаешься к тем же людям, ты их не находишь, они также ушли оттуда, у них своя жизнь и своя дорога, они в других, своих, точках пространства. И нельзя пытаться возвращать их. Преступно. Если ты нарушаешь Гармонию, то несёшь и ответственность за её восстановление. Самим собой!

Они помолчали.

– А ты знаешь, – улыбнулся Бон. – В той жизни как-то поинтереснее было, а?

Тихоня опустил голову.

– Нет, правда, – горячо продолжал Бон. – Сейчас... ТАМ... всё намного проще, более плоско. И нет того разнообразия. Взять хотя бы машины. Помнишь, у меня был такой длинный универсал? Забыл как назывался... То есть не у меня, конечно, а у отца... Вот это была машина... Не то, что эти самоходки вонючие... уродины страшные!.. А моя... просто красавица – элегантная, удобная... прелесть! Да и не только машины... Вообще... – Бон смик. – Как-то веселее было, что ли...

Тихоня не мог вспомнить красавицу машину и ему было неловко перед Боном.

– Слушай, Бон... Ты прости меня, пожалуйста, я не... в общем... расскажи как дело было...

Бон уже успокоился и подобрав какую-то палочку, стал

тыкать ею в песок, вздымая фонтанчики и внимательно разглядывая свою работу.

– Смотри, и песок здесь, как пыль..., – промолвил он, – мелкий и сухой.

Он помолчал и раздумчиво продолжил:

– А может это я? Может дело во мне?.. У меня такое чувство, что я иссушился внутри настолько, что не могу ничего живого создать. Мне иногда кажется, что и моя жизнь ТАМ такая же сухая и... мёртвая! И мне плохо от этого осознания... страшно! А ведь мне сейчас ТАМ всего лишь семнадцать лет! Смешно, правда?

– Что?

– Сопляку всего семнадцать, а он уже стонет о неудавшейся жизни!..

– Да нет, не смешно, – серьёзно ответил Тихоня. – Главное почувствовать нарушение баланса и чем раньше, тем лучше – больше времени останется на восстановление.

– Ты говоришь глупости, – возразил Бон. – Маленькие дети ясно видят эти нарушения, они чувствуют их и что с того?

– Почему глупости? – спокойно сказал Тихоня. – Дети как могут восстанавливают Гармонию – взрослые, глядя на них и общаясь с ними, становятся лучше, добрее, спокойнее в Душе, они радуются и очищаются через детей...

– Ну да! – хмыкнул Бон. – А потом, испортив их, выпускают во «взрослую» жизнь! А те, к тому моменту, уже за-

бывают СВОЮ Гармонию и так же ничего не чувствуют!..

– Не совсем так, – терпеливо ответил Тихоня. – У взрослого человека задача использовать очищение по назначению, то есть продолжать развитие уже осознанно...

– Конечно, – перебил Бон. – Только под развитием каждый понимает своё. Если вообще понимает что это такое! Одна моя знакомая, уверенно считала, что развитие это периодически менять машину на более комфортную! Вот так!

– Так ты расскажешь мне? – спросил Тихоня. Бон опять замолчал и, не глядя на Тихоню, промолвил:

– Я честно говоря, не хотел к этому возвращаться... Но оно никуда не уходит, оно всё время со мной! Так что...

Бон перестал тыкать палкой в песок и начал чертить на нём полосы и кружочки.

– В общем... Когда закончился Отдых, меня призвали. Показали варианты, предложили выбирать... ну, ты знаешь. А я, дурак, всё торопился, хотел поскорее прийти! Ведь знал же, что разрешается выбирать и первый и второй заход, столько раз сколько тебе потребуется! Но нет, мне надо было срочно и самому. В тот момент мне было важно именно САМОМУ! И что получилось? Ну, выбрал я наконец две семьи с похожими для меня Задачами. Приблизился, стал внимательнее смотреть. И вижу, через первую мне и Слава и Деньги и Почитание светят... И вот тут-то нужен был кто-то, кто меня остановил бы! Нужен был ты! Ты задал

бы мне простой вопрос – А какова будет плата? И всё! Один вопрос! И я точно остановился бы и посмотрел дальше... Потому что когда я повёлся на конфетку, появилась она... и потащила меня вниз. И в этот момент было ещё не поздно, ты смог бы меня вытащить назад, ты сильный и я тебе всегда доверялся. Ты же мой Куратор! Ты смог бы... – голос у Бона задрожал и чтобы снова не расплакаться, он сломал палку об колено и с силой выбросил обломки далеко в сторону. – Вот когда ты был нужен мне... Когда она тащила меня, а я уже видел, что всё повторится – и она и отец и его уход и бабка эта... вампириша, и на самом деле, ни Славы, ни Почёта, ни Денег не будет потому что это обман! Они не дадут! Они, прикрываясь заботой обо мне и любовью, всё из меня высосут, все жизненные соки, все чувства, все мои наработки за столько жизней! Самое противное, что я даже ТАМ всё это вижу и чувствую нестерпимо... А что делать не знаю. Как исправлять? Пробовал возвращаться... А каждый раз, когда попадаю сюда, единственное место, где мне было хорошо потому что я не думал ни о чём, каждый раз получается... вот эта вот серятина... без жизни и смысла!.. – Бон набрал в ладони песку и стал наблюдать как он медленно, тонкой струйкой стекает обратно в песочницу. – Тебя вот тоже искал... всё спросить хотел... – Бон разнял руки, остатки песка облаком пыли осыпались вниз, и прямо посмотрел на Тихоню. – Почему ты не появился? Ты же обещал! Ты обещал быть рядом в трудные минуты...

Тихоня слушал рассказ Бона и словно читал знакомую, но забытую книгу, страница за страницей, припоминая слова и фразы, образы и события.

– Но Бон, дорогой, я не мог... мне было всего восемь лет. Я не умел ещё Выходить, я был обычным и ничего не помнил.

– Но почему ты спустился раньше? Почему оставил меня?

– Видишь ли... – медленно проговорил Тихоня, удивляясь тому, что мог забыть настолько живые и чёткие моменты своего существования. – Меня тоже призвали... срочно. Сказали, что двое могут погибнуть – мужчина с вероятностью 98%, а женщина с вероятностью, примерно, 70. Сказали, что не нашли никого, кто мог бы им помочь. У меня не было выбора. Я спросил про тебя и мне ответили, что ты достаточно мудр чтобы быть самостоятельным и достаточно взросл чтобы обходиться без Куратора... Всё произошло так быстро, что я даже не успел с тобой связаться, меня перебросили мгновенно... Прости!

– погоди!.. Значит, они считают, что я уже большой? – задумчиво улыбнулся Бон.

– Иначе вместо меня прислали бы кого-нибудь другого, – сказал Тихоня.

– Так выходит, что я всё правильно сделал? – расплылся Бон.

– Выходит, – подтвердил Тихоня.

– Ух ты! – взъерошил волосы Бон. – Интересно! А зачем

тогда всё повторилось?

– Подумай.

Бон смешно сдвинул брови:

– Ну, да... конечно... чего-то я не доделал! Это же ясно, как день!..

Он покачал головой.

– Ты знаешь, я так зациклился на твоей вине, что не мог трезво оценивать ситуацию. А ведь ответ очевиден!.. Подумать только, и таким дуракам, как я ещё дают свободу!.. – Он усмехнулся. – По-моему, к нам уж слишком терпимы и добры! Как считаешь?

– Да, – согласился Тихоня. – Иногда я тоже так думаю!

– Спасибо тебе, – сказал Бон, отряхивая руки и поднимаясь. – Ты настоящий Куратор! Ты Мастер!

– И тебе спасибо, – улыбнулся Тихоня, – ты тоже ко мне слишком добр, только Мастером раньше времени не называй, плохая примета, вдруг не сбудется!

Бон расхохотался и махнул рукой.

– Ладно, ладно. Иди сюда, обнимемся.

Тихоня встал и подошёл к Бону. Худой толстяк Бон стиснул его в объятьях, он был весел, как раньше. Как всегда. Тихоня откуда-то это хорошо помнил. Они пожали друг другу руки и Бон улыбаясь посмотрел вокруг.

– Так, займусь-ка я этой серятиной! Как она меня... измотала! Сейчас соорудим что-нибудь этакое... более радостное! Останешься? Посмотреть!

– Да нет, спасибо. Мне уже пора, – сказал Тихоня. – Да и тебе, наверное, тоже.

– Не-не-не, я задержусь!..

– Ещё увидимся! – сказал Тихоня.

– Конечно! – воскликнул Бон, и тут же принялся за дело – детская песочница стала таять...

– Слушай, Бон! – вспомнил вдруг Тихоня.

– Да? – спросил Бон рассеянно.

– А ТАМ ты меня не помнишь?

Бон задумчиво опустил уголки губ:

– Да вроде нет... Сюда прихожу, всё хорошо помню, а ТАМ... Так, смутно очень... и неясно, – он сощурился. – Но когда тебя увидел, сразу подумал «где-то я этого хмыря уже встречал!»...

Тихоня усмехнулся:

– Ну, ладно! Постарайся что-нибудь ТАМ вспомнить.

– Ага! – Бон поднял руку.

Тихоня в ответ тоже, затем сосредоточился и шагнул назад...

Возвращение всегда напоминало Тихоне момент, когда заходишь с яркой, солнечной улицы в подъезд дома, освещённый, но всё же резко тёмный в сравнении, так что приходится приостанавливаться и несколько секунд привыкать к тусклому свету ламп. И теперь, даже после сумрачного пейзажа Бона, Учебная Комната показалась погружённой в по-

лутьму.

Когда глаза привыкли, Тихоня увидел Бона висющим низко над полом в сидячей позе и содравши с себя куртку, размахивая ею, горланящего какую-то разухабистую песню...

– Понятно, понятно! Спасибо! – громко сказал Белый Дракон. Бон допел до конца и грянув о землю одежду, замолк.

– Увлечлись, ребятки... – сказал Дракон Шаману. – Спасибо! Давайте следующий...

Бон, отдуваясь, встал на ноги, поднял с пола свою куртку и отряхнул её. Он посмотрел в сторону Тихони, слегка кивнул ему и они разошлись в разные стороны – Бон отправился в подсобку дожидаться решения своей участи, а Тихоня, поискав глазами свободный стул, отбывать ученическую повинность.

Во время неизменного перерыва Руководители выгнали всех из Учебной Комнаты, закрывшись там на совещание. Тихоня сам подошёл к Бону, с ожиданием и надеждой. Бон почтительно улыбаясь, поблагодарил Тихоню за «огромную» помощь и сказал, что восхищён как «гениально» тот превратился в пьяницу и, что, на его дилетантский взгляд, Тихоня продержался мастерски и максимально точно от начала до конца. Потом его кто-то отвлек и Бон продолжил бурное обсуждение своего выступления, отвернувшись от Тихони...

Нельзя сказать, что расписание занятий было напряжённым. Кроме Живчика, никто из Руководителей не подстёгивал и не гнал Учеников, не требовал сверхусилий и ускорений. Разве только Белый Дракон считал, что будущим Созидателям необходимо иметь при себе «мешок идей», чтобы свободно выбирать из них лучшую или, в худшем случае, реализовывать все подряд без разбора. И для этого, по его мнению, Ученик должен быть быстрым, находиться всегда в гуще Большой Жизни и вылавливать идеи, как рыбу «большой сетью» где только можно, и не стесняться заимствовать их у кого только можно. Но это своё мнение Белый Дракон высказывал нечасто, понимая его некоторую идеалистичность и отдавая отчёт в том, что не родились ещё такие Ученики, которые бы в полной мере поняли его ... Уроки проходили в ставшей уже привычной неспешной манере, с байками, постоянными «лирическими отступлениями» и экскурсиями в прошлое... Несмотря на снисходительно-щадающий темп учёбы, Тихоня не находил времени для спокойной беседы с Волком. Разговаривали они урывками, либо между занятиями, либо по чуть-чуть после, потому что всегда то Тихоня должен был согласно расписанию участвовать в чьей-то тренировке или проводить свою, то Волк по тем же причинам не имел лишнего времени на общение. Выходные напо-

ловину отдавались беспробудному восстановительному сну, а другая половина снова беспощадно пожиралась Школой, требовавшей от Ученика полной самоотдачи без поправок, отступлений, отсрочек. Тихоня иногда недоумевал отчего их Группа считается одной из самых ленивых и медлительных в Школе? И если они учатся без продыха, то какой же должен быть ритм в других Группях? Неудивительны тогда слухи о том, что в параллельной Группе Деятелей кого-то уже увезли в психиатрическую больницу! Волк на тихонино недоумение отвечал, что каждый человек имеет ровно столько, сколько может выдержать, поэтому не стоит ни на кого смотреть, а делать своё дело на своём месте. «Может мы и самые медлительные, – говорил Волк, – но, возможно, только мы учимся по-настоящему. А также вполне вероятно, что именно из нашей Группы выйдет толк!». Тихоню это успокаивало и, следуя ценному совету, он переключался на «свои дела». Ему очень хотелось обстоятельно рассказать Волку о последних событиях, да и не только о последних, а вообще, всё с самого начала, но всегда кто-нибудь их прерывал, всегда надо было куда-то срочно идти и приходилось откладывая разговор до лучших времён. Тихоня только успевал задавать какие-нибудь маловажные вопросы о том, например, какие проблемы может решать Ведьма, или знает ли Волк о Проницателе, знаком ли со Сторожем и прочее... Когда Тихоня спросил о Стороже Волк удивился – так же как и Сирену, он его не знал и поражался тихониной информации о том, что имеет некую

миссию от неизвестных ему личностей. О Проницателе Волк ответил довольно охотно, поведав, что никакого Проницателя давно уже нет и вообще это школьная легенда. На самом деле его никогда не существовало, а было что-то вроде отделения «мозговедения», как шутливо выражались Ученики, которое Высшее Руководство безуспешно пыталось подключить к контролю за учащимися. Ну а про Ведьму Волк сказал интересно и коротко – она, в отличие от многих своих коллег, не решает проблемы, а помогает человеку это сделать самому, всего лишь давая ему по-возможности наиболее полное знание о сущности событий, в которых он участвует, о процессах протекающих в нём самом и вокруг него... Волк всегда начинал отвечать медленно и, как могло показаться, с неохотой. Затем он «разгонялся» и быстро ответив на вопрос, незаметно уходил по хитрым логическим ответвлениям так далеко, что и сам забывал от чего оттолкнулся, да это было и не важно – слушать его Тихоня любил и прощал ему эту маленькую слабость. Волк всегда говорил остроумно, легко, приводя уморительные примеры, используя смешные образы, очень доходчиво донося мысль до собеседника.

Так незавершёнными беседами, в перерывах между Учёбой, незаметно подоспело время Первого Экзаменационного Показа. Тихоня предполагая, что после столь ответственного мероприятия никаких заданий не будет, а скорее всего даже объявят перерыв на несколько дней, решил, останутся силы или же нет, сразу после Показа встретиться с Волком

и всё, наконец, ему рассказать.

Первый Экзаменационный Показ, по задумке Белого Дракона, должен был проходить строго по плану: сначала его, Первого Руководителя, вступительная речь, нужная для того, чтобы с одной стороны подчеркнуть значимость проводимой им работы, а с другой (этого, конечно, он Ученикам не говорил) необходимо обезопасить себя в том случае, если любимые подопечные подведут его своей неубедительностью и профессиональной слабостью. Затем Ученики по очереди продемонстрируют обязательные для Созидателя Деятельские навыки (превращения, адаптации и прочие безделушки). И в заключение, он покажет наиболее удачные, на его взгляд, индивидуальные попытки Созидательской работы Учеников. Последнему он уделил особое внимание, так как хорошо знал, что Высшее Руководство Школы будет пристально следить за происходящим на предмет целесообразности содержания данной Группы вообще и оказания ей материальной помощи в частности. Все Ученики должны были понимать исключительную важность Первого Экзаменационного Показа (как, впрочем, и всех последующих), быть во всеоружии, всесерьёзности и всеответственности!

Тихоне повезло, он оказался в числе немногих, избранных Белым Драконом для участия в заключительной части Показа. Одна из его Созидательских проб прошла зоркий глаз Первого Руководителя, была одобрена и, с некоторыми «до-

работками», допущена до высокого внимания. Тихоня как всегда страшно волновался, не находил себе места и очень хотел чтобы всё побыстрее закончилось...

– Волнуешься? – спросил Стебель, когда они вместе со всеми ждали в подсобке начала Экзамена. Он лениво развалился на диване и, казалось, был совершенно равнодушен к происходящему.

– Ага! – признался, улыбаясь, Тихоня.

– А ты не волнуйся, – Стебель зевнул. – Чему быть, того не миновать. Если суждено тебе отчислиться, то что бы ты ни делал, как бы ни старался, всё равно отчислят. А если не суждено, то, опять же, что бы ты ни делал, ты останешься. Так что бояться не имеет смысла...

– Ну, да... – выслушав, задумчиво согласился Тихоня. Доводы Стебля звучали утешительно.

– Так, начинаем! – высунулся из Учебной Комнаты Шаман, критически оглядывая лица Учеников. Для того, чтобы Группа могла спокойно готовиться, через подсобку было решено никого не пропускать, поэтому распечатали обычно наглухо запертую вторую дверь в Учебную Комнату, располагавшуюся в дальнем конце, там где расставлялись стулья. Через неё прямо из коридора и собирались зрители, наблюдатели и представители Высшего Руководства Школы.

Шаман исчез, плотно затворив за собой дверь подсобки. Воцарилась тишина. Через минуту, за стеной глухо и размеренно забубнил чей-то голос – это Белый Дракон произносил

свою хорошо подготовленную вступительную речь. Говорил он мучительно долго и Тихоня уже думал, что Экзамен сегодня так и не начнётся, и его перенесут на другой день. Но речь вдруг прервалась, из Учебной Комнаты снова просунулась голова Шамана. По его лицу ползли бело-красные пятна.

– Кто первый? – спросил он, хотя отлично знал, что давно, и ко всеобщему согласию, было решено первым «бросить на растерзание» бывалого Стебля.

– Я первый, – отозвался Стебель и медленно поднявшись с дивана, шаркающей походкой отправился в Учебную Комнату. Все оживились, тихо задвигались, перешёптываясь, делая каждый свои личные последние приготовления перед «высшим судом». И каждый, в той или иной степени испытывал примерно одни и те же смешанные чувства облегчения, что отправили на «казнь» кого-то другого и неизбежности собственной участи. Волшебное действие слов Стебля прошло и Тихоню опять бросило в мелкую дрожь. Он хотел подойти к Волку, но увидев, что тот сидит у стола неподвижно, закрыв глаза, держа большим и указательным пальцами переносицу, не решился нарушить его погружение. Тихоня должен был выходить где-то в середине списка и зная, что у него есть в запасе, как минимум минут двадцать, вопреки запрету отодвинул засов и вышел из подсобки в коридор.

– Ты куда?! – зашипела на него Труба, вытаращив глаза.

– Я сейчас, – ответил быстро Тихоня и прикрыл за собой

дверь.

В коридоре было тихо и показалось менее душно, чем в подсобке, хотя там последний час постоянно держали открытым окно. Тихоня прислонился к стене и несколько раз глубоко вдохнул. Он посмотрел на лестницу в конце коридора. «Может уйти? – подумал он вдруг. – А чего? Взять и дать дёру... Ну его нафиг, этого Дракона с его великими планами, Сторожа этого тоже... туда же!.. Ничего я никому не должен!.. Сирену... Нет-нет, что это я?.. Сирену не надо... Ффу-у, как противно-то... и чего я так волнуюсь? Это что ж, каждый Показ так будет? Эдак никаких нервов не хватит...». Тихоня вспомнил Второй филиал Центра Воздействий, Сирену и Брома, Умника с Болтуном... Как давно это было... и как будто с кем-то другим. Волнение тоже было... такое же, как теперь... Или нет? Сейчас оно другое?.. Да, оно стало намного сильнее и уже не будоражит приятно, как тогда, а стало назойливым, уничтожающим. Теперь оно вызывает смятение, парализует. Чего же не хватает? Чего ему недостаёт? Где нарушилось равновесие? А может это просто его мнительность? Вроде нет. Он стал старше, есть надежда, что умнее, спокойнее... Что же он забыл? Так... А если сначала... Что было сначала? Дрожь... Смятение... Страх... Удушье... Слепота... Глухота... Паралич... Да, это было... А потом?.. Потом произошёл Выход... Потом ещё... И ещё... И появилась Задача!.. Вот! Вот в чём дело! Ты опять забыл, ушёл в сторону, сбился!.. Забыл про Задачу!.. Пора!..

Тихоня вздрогнул и обернулся. Из подсобки, вывалившись и не переступая порога, тянула к нему руку Труба.

– Пора!.. Пора, чёрт тебя дери... Твоя очередь!!! – яростно выдавила она, и дотянувшись до него, крепко схватила за рубашку и затащила в подсобку. Затем перед ним распахнулась дверь в Учебную Комнату и несколько пар рук втолкнули его вовнутрь.

– Ученик Тихоня, – раздался неестественно громкий голос Шамана, читавшего краткую справку для Комиссии. – Столько-то лет, поступил тогда-то, происхождение такое-то, успеваемость положительная...

Тихоня разглядывал присутствовавших. Всё было похоже на Вступительный Экзамен. Кроме Комиссии. Она состояла из четырёх человек. Расположили их отдельно от остальных зрителей, справа ото всех и чуть впереди. Трое представителей Высшего Руководства сидели в ряд и четвёртый, наверное главный, перед ними. Он резко отличался от троицы сзади – те были полными и даже несколько тучными людьми, похожими друг на друга, как братья. Один с бородой и лохматый, два других, напротив гладко выбритые и лысоватые, все трое в одинаковых костюмах. Главный же, наоборот был очень худой, с редкими короткими волосами, маленькими глазками в больших очках и мелкими чертами лица. Он произвёл на Тихоню отталкивающее впечатление. И одет был не в костюм, а в нелепые, прямые брюки и совершенно не сочетающуюся с ними, молодёжную куртку ярко красного цве-

та. Ему можно было дать лет пятьдесят. Главный держал на коленях большой блокнот, в который, прилежно склонив голову, что-то записывал.

– Данный Ученик имеет следующее задание, – продолжал Шаман. – Показать умение оперировать объектами: сверхмалыми, нормальными и сверхбольшими. В задачу входит создание самого объекта, трансформация его в параметрах сверхмалых величин, естественных и сверхбольших, а также взаимодействие со всеми тремя вариантами.

Шаман закончил и посмотрел на Белого Дракона. Тот кивнул ему и Шаман опустил на стул. Белый Дракон улыбнулся Тихоне и негромко сказал:

– Прошу.

Тихоня энергично потёр ладони, как учил его когда-то Живчик, и принялся сперва создавать рабочее поле для материализации объекта.

«Не спеши!» – услышал вдруг Тихоня. Он вздрогнул и поднял голову.

«Спокойно! Веди себя спокойно. Ничего экстраординарного, простая мысленная связь» – прозвучал в голове голос Белого Дракона. – «Слушай внимательно. Сейчас ты неспеша создашь своё рабочее поле... Сам объект не создавай... Дальше ты обратишься к господину Заму, это глава Комиссии... Тот, что ближе всех к тебе с блокнотом на коленях... Надеюсь, ты понимаешь, что речь идёт о Выходе... Попросишь прощения за дерзость и скажешь ему, что восхищён

его деятельностью и талантом, и готов служить ему в любом качестве... Понял?»

«Да» – ответил Тихоня. – «А что дальше?»

«Не знаю... Может он что-то скажет тебе... Выслушай и запомни... А может взбесится и выкинет куда-нибудь... Но, думаю, этого не произойдёт... Посмотришь на реакцию и уходи... Оставь недоверие и не бойся, а то он сразу увидит и ничего не получится. Всё. Вперёд!»

Тихоня убедился, что созданное рабочее поле стабильно и поднял глаза на Зама...

– Ну, здравствуйте, – сказал Зам, вставая. Тихоня застыл поражённый... Он никуда не Вышел!!! Учебная Комната никак не изменилась... и никто не исчез. Все сидели на своих местах и смотрели на него. Впрочем... что-то было не совсем обычно...

– Да-да, вы правы, – не улыбаясь сказал Зам. – Это необычно поначалу, но потом привыкаешь... как и ко всему в нашей жизни.

Тихоня сделал шаг в сторону, затем ещё несколько шагов – никто не повернул головы, все смотрели туда, где перед этим стоял Тихоня.

– Красавцы, а?! – Зам встал рядом и показал головой на зрителей. Тихоня совсем забыл, что нужно говорить и что вообще он может разговаривать. Такой картины ему видеть ещё не доводилось...

– А они живые? – почему-то спросил он.

– Дааа, безусловно!.. – серьёзно ответил Зам. – Хотя... с другой стороны... иногда я не уверен в этом! Но, в любом случае, они забавны...

Зам повернулся к Тихоне и, заложив руки за спину, снизу вверх посмотрел на него:

– Вы хотели мне что-то сказать?

– Эээ... ммм... – Тихоня пытался вспомнить, о чём должен был говорить.

– Запомняли... – понимающе покивал Зам, – бывает. Может я помогу?

Тихоня сдался и опустил голову.

– Вас прислал ко мне господин Белый Дракон, он же Первый Руководитель вашей Группы, – очень спокойно начал Зам. – Правильно?

– Да, – Тихоня кивнул. Ему стало всё равно, чем закончится эта встреча. Белый Дракон не на того поставил. Тихоня это понял и решил принять безропотно свою участь.

– Ну, зачем же так, – сказал Зам. – Я совсем не страшен и не кровожаден, как, кстати, ошибочно многие считают... Поверьте, вам ничто не угрожает. Ну, разве что, отчисление за профнепригодность, но, надеюсь, до этого не дойдёт. Ну-с, так о чём мы?.. Да, о вашей миссии. Видите ли, уважаемый Тихоня, с господином Белым Драконом мы знакомы и работаем уже очень давно... слишком давно. Он прекрасный Руководитель и... неплохой Созидатель. Он не глуп,

многое знает и, безусловно, полон других замечательных достоинств, НО... порой его подводят, я бы сказал, несколько излишнее самодовольство, некоторая склонность к тщеславию и непонятно откуда взявшееся убеждение, будто бы Центру Воздействий, Школе и вообще Созидательской профессии якобы грозит исчезновение. По его мнению, кто-то или что-то к этому стремится и СОЗНАТЕЛЬНО этому содействует. Честно скажу, что я, как представитель Высшего Руководства Школы, не разделяя его точку зрения, всё же отношусь к ней с пониманием и уважением. И мы с господином Верховным Руководителем много говорили об этом. Он обеспокоен настойчивостью господина Белого Дракона в следовании своей позиции и не считает хорошей идеей разработку неких планов и действий, направленных на дестабилизацию, безо всяких сомнений, крайне устойчивого и надёжного положения Школы. Более того, господин Верховный Руководитель выражает свою уверенность в том, что сможет помочь уважаемому господину Белому Дракону, забыв его ошибки, – а кто из нас без греха? – осознать всю неосновательность его опасений за судьбу нашего общего благородного дела и соответствующим образом перестроить свою работу в русле великих традиций, которыми всегда славилась НАША КУЛЬТУРА. А ведь она гордится такими именами, как...

Бывают моменты, когда человек словно выключается из

действительности и, замерев, останавливает взгляд в одной точке не мигая, пребывая в каком-то наполовину сомнамбулическом состоянии. Он может отвечать на вопросы, кивать головой или что-то машинально делать при этом, но, как бы оставшись некоей своей малой частью, большую куда-то отдаёт ненадолго. Обычно подобное состояние длится несколько секунд, и человек не в силах никак противостоять ему. Потом всё проходит, как не бывало, и существование продолжается дальше. В точно такое состояние, сам не заметив как, вошёл и Тихоня. И во всё время вдохновенной речи Зама безвылазно находился в нём будто в клетке. Самое неприятное, что он ничего не мог с этим поделать и тщетно пытался прорваться сквозь тягучий морок. Он с трудом осознавал, где находится и только отчётливо слышал слова Зама, которые зримо и выпукло отпечатывались в его сознании, помимо воли оставаясь в нём, цепко вгрызаясь, вытесняя всё остальное. Тихоня пытался о чём-нибудь думать, пробовал начать считать, однако дом уверенно завладел чужак, выкидывая личные вещи хозяина, выгнав его самого, оставив лишь стены, оболочку для своих неведомых целей. В конце концов, Тихоня оставил попытки и просто стал ждать финала.

– ... уповая на то, – вещал Зам, – что он прислушается к чувству меры, к своему незаурядному уму и вернётся на путь, избранный им когда-то. Ибо Вселенная хочет от всех

нас одного – победы в каждом Здравомыслии и Доброй Воле!.. Вы хорошо себя чувствуете?

Зам приблизился и внимательно взглянул в глаза Тихоне. В тот же миг, словно какой-то невидимый выключатель щёлкнул и реальность, сделав молниеносный кульбит, вернулась на прежнее место. Голова стала ясной и даже более свежей, чем раньше.

– Д-да, всё в порядке... – ответил Тихоня, озираясь.

– Вот и прекрасно! – неприятно улыбнувшись, сказал Зам. – А лично вам, молодой человек, я бы посоветовал стараться, стараться изо всех сил... Потому что, если быть до конца честным, а я именно так всегда и поступаю, то не могу скрыть от вас возможно не слишком обнадеживающий факт – вы, скорее всего не станете не только хорошим, но и вообще каким бы то ни было Созидателем... Посему, делайте что должны и ступайте дальше... Не тратьте время на пустое... Пока вы в Школе я вам препятствовать не буду, но и зарываться не дам... Всего хорошего!

Зам резко развернулся, быстро прошёл к своему стулу и сел.

– Спасибо, – громко сказал он. – Меня вполне устраивает ваш ответ.

Снова щёлкнул невидимый выключатель, всё вокруг ожило и задвигалось.

– А как считают мои коллеги? У них есть вопросы? – Зам

повернулся к трём толстякам сзади. Те в унисон молча помотали головами, а бородатый что-то промычал.

– Господин Первый Руководитель? – обратился Зам к Белому Дракону.

– Нет, – хмуро ответил тот и кивнул Тихоне, – позовите следующего.

Белый Дракон был явно взбешён и тщательно скрывал это.

«Всегда мечтал оказаться меж двух огней!» – мельком подумал Тихоня, уходя в подсобку.

13

Весь перерыв он ждал, что вот-вот появится Белый Дракон и боялся этой встречи. Он уже жалел, что согласился на партнёрство и видел, что оно не только не будет равным и не сулит никаких радостей, но и несёт реальную опасность столкновения с силами, которых Тихоня опасался и всегда обходил стороной. С силами жёсткими, мощными, действующими по правилам сложным, запутанным, до конца им самим неизвестным, а потому непредсказуемыми и беспощадными. Его преследовало ощущение, что он случайно попал в район боевых действий под перекрёстный огонь двух армий и куда бы не побежал, всюду нарвётся на пулю... Посему самое разумное, что можно было сделать в такой ситуации, это, по-возможности, уйти с линии огня, попытаться

ся спрятаться и переждать до затишья... Если, конечно, ему это позволят... Одно было хорошо, что, как понял Тихоня, Белый Дракон во время Экзамена не заставит Выходить за Границу для разговора с ним, поэтому надо как можно скорей разделаться с этой своей Созидательской работой, благо в этом списке Тихоня шёл первым, и посидеть спокойно подумать что делать дальше.

И снова было томительное ожидание в подсобке, снова голова Шамана в дверях с фразой «Начинаем!», снова речь Белого Дракона за стеной, к счастью уже менее пространная. Теперь никто Тихоню не выталкивал, а он сам придиричливо осмотрев своих товарищей по Группе, спросил все ли готовы, пожелал удачи и, сопровождаемый солидарными взглядами, вошёл в Учебную Комнату.

Шаман зачем-то опять торжественно и громко зачитал справку об Ученике, объявил, что в его работе принимает участие вся Группа целиком и водрузился на своё место. Белый Дракон уже спокойный как всегда, пригласил Тихоню на свободный стул и спросил Зама можно ли начинать. Зам, не поворачиваясь, молча махнул рукой.

Первая Созидательская работа Тихони заключала в себе простенькую историю, в основе которой лежал сюжет из жизни Учеников, вынужденных во время каникул приводить в порядок своё учебное помещение и делать в нём ремонт. Разумеется, как почти всегда бывает в таких случаях, никто не испытывал большого желания заниматься ремон-

том, поэтому понукаемые Предводителем (в него превратился Стебель), Ученики лениво и как можно медленнее подготавливали рабочее место. Подготовка состояла из расстилания больших кусков бумаги по полу. Все как один, включая Предводителя, с большим трудом заставляли себя производить необходимые действия и когда кто-то вдруг начал дурачиться, сворачивая из кусков бумаги фигуры, все проснулись и поддержали игру. С этого места должно было начаться самое интересное – в ходе игры соревнуясь друг с другом и творя всё более сложные превращения, все вдруг объединялись в нечто общее, неопишное словами и, по мысли Тихони, долженствующее показать собою миниатюрную модель мира. Во время тренировок Тихоня не ограничивал фантазию одноклассников и разрешил им превращаться во что или кого угодно (естественно, в допущенных Первым Руководителем пределах) и просил только о том, чтобы никто сильно не увлекался и сумел в финале слиться с другими в едином Образе.

Насколько удачно реализовался замысел Тихоне увидеть не пришлось...

Когда Стебель-Предводитель обессилено уговаривал товарищей заниматься делом, Тихоня смутно почувствовал призыв о помощи. Сначала он не осознал что это и откуда. Потом понял, что сигнал проходит где-то поблизости и стал искать источник, которым, к изумлению, оказался Стебель... Тихоня не поверил и постарался максимально на-

строиться на приём. Всё подтверждалось – это определён-но был он, Стебель. Тихоню удивило не столько то, что сигнал пошёл во время Экзамена и его могли уловить и, на-верняка, уловили другие – Зам, Белый Дракон, но больше его удивил тот нелогичный факт, что помощи просил Сте-бель... Спокойный, неуязвимый, непотопляемый, опытный! Тихоня быстро посмотрел на Белого Дракона, затем на Зама. Первый спокойно курил сигарету и прищурившись, крити-ческим взглядом мастера, следил за работой Учеников. Вто-рой, склонив голову набок, что-то усердно записывал в свой большой блокнот. Тихоня знал уже, что доверять внешнему виду этих людей не стоит, но не ответить на зов не мог и стал ждать когда Стебель посмотрит в его сторону.

Действие развивалось, Ученики работали хорошо и уже начались первые превращения. Сигнал не ослабевал. Тихоня никак не мог поймать взгляд Стебля. Тогда он собрал вни-мание в луч, с тихой силой направив его в сторону Стебля. Тот остановился, повернулся к Тихоне и посмотрел...

Тихоня немедленно получил сильнейший толчок в грудь и, не удержавшись, полетел вместе со стулом назад. Он успел чуть развернуться и подставить руку, чтобы смягчить па-дение... В глазах потемнело. Но не от боли, хоть он и до-вольно сильно ударился об пол плечом. Поднимаясь, Тихоня почувствовал ладонями холодный камень. «Хорошо, что не головой!» – подумал он. Стула рядом уже не было и он уви-

дел, что находится в тесной и тёмной комнате, окружённый со всех сторон множеством горящих свечей. Свечки были тонкие и по-видимому главным образом предназначались не для освещения комнаты. Они стояли на высоких подставках, группами по несколько штук, перед какими-то цветными изображениями и направленно светили только на них...

Не успев как следует оглядеться, Тихоня заметил метнувшуюся к нему тень и встретил ещё один сильный толчок. На этот раз он удержался на ногах и, защищаясь, невольно выставил вперёд руки. Тень молча и методично стала лупить его теперь по рукам. Не сильно, но больно...

– Не трогай его... пожалуйста, – донёсся из глубины комнаты просительный голос, в котором Тихоня узнал Стебля. – Он не виноват, это я его позвал!..

– Пусть убирается! – пронзительным женским голосом крикнула тень. – Нечего ему тут делать!..

– Прошу тебя... не надо! – простонал Стебель. – Он сейчас уйдёт!..

Тень остановилась и в слабом отсвете свечей Тихоня разглядел пожилую женщину с растрёпанными седыми волосами. Очень пожилую и очень измученную. Она сердито смотрела на него и тяжело дышала.

– Ну? Что смотришь, безбожник?.. – крикнула она.

– Здравствуйте, – сказал испуганно Тихоня.

– Убирайся отсюда... «здравствуйте»! – снова крикнула женщина. – Чего тебе здесь надо? Не лезь в чужие дела. Ты

кто такой? Ангел? Святой? Что-то я тебя не знаю... Как ты сюда пробрался, а? Ты посланец Зла, дьявольское отродье!.. Проваливай, пока цел!..

– Тихоня, – послышался тихий голос Стебля, – прости, что вызвал тебя... Уходи быстрее!

Женщина снова надвинулась на него. Тихоня вскинул перед собой руки:

– Стойте, стойте...

Он попытался сосредоточиться на возвращении, но у него не получилось. Тихоня попробовал ещё раз. Безрезультатно. Он взмок. Такое происходило впервые.

– Ну? – угрожающе процедила женщина.

– Не могу, – сказал Тихоня.

– Что-о? – она замахнулась.

– Делайте что хотите, но у меня не получается! – нервно произнёс Тихоня. Женщина постояла так несколько секунд раздумывая, затем бессильно обмякла, опустив руку.

– Да что же это такое?! Когда это кончится? – жалобно сказала она. – А всё ты! – повернувшись от Тихони, бросила она в темноту.

– Ты сама меня держишь... Отпустила бы давно и ничего б не было...

– Ты мне обязан. Я тебя родила, вырастила, воспитала. Я имею право на благодарность!

– Я благодарен! Что ещё тебе нужно?..

– Ты должен быть всегда рядом... должен ухаживать за

мною... содержать меня. Я же тратила на тебя своё время, деньги. Я забывала о себе, жертвовала своими желаниями, удовольствиями... Теперь твоя очередь...

– Мы уже обсуждали это много раз! Я не могу жить твоей жизнью, у меня есть своя!..

– Нет у тебя своей жизни... ты мне должен...

– Ну, вот опять... всё сначала! Как мне это надоело!..

– О, боги! О, святые!.. – женщина подошла к одному из изображений, на котором был запечатлён какой-то человек в богатых, разноцветных одеждах. Вокруг него толпились другие люди, очень маленькие по сравнению с ним. Настолько маленькие и одноцветные, что сливались в неразличимое, тёмное пятно. Он держал в руках незнакомые предметы – в правой что-то вроде большого обруча, а в левой объёмную прямоугольную коробку. Тихоня подумал, что в реальной жизни, наверное, не смог бы удержать одновременно вещи такого размера. Но на изображении, человек делал это легко, одними пальцами. Женщина встала напротив него и начала делать ритмичные движения руками, как будто что-то надевала на себя с разных сторон. Вместе с этим она тихой скороговоркой шептала на неизвестном языке какое-то стихотворение – это было понятно по повторяющимся звукам. Человек с портрета смотрел на неё бесстрастно, спокойно, ничего не выражающими большими красивыми глазами на, безукоризненно правильных черт, лице. Тихоня оглядел другие изображения. Некоторые было

невозможно рассмотреть потому что свечек перед ними либо не хватало, либо они в большинстве погасли. Везде, где освещение позволяло, Тихоня видел примерно одни и те же портреты людей, почти в одних и тех же одеждах, с одинаковыми лицами и отличались они только формой предметов в руках, их размерами и наличием или отсутствием маленьких человечков вокруг.

– Тихоня! – позвал из темноты Стебель. – Тихоня! Иди сюда!

Тихоня боязливо покосился на бормочущую женщину.

– Не бойся, она сейчас не заметит... Подойди!

– Ты где? – шёпотом спросил Тихоня, взглядываясь.

– Здесь. Иди прямо.

Тихоня внимательно глядя под ноги, пошёл вперёд.

– Возьми свечку, – услышал он голос Стебля.

Тихоня выбрал ближайшую свечу и аккуратно вытянул её пальцами из специального отверстия, в какие были воткнуты и все остальные свечи. Он оглянулся на женщину. Она по-прежнему стояла у портрета и горячо шептала стихи. Тихоня выставил вперёд руку со свечкой и двинулся дальше. Комната была вытянута и часть её не освещалась совсем. Через несколько шагов Тихоня увидел Стебля. Он стоял как-то странно затянув за себя руки, как если бы снимал с себя рубашку и у него не получалось. И лишь спустя несколько секунд Тихоня понял, что Стебель привязан. Выглядел он скверно – худое, измождённое лицо; впалые, от

худобы ставшие большими, глаза; неестественно выпяченная, костлявая грудь; рваная рубашка, выбившаяся из брюк. И ещё, какая-то дурашливая полуулыбка на лице, как у наивного, но уже познавшего обиду, ребёнка.

– Что с тобой? – спросил Тихоня.

У Стебля покатались из глаз слёзы:

– Я больше не могу!.. Помоги мне, пожалуйста!.. Ты можешь?.. Мне помочь?..

Тихоня оглянулся на женщину:

– Я... Ну, да... Но, я не знаю... Как помочь? Что сделать?

– Мне всё равно, – всхлипывая ответил Стебель. – Сделай что-нибудь... Хоть что-нибудь!..

– Хорошо, хорошо, – поспешино сказал Тихоня, соображая. – Я... придумаю... сейчас.

Но Тихоня не мог ни о чём думать. Он не смог вернуться! В первый раз! Такое можно было предположить заранее! Об этом нужно было подумать раньше! Просто необходимо было предусмотреть! Но он не сделал этого!.. И вот теперь придётся неизвестно сколько оставаться в неизвестном, малоприятном месте, в компании с тенью одноклассника и его старой и, видимо, не здоровой матерью. Поглядывая на неё, Тихоня стал осторожно обходить Стебля. Руки его были сомкнуты сзади и обнимали толстый деревянный столб, коричневый и пахнущий детской мазью. «Бред, какой-то! – подумал Тихоня, скользнув взглядом по столбу вверх. – Прямо пыточная камера Древних Вреён!..». Он посмотрел ку-

да пристроить свечу, не нашёл и свободной рукой попытался развязать узел верёвки. Узел не поддавался. Тихоня чертыхнулся и, бросив свечку на пол, принялся двумя руками раздирать плотное сплетение. Брошенная свеча тут же мстительно потухла и стало совсем ничего не видно. Пришлось действовать дальше наощупь. Тихоне даже стало легче. Спрятавшись в темноте за спиной Стебля, можно было выиграть некоторое время и всё-таки что-то предпринять.

– Где он? – прозвучал спокойный голос. Тихоня затаил дыхание.

– Я спрашиваю, где он? – с угрозой, но всё ещё спокойно повторила женщина.

– Он ушёл, – ответил Стебель.

– Куда он мог уйти? – насмешливо спросила она. – Отсюда нет выхода. Я замуровала всё.

– Но, ты же видела как он появился? Также и ушёл, – сказал Стебель.

– Чушь! – крикнула она. – Он где-то здесь... Он остался. Он хочет искушать меня. Это Тёмный мне его подослал!.. Слышишь, ты? Я не боюсь тебя! Со мной моя вера! Со мной ангелы и все святые! Тебе не справиться! Где ты? Выходи!..

Тихоня услышал приближающиеся шаги. «Она же старая, – подумал он. – Не убьёт же она тебя. Чего бояться?..». Но уговоры не помогли. Ему было страшно. Тихоня весь сжался и приготовился дать отпор. «Наплевать... ну и

что, что женщина... старая женщина... наплевать... буду защищаться!».

– Вон он! – крикнул Стебель.

Шаги остановились. Тихоня стал ощупывать вокруг себя пол в поисках какого-нибудь подходящего оружия и остановился, не веря глазам. Там, дальше, из темноты за его спиной, пробивался еле заметный свет. Сначала Тихоня подумал, что ему почудилось. Но приглядевшись, он понял, что это не видение – свет исходил откуда-то справа из-за угла, метрах может в десяти-пятнадцати. Это не было светом в обычном понимании, скорее обещание света, приглашение к нему. Тихоня так и расценил. Если это знак, значит действовать надо быстро... сходу! Он вложил все силы, что были, в свои пальцы. Всё желание, внимание, всю скрупулёзность, всю возможную быстроту...

– Врешь!!! Ты защищаешь его! Говори, где он? – услышал Тихоня крик женщины. Узел под его пальцами размягчился и стал сдаваться. Тихоня не останавливался и петля за петлей разбрасывал его в стороны. Ему уже казалось, что старуха стоит над ним занеся свои цепкие узловатые руки и вот-вот обрушит на него весь свой гнев. Но он не смотрел и не останавливался. Наконец, последняя петля распалась у него в руках, он схватил падающего Стебля за талию и рванулся что есть сил к свету. Сзади раздались проклятья и Тихоня, желая только одного – вернуться во что бы то ни стало, дотянулся правой рукой до угла, ухватился за край

и вознал себя вместе со Стеблем за угол...

– Тихоня!.. Тихоня!!! Что ты делаешь?! – кто-то тянул его за плечо. Стебель лежал на полу испуганно хлопая глазами. Тихоня стоял над ним на коленях и держал его за грудки. Сзади Тихоню оттаскивал Шаман.

– Тихоня, что это с тобой? – раздался голос Белого Дракона. – Я тебя не узнаю! Не иначе, что-то непотребное сегодня съел!.. Это всего лишь учебная работа. Ты же так всех своих Деятелей распугаешь! Так нельзя...

Белый Дракон улыбаясь, обратился к публике:

– Если бы я каждый раз видя плохую работу Деятелей в своей Демонстрации вот так же кидался, то наверное, давно бы уже оказался в тюрьме за убийство!

В Учебной Комнате никто не рассмеялся.

Тихоня отпустил Стебля, извинился и не глядя ни на кого, вернулся на своё место.

– Я согласен с господином Белым Драконом, – заговорил Зам. – Так нельзя себя вести. Вы, Тихоня, очень неводержанный человек. Это большой минус для вас. И если вы не найдёте в себе сил для самоконтроля, то боюсь вам будет крайне сложно стать Созидателем! А вашу работу мы обсудим отдельно! Продолжайте Экзамен, господин Белый Дракон!..

Белый Дракон, улыбаясь, сверкнул на Тихоню свирепым взглядом и махнул рукой застывшим у двери в подсобку Уче-

никам. Все засуетились, в мёртвой тишине готовя показ следующей учебной работы.

До конца Экзамена ни Белый Дракон, ни Зам не проявили никаких признаков внимания к Тихоне. Он был рад этому. На сегодня достаточно впечатлений. Но больше он радовался тому несомненному факту, что сумел помочь Стеблю, а значит его Задача вновь успешно подтверждена и он на правильном пути. Это успокаивало. Приятно было также сознавать, что Зам недвусмысленно высказался в поддержку Тихони и по сути разрешил ему действовать. Если это не обман, то даже похоже на своеобразное покровительство и в случае чего можно попытаться вежливо расторгнуть договор с Белым Драконом. С другой стороны, Зама он не увидит до следующего Экзамена, а вот Первый Руководитель будет с ним каждый день... Нет, пожалуй, стоит подумать прежде чем отказывать Белому Дракону. Пока хорошо, что они с Замом на сегодня остановились. Главное, чтобы никому из них не пришло в голову вдруг ещё что-нибудь добавить... Нужно обязательно поговорить с Волком. Непременно.

Когда все не участвующие в обсуждении Экзамена стали расходиться кто куда – одни в коридор, другие в подсобку – Тихоня подошёл к Волку и сказал, что нужно поболтать где-нибудь в спокойном месте. Волк молча кивнул и неторопливо влился в беспорядочные ряды зрителей, покидавших

Учебную Комнату. Тихоня сделал то же самое. Выйдя в коридор, он старался не терять Волка из виду, поглядывая вперёд на его спину. Отличавшийся педантичностью и жизненным опытом, Волк давно уже изучил в Школе все закоулки, потайные места, пути отхода. На всякий случай. Он быстро сообразил куда пойти и уверенно двигался к намеченной цели. Тихоня не отставая шёл сзади. Через некоторое время, Волк плавно нырнул в примыкающий коридор. Тихоня за ним. Это, судя по стендам на стенах, было Музыкальное Крыло. Как Тихоня потом узнал, занятия в этом Крыле проводились по утрам, так что к вечеру здесь гарантированно становилось безлюдно и тихо. Длинный коридор завершался дверью в туалет.

Они остановились у одного из больших окон. Волк опершись о высокий подоконник, выжидательно посмотрел на Тихоню.

– А нас отсюда не погонят? – озираясь, спросил Тихоня.

– Нет, не бойся, – улыбнулся Волк.

– Ты хорошо ориентируешься, – усмехнулся Тихоня. – Может покажешь короткие пути к выходу? А то я всё позабывал...

– Покажу. Да ты и сам скоро вспомнишь, – дружелюбно ответил Волк.

Тихоня помолчал. С чего начать? Про Сторожа он уже Волку говорил. Не то. О встрече с Живчиком?.. Нет, надо рассказывать с самого начала, как и хотел...

– В чём вопрос? – подбодрил Волк.

И Тихоня выложил всё, что было. Он иначе не умел. Если уж рассказывать так всё, как есть. И про встречу с Живчиком, и про предложение Белого Дракона, и про разговор с Замом... И нельзя было не поведать о том, с чего началось – о первом неожиданном для него самого Выходе, на таком уже далёком Экзамене по Истории, и обо всех других случившихся потом, и, конечно, о последнем спасении Стебля... Он рассказал обо всём. Волк слушал молча, внимательно, без оценок и эмоций. Тихоня со временем привык к такой реакции Волка и даже пытался ему в этом подражать. Он от волнения задыхался, говорил сбивчиво, боясь что-нибудь упустить и быть непонятным слушателю. Волк не перебивал и когда Тихоня закончил, вежливо подождав не будет ли продолжения, сказал:

– Понятно. А чего раньше-то молчал?

Тихоня покраснел и опустил голову:

– Я думал, сам разберусь...

– Да... у тебя это неплохо получается! Правильно делал, что действовал в одиночку, – сказал Волк. – Вероятно, тебе и дальше придётся идти самому... Мы с Ведьмой тут скорее помощники-советчики. А то, что ты рассказал чрезвычайно интересно. В общем, примерно так мы и представляли себе ход событий. Я только не думал, что оказавшись в Школе, ты так быстро выйдешь на Зама. А Ведьма наоборот говорила, что это скоро произойдёт. – Он улыбнулся. – Она, как обыч-

но, права!..

– Так что мне делать? – спросил Тихоня. – Дракона, думаю, не надо посылать?

– Нет, конечно, – согласился Волк. – Ни в коем случае. Тут вообще торопиться не стоит... Я передам всю твою информацию Ведьме. Надо подумать. Полагаю, Белый Дракон ещё разок встретится с тобой, ты ему расскажешь о чём говорил с Замом, и он на какое-то время успокоится. Может надолго. Но он, естественно, не сдастся... Так что будь настороже. Для чего-то ты ему нужен... Интересно вот, для чего?..

В это время в туалете скрипнула дверь. Волк замолчал и обернулся. Никто не вышел. Было тихо. Волк спокойно подошёл к туалету и заглянул. Потом закрыл дверь и вернулся к Тихоне:

– Никого. Ветер, наверное. Но всё же лучше закончить, – улыбнувшись, он поднял указательный палец вверх. – Это знак!..

Они вернулись в подсобку. Напряжение спало и Ученики вполголоса обсуждали прошедший Экзамен. Оставалось только дождаться конца другого обсуждения, проходившего за закрытыми дверями Учебной Комнаты и оглашения Руководителями его результатов. Все надеялись на лучшее, обнадёженные Стеблем, уверявшим, что после Первого Показа никого никогда не отчисляют. Тихоня внимательно следил за ним. На вид он совсем не изменился. Так же разговаривал, и вёл себя как обычно. Встретившись взглядом с Тихоней,

Стебель пошутил, что премного благодарен за сохранённую ему сегодня жизнь и в следующий раз его надо будет сильно уговаривать, чтобы он согласился быть Деятелем в тихониной Демонстрации. Все дружно прыснули, вспомнив экстравагантное поведение Тихони и, на смешливой волне, переключились на кого-то другого. Тихоня решил больше не задаваться вопросом помнит ли недавний собеседник, что происходило за Границей. «В конце концов, это не так уж и важно», – подумал он, улыбаясь чьей-то очередной шутке.

14

Утро встретило его хмурью и напоминанием о давешнем сидении в сломанном лифте. Оба этих определённых факта были скучны и неизменны, однако не могли потягаться с третьим, блаженным, как рай, ласкающим слух любого Ученика, словно божественная музыка, звучащим округло и сладко – Каникулы! Тихоня всегда не любил рано вставать, а тут такое удачное сочетание дурной погоды и свободных дней... Он как следует потянул удовольствие.

Когда Волк вызвал его и начал засыпать вопросами не дожидаясь ответов, а потом плести какую-то чепуху про своё самочувствие, Тихоня понял, что нужно подыграть и ничего не рассказывать. Между слов Волка он ясно различил следующее послание: «Сейчас говорить не надо... Встречаться тоже пока что не стоит... Всё потом...».

«Перестраховщик!» – подумал Тихоня про Волка, когда они распрощались. – «Неужели кто-то прослушивает разговоры Учеников вне Школы?». Но вникать не стал. Он доверял Волку. И если тот дал понять, что чего-то в данный момент делать не нужно, то лучше его послушать... Хотя, Веточка бы не одобрила это решение. Она считает, что Тихоня уж слишком доверяет Волку, по её словам, «теряет своё лицо»... Она всегда сгущает краски. Впрочем, кто знает, может когда-нибудь она окажется права...

Тихоня поставил подогреваться чайник и пошёл в комнату, к любимому окну, выходящему на перекрёсток. Окно стало любимым после первой ночи в этой квартире десять лет назад. Всё своё детство, до того дня, Тихоня провёл в трущобах рабочей окраины, на третьем этаже пятиэтажного небольшого дома. И максимум, что видел из маленьких, разделённых частой деревянной решёткой, окон, это стены соседних точно таких же домов. Поэтому переезд в новый, но более современный многоквартирный и похожий на длинный океанский лайнер, дом, да ещё на девятый этаж, на самую верхотуру, казался воплощением какой-то красивой сказки, а он, Тихоня, был сказочным принцем, живущим теперь в высокой башне, из которой видны необозримые просторы его владений. Первую ночь он просидел у окна до утра, и никак не мог наглядеться на перемигивающиеся светофорами перекрестья живых дорог – одно прямо вниз, другое вдаль, третье совсем далеко и сквозь дымку, как разноцвет-

ный маяк, подавало призывные сигналы четвёртое. Оно было уже где-то за тридевять земель от башни принца, там где близкое и прозрачное, бесконечное и недостижимое небо откусывалось неровными зубьями производственных зданий Промышленной Зоны.

Сразу же за первым перекрёстком, в прекрасной видимости, уютился небольшой парк. Единственный во всём районе, и потому наверное, не уничтоженный массовой застройкой. Парк был красив. Правда, преимущественно сверху из окна. Тихоне нравилось смотреть на его зелёные мохнатые бугры, напоминавшие картинки из Большой Книги Лесов, где на нескольких разворотах можно было зачарованно любоваться беспредельной чередой пышных зеленеющих впадин и холмов, слитых в единый невообразимый организм, бережно хранивший в себе множество жизней – маленьких, больших, примитивных, разумных, одиноких, коллективных, ползающих, лазающих, бегающих и летающих... Всякий раз, когда Тихоня смотрел сверху на зелёную неровную ткань парка, ему хотелось примерить её на себя, укрыться ею... И всякий раз он обманывался, спускаясь и заходя в парк, зная наперёд, что найдёт внутри суррогат, слабое подобие тех Больших Лесов, что видел на картинках. Он, конечно, не бывал ни в одном из них, но знал наверняка, что не нашёл бы там несметные сокровища мусора, ровным ковром скрывающего траву, не боялся бы вступить в продукты собачьего пищеварения, не встретил бы на каждом квадратном метре плохо выглядя-

щих, ожиревших людей, которые пьют, курят, грубо разговаривают, громко смеются и обугливают на костре дурно пахнущую мёртвую плоть... Говорят, Больших Лесов всё меньше с каждым годом. Многие умные и уважаемые сограждане считают, что это объективная необходимость – цивилизации нужна древесина для своих великих свершений...

«Посмотри на себя, – подумал Тихоня. – Где ты сам живёшь? Ты пользуешься благами этой цивилизации. Неблагодарный сын Города. ЧТО бы ты был без всех этих удобств? Окажись сейчас в одном из твоих Больших Лесов, что бы ты делал? Ты бы не прожил там и трёх дней...»

«Нет, врёшь, – ответил сам себе Тихоня. – Это старая ловушка. Я в неё не попадусь. Сотни людей уже живут там. Не выживают, а живут... свободными, спокойными, светлыми, счастливыми... живут! И я буду... рано или поздно, буду с ними! Не сомневайся!...»

Давний спор прервал свист чайника...

Тихоня вернулся на кухню, налил себе чаю и решив, что перетаскивать завтрак в комнату с окном в парк слишком затратно, уселся за кухонным столом. Здесь было такое же окно, выходившее на другую сторону, ничем не примечательную – обыкновенная шумящая улица. Смотреть не на что. Он отвернулся и задумчиво потягивая кусачий огненный чай, от нечего делать, стал припоминать последние пять месяцев своего пребывания в Школе.

Волк частично оказался прав – Белый Дракон действительно успокоился, но не сдавался. Он резко перестал бывать на уроках, перепоручив руководство Шаману. С Тихоней он так и не встретился, из чего Волк сделал вывод, что беседа Зама с Тихоней чистое представление, сыгранное специально для Белого Дракона. Всё он прекрасно слышал и видел (это, кстати, объясняет тихонину отключку). Потому он так и взбесился, что был «убит наповал» – и лазутчика в миг раскрыли, и на место указали, показали кто на самом деле хозяин положения, и ещё вдобавок пригрозили... Есть от чего досадовать. Но Тихоню досада Белого Дракона не интересовала. Он думал о другом – теперь, когда «тайное оружие» Первого Руководителя разоблачено, не укажет ли он Тихоне на дверь? Волк на это ответил, что может случиться и такое, поэтому Тихоне нужно стараться быть хорошим Учеником, чтобы не было хотя бы формального повода к отчислению. В любом случае, пока Белый Дракон занят «зализыванием ран», есть время и посмотрим, что покажет уважаемый господин Шаман...

А уважаемый господин Шаман отличался и весьма значительно от своего начальника. Он не увлекался красивыми рассказами, долгими разборами ученических проб, не устраивал экскурсии в своё или чужое прошлое. На первом собственном занятии он объявил, что пока господин Белый Дракон в отлучке, Группа поиграет в интересную игру под назва-

нием «Центр Воздействий». Суть игры сводится к следующему – он, Шаман, берёт на себя роль Созидателя, а остальные, то есть Ученики, автоматически становятся Деятелями. А что делает Созидатель с Деятелями в Центре Воздействий? Правильно – создаёт Демонстрацию! «Вот мы и будем все вместе её создавать!» – сказал в заключение Шаман и дал задание подготовиться к грядущему тренировочному дню, прочитав малоизвестный рассказ известного классика Словесности, повествующий о падших женщинах. На следующий урок он принёс книгу с рассказом, показал её всем и заявив, что традиционного (для Центра Воздействий) публичного чтения материала не будет, бросил книгу на стол. Все были слегка шокированы неожиданным поведением Шамана, обычно не видного и не слышного, позволявшего себе лишь тихо поддакивать Белому Дракону. Шаман, не сбавляя темпа, мгновенно распределил Образы между Учениками, из стульев и специальных тренировочных ящиков обтянутых тканью велел построить подобие демонстрационного сооружения и отправил первых участников на площадку Учебной Комнаты... В числе первых были Стебель, Бон и Тихоня. Шаман не потребовал сразу же полностью превращаться в героев, тем более, что это само по себе являлось процессом сложным. Он попросил каждого немножко побыть собой и чуть-чуть попробовать превращение. Через несколько минут Тихоня почувствовал, что у него получается. Получалось и у партнёров. И эта очевидная простота была поразительна.

Шаман явно превосходил Белого Дракона в мастерстве – без лишних слов, без какого бы то ни было «священнодействия», в считанные минуты он добился того, чего Белый Дракон не мог добиться в течение нескольких месяцев!..

После первых проб, к Тихоне, Стеблю и Бону присоединились девушки, которым предстояло превращение в «нехороших» женщин. По рассказу, трое главных героев, дабы вовлечь одного из них во взрослую жизнь, посещают дом терпимости и там, по Правилам, установленным в подобных заведениях, их встречают барышни-работницы, осуществляя обольщение новых клиентов. Шаман посоветовал Ученицам также не спешить превращаться, а всем вместе потихонечку продвигаться в освоении пространства Демонстрации. Тихоня отметил про себя, что не испытывал доселе такого удовольствия от работы. Шаман на время примирил его с Деятельской профессией, к которой у Тихони изменилось отношение на противоположное, и куда он ни за что не хотел бы возвратиться. Тихоня настолько увлёкся своим превращением (оно ему явно удавалось), что не сразу заметил помеху. Она была мала, почти не ощутима. Но как только на него обратились взоры девушек, он почувствовал, как его куда-то затягивает... Тихоня понял, что его зовут, но в отличие от случая со Стеблем, прямого сигнала не было. Его словно тянули за рукав и кто это был, Тихоня определить не мог – девушки стояли и сидели все вместе. Нужно было что-то решать и Тихоня, подняв руки к груди на случай внезапного

нападения, решил не сопротивляться...

Ему показалось, что мигнул свет, как при перепаде напряжения. Затем что-то ослепительно вспыхнуло прямо перед ним. Тихоня зажмурился и когда прошла боль и рассеялись красно-жёлтые облака, открыл глаза.

На тренировочных ящиках, где только что ему улыбались все девушки Группы, ссутулившись, сидела Свирель. Она была одна и не улыбалась. Тихоня также стоял в одиночестве. Учебная Комната, насколько он успел заметить, не изменилась.

– Привет, – грустно сказала Свирель.

– Привет, – ответил Тихоня.

– Как дела? – в том же тоне спросила Свирель.

– Нормально...

– Это хорошо... – сказала она, опустив голову. – Спасибо, что пришёл.

– Что случилось? – Тихоня подошёл и сел рядом. От Свирели исходило волнами странное излучение, невидимое, но осязаемое. Такого Тихоня ещё не встречал – оно было тёплое, тихое, немного детское и очень грустное. Именно его Тихоня принял за помеху. Здесь оно чувствовалось гораздо ярче и сильнее. Свирель теребила в руках маленький платочек.

– Тихоня, помоги мне, пожалуйста! – попросила Свирель, подняв глаза. – Она сейчас снова явится сюда!..

– Кто? – не понял он.

– Она... сестра, – ответила Свирель.

– Твоя сестра? – спросил Тихоня.

– Она постоянно приходит и мучает меня..., – заговорила быстро Свирель. – А я не умею сражаться... Она издевается надо мной... Говорит «либо ты, либо я»!.. Я не могу её уговорить, успокоить... она приходит и уничтожает меня... методично и планомерно... Понимаешь?..

– Не совсем. Что она делает? – спросил Тихоня.

– Я не помню..., – ответила Свирель, задумавшись. – Она что-то делает со мной... а потом я плохо себя чувствую... сил нет и голова кружится... и не помню ничего...

Тихоня огляделся. После «тёплого приёма» у матери Стебля можно сказать, что он приобрёл опыт встреч с воинственными женщинами, но как-то уж очень не хотелось ни с кем воевать, тем более с какой-то сестрой, которая судя по словам Свирели, пользуется отнюдь не кулаками и бранью, а чем-то похуже... так что потом ничего не помнишь...

– Может я попытаюсь её как-нибудь уговорить? – вслух подумал Тихоня.

– Попробуй, – раздалось из-за спины. Тихоня вздрогнул и обернулся. У стены стояла... Свирель. Тихоня ахнул от неожиданности.

– Прости, – раздалось с другой стороны. – Я не предупредила, что мы близнецы.

– Да-да, она у нас такая, – усмехаясь сказала сестра. – Вовремя не скажет, подставит, прикинется дурачковой... Умница, молодец!

Тихоня медленно встал и развернувшись к обеим сёстрам, отошёл на несколько шагов назад. Свирель сидела в прежней позе, склонив голову. Тихоня пригляделся к сестре. Она не была в точности такой же – на вид немного старше, полнее и, он сразу заметил, голос более грубый... Сходство лиц, конечно, поразительное и поначалу это сбивает с толку. Но потом видны различия, должно быть чем дальше, тем больше, и это успокаивало.

– Напрасно, – громко сказала сестра.

– Что? – спросил Тихоня.

– Напрасно вы успокаиваетесь, – глядя ему в глаза, ответила сестра. – И пришли вы сюда... напрасно... Не стоило этого делать...

Она медленно, не отрывая взгляда, пошла на него.

– Вы, как я погляжу, наивны и, более того, инфантильны, молодой человек, – продолжила она монотонно. – Без зазрения совести, вы лезете в чужие жизни, якобы помогаете... А кто-нибудь вас об этом просил? Позвольте поинтересоваться, любезный, какое вы имеете право вмешиваться? КТО вам его дал? Вы уверены, что оказываете помощь? Может, на самом деле, вы наносите непоправимый вред своими действиями?..

Тихоня почувствовал, что опять, как при встрече с За-

мом, начинает отключаться. Как будто на голову кто-то наматывал тонкую тянущую пластиковую плёнку. Слой за слоем. Тихоня пытался, но не мог разорвать её и отчаянно сопротивлялся. Голос сестры не останавливался, звучал всё глуше. Её лицо заполонило собою весь мир и кроме него ничего не стало видно. «Попался!», – подумал Тихоня. В этот момент он услышал глухой вскрик и сестра перестала говорить... Потом заговорила снова, но почему-то очень быстро и непонятно. Он не мог различить слова. «На каком языке она разговаривает, интересно?» – Тихоня хотел попросить, чтобы она говорила помедленнее, что он не понимает её. Но у него не было сил повернуть язык. «Тяжёлый!» – удивлённо оценил Тихоня. – «Совсем не могу поднять!..». Его часто качало вперёд-назад. Тихоня подумал, что началось землетрясение. Потом он понял, что куда-то едет на поезде. В купе вошёл проводник со стаканом чая и вдруг ни с того ни с сего плеснул им Тихоне в лицо. Горячий чай обжёг щеку...

– Тихоня быстрее! Просыпайся! Тихоня!

Проводник исчез. Перед ним стояла Свирель и трясла его за плечи:

– Ну, пожалуйста, Тихоня! Она сейчас очнётся! Быстрее!

Тихоня потрогал щеку.

– Это я... – виновато сказала Свирель. – Прости, пожалуйста! Я испугалась, что не разбуджу тебя! Прости!

– Ты умеешь... разбудить! – недоверчиво глянув на худень-

кую фигуру Свирели, заметил Тихоня. Он поморгал глазами и потрянул головой, взор прояснился. На полу лежала сестра, рядом с ней в стороне один из тренировочных ящиков...

– Это ты... Как ты его подняла?! – не удержался от изумления Тихоня.

Ящики были разных размеров, но этот как раз из тех больших и тяжёлых, до которых девушки галантно не допускались.

Свирель обернулась и с недоумением посмотрела на ящик:

– А... не знаю... так получилось. Просто я испугалась за тебя и... он подвернулся под руку...

– Ну, да... Спасибо! – пробормотал Тихоня, растирая затылок.

– Болит? – спросила заботливо Свирель.

– Жутко, – поморщился Тихоня.

– Ничего, пройдёт. У меня тоже всегда болит, после её ухода. Надеюсь, она не успела навредить, – Свирель покосилась на лежащую без чувств сестру.

– Я тоже... надеюсь! – сказал Тихоня, прикидывая что делать дальше. В голову ничего не приходило. Он осторожно подошёл к сестре и наклонился.

– Дышит? – спросила Свирель.

– Не вижу, – ответил Тихоня.

– Я её убила?

«Интересный вопрос!» – подумал Тихоня. – «А ЗДЕСЬ вообще умирают? Или нет? Или как в детской игре «войнуш-

ка» – досчитал до ста и снова живой?..». У него ещё не было возможности спокойно, как великий Касис, изучить пространства, в которые он попал. Или оно одно? Он даже не успевал подумать об этом – всегда надо было что-то срочно делать, предпринимать... Но ощущения-то во всяком случае точно реальные. И прикосновения, и дыхание, твёрдость земли или пола, чувство собственного тела... Нет-нет, надо обязательно этим заняться!..

Сестра пошевелилась и застонала.

– Может её связать? – испуганным шёпотом спросила Свирель.

– Может... а чем? – Тихоня машинально оглядел пустой пол Учебной Комнаты.

– Ну... чем-нибудь, – Свирель робко посмотрела по сторонам.

– Так... сейчас, – Тихоня надеялся, что его осенит какая-нибудь счастливая мысль. «Может сбежать?» – подумал он. – «Со Стеблем помогло!» – «Помогло! А здесь не поможет!» – «Почему?» – «Не знаю! Хватит мешкать! Бери её и убегайте!»...

– Тихоня, она сейчас... – Свирель схватила его за руку. – Нам с ней не справиться!..

И тут его всё же осенило... Как он мог забыть??? Проклятье!!! Стоп, стоп, спокойно, можно ещё успеть!

– погоди... смотри за ней! – Тихоня закрыл глаза, медленно выдохнул и установил внутри себя Тишину. Ту самую,

к которой когда-то стремился, нашёл, и о которой забыл. Ты, сперва по неопытности и недоверию страшную, а потом благодатную и щедрую, бесконечно спокойную и добрую. Открывающую новый невиданный Простор и Свободу, дарящую Отдохновение и Пробуждение, Новые Силы, все Ответы... Ты Тишину, которую помнит и жаждет каждая Душа и терпеливо ждёт... ждёт...

Через тысячелетия и через одну секунду появился Ответ. Тихоня взглянул на Свирель, взял её за руку и спокойно спросил:

– Ты хочешь строить свою жизнь?

– Да, – ответила Свирель.

– Ты хочешь строить её самостоятельно?

– Да.

– Ты готова услышать свою Душу?

– Да.

– Ты готова довериться ей?

– Да.

– Ты готова признать её уникальной и неповторимой?

– Да.

– Ты готова признать, что ты и есть эта Душа?

– Да.

– Ты готова отказаться от чувства вины?

– Да.

– Ты готова двигаться своим собственным путём?

– Да.

– Тогда прими Мир, Себя, Родных, Друзей и Чужих такими, какие они здесь и сейчас есть... Потом Отпусти... всех... И иди дальше...

Тихоня продолжал слушать Тишину в себе, но Слова больше не звучали. Он взглянул на Свирель и спросил её:

– Ты всё поняла?

– Да, я всё поняла, – ответила шёпотом Свирель. – Спасибо!

– Спасибо, – произнёс Тихоня сквозь Тишину в себе, дальше, туда откуда пришли Слова...

В Учебной Комнате стало светлее. Сестры уже не было, а тяжёлый тренировочный ящик стоял на своём первоначальном месте. Свирель и Тихоня заметили это и, улыбаясь, удивлённо переглянулись.

– Так лучше? – спросил Тихоня.

Свирель кивнула:

– Спасибо, дорогой! Я этого никогда не забуду!..

– Подожди! Скажешь, когда всё получится! – ответил Тихоня. – Хотя... всё уже на самом деле получилось... осталось только прожить это не теряя головы!

Он сконцентрировался и сделал шаг назад...

– Минуточку! – услышал Тихоня. Это не был голос Свирели. Неужели?.. Он открыл глаза... Да... действительно – перед ним, держа руки в карманах брюк, стоял Шаман. В Учебной Комнате по прежнему было пусто и светло. Тихоня заглянул за плечо Шаману – Свирель исчезла.

– Её нет, – сказал Шаман. – Я хотел поговорить без зрителей.

Он подошёл к сооружению из тренировочных ящичков, попробовал ближайший рукой на устойчивость и сел.

– Присаживайся, – пригласил он.

– Спасибо, я постою, – ответил Тихоня.

– Твоя правда, – улыбнулся Шаман. – Я ненадолго...

Он помолчал, глядя на Тихоню своим неприятным взглядом.

– Вот что я хотел тебе сказать, – начал Шаман неторопливо. – Прости за, быть может, излишнее любопытство, но, заметив, что ты Вышел, я не удержался и подсмотрел... Ещё раз прошу прощения за свою слабость... Так вот... Я впечатлён увиденным и услышанным. До сих пор мне не приходилось наблюдать ничего подобного и, честно говоря, я впервые вижу ТАКОЕ использование Выходов за Границу. И если ты делаешь то, что делаешь от Души, то я восхищён и полон уважения. ОДНАКО... не могу не согласиться с недавно высказанным... хм... соображением... о том, что ты, возможно, до конца не предвидишь последствий своего вмешательства. Понимаю, тебя позвали и попросили помощи, но, согласишься, не всякий кто просит помощи должен её получить. Или, иными словами, мы не можем знать, КАК именно этому конкретному человеку необходимо помочь и ЧТО послужит помощью... На мой взгляд тут кроется опасность невольного подлога, ложного мессиан-

ства, неосознанного самозванства... – Шаман остановился и вздохнул. – Ты, как человек, мне симпатичен и я бы не хотел, чтобы ты угодил в какую-нибудь ловушку по, вполне естественной, прости, незрелости... Будь осторожен!

– Хорошо, – ответил Тихоня. – Я обязательно подумаю об этом. Спасибо.

– Ты не очень-то доверяешь мне, – серьёзно сказал Шаман. – И, в общем, ты прав... Я всё понимаю. Но, поверишь ты или нет, от этого правда не изменится, я не слуга Белого Дракона, никогда им не был и уж тем более никогда не смотрел на мир его глазами, – он усмехнулся. – У меня на этот случай имеются свои!.. Ну, да ладно... Вот ещё что... Если тебе понадобится моя поддержка, можешь смело на меня рассчитывать! И последнее... Пожалуйста, не используй для частных бесед Музыкальное Крыло. И любое другое тоже. И Школу вообще. Про ваш разговор с Волком, кроме меня, уже знают и Белый Дракон и Зам... а может и ещё кто...

– Мы говорили о чём-то запрещённом? – спросил Тихоня. Ему стало неприятно, что кто-то узнал о нём больше, чем он бы того хотел.

– Как ты знаешь, у нас нет нынче ничего запрещённого!.. – ответил Шаман. – И тем не менее, самого факта ТАКОГО разговора достаточно... хотя бы для Белого Дракона. Он может считать это предательством и в таком случае его реакция непредсказуема!..

Тихоня недовольно покачал головой.

– Да-да, – улыбнулся Шаман. – Добро пожаловать в Школу! Вот так здесь всё сложно.

– Это не сложно, – возразил Тихоня. – Это глупо... и бессмысленно!

– Возможно, – добродушно согласился Шаман. – Но я счёл своим долгом тебя предупредить...

– Спасибо, учту, – спокойно ответил Тихоня. Теперь сверлящий взгляд Шамана перестал быть для Тихони чем-то необъяснимо страшным и грозящим.

«И чего я его боялся?!» – подумал Тихоня. Шаман улыбнулся, поднялся и, кивнув, исчез.

15

Белый Дракон появился в Группе в самом конце года, буквально в последний день, бодро и спокойно прошествовав в Учебную Комнату с таким видом, словно выходил в магазин за сигаретами. Он вёл себя уверенно, как хозяин, по-своему шутил с Учениками и напоминал наевшегося толстого домашнего кота, получившего сполна всего чего только мог пожелать и точно знавшего, что этого всего ещё очень много и оно никуда от него не денется... Шаман тут же затих, незаметно отошёл на второй план, по обыкновению изредка подавая согласные замечания. Такое настроение Белого Дракона успокаивало и тревожило Тихоню одновременно. С од-

ной стороны, хорошо, что Белый Дракон доволен и расслаблен, по меньшей мере, можно не ожидать скорых повергающих громов, с другой же стороны, это было и подозрительно – неизвестно что он придумал и какую новую роль, если имел такое намерение, предложит Тихоне.

Господин Первый Руководитель, потирая руки, сразу потребовал «что-нибудь ему показать», подразумевая под этим подготовленную Шаманом Учебную Демонстрацию. Просьба была незамедлительно выполнена, после чего Белый Дракон потратил всё оставшееся время на неторопливый, со вкусом, разбор «бесчисленных» достоинств и «отдельных» недостатков ученической работы. Тихоня редко о чём сожалел, но эту Демонстрацию ему было жаль, потому что Белый Дракон в превосходных степенях оценивший работу всех и каждого (включая Шамана), клятвенно пообещав продолжить её, с таким же благодушием, с каким хвалил, отправил едва рождённое «дитя» в тёмный, переполненный чулан своих планов, где оно сгнуло безвозвратно.

Вдоволь наговорившись, Белый Дракон вспомнил, что нынче канун Праздника, поздравил присутствовавших и объявил на сегодня занятия оконченными. Учебная Комната оглушительно быстро опустела, оставив приунывшему Тихоне, как определённом честным расписанием счастливицу, почётную обязанность неотменимой дежурной уборки. Белый Дракон, сопровождаемый Шаманом, уходил последним. Тихо напевая себе под нос какой-то марш, он допил свой ру-

ководительский чай и, подхватив любимую сумку на плечо, пританцовывая, прошагал до двери в подсобку. Открыв её он остановился, пропустил вперёд Шамана, потом повернулся к Тихоне, показал ему оттопыренный вверх большой палец, сказал улыбаясь «Молодец!» и вышел.

Тихоня был озадачен необычным поведением Первого Руководителя, но данное себе в тот момент обещание непременно выяснить причину, впоследствии позабылось им, скрытое, как слоями краски, новыми событиями. Белый Дракон таким более не являлся перед Учениками, а Тихоню казалось и вовсе перестал замечать до поры до времени...

Оставшись один, Тихоня с грустью осмотрел фронт работ и понял, что Праздника у него сегодня не будет. Но поскольку встречать его всё равно не с кем, то, как любит выражаться Волк, «и пёс с ним». Тихоня поднялся и потащился в подсобку за шваброй с ведром. Подняв ногу, он хотел смачно, с чувством, пнуть дверь, как вдруг она распахнулась и Тихоня, провалившись, нос к носу столкнулся с Волком. Тот загадочно улыбался, как будто пришёл сообщить нечто очень радостное, вроде того, что дежурства отныне раз и навсегда отменяются.

– Ну, как дела? – с энтузиазмом спросил Волк.

– Хорошо, – вяло ответил Тихоня.

– Убираешься? – уточнил Волк.

– Сейчас начну, – ещё более вяло сказал Тихоня.

– Прекрасно, – не обращая внимания на тихонино настро-

ение, оценил Волк, приподнявшись на носках и заглянув в Учебную Комнату.

– А ты что... чего-то забыл? – спросил Тихоня.

Волк, улыбаясь, помотал головой:

– Я пришёл тебе помочь!.. А то ты тут до утра застрянешь!

– Спасибо, – обрадовался Тихоня. – Это что, уже пошли новогодние подарки... досрочно?

– Точно! – весело ответил Волк и, отстранив Тихоню, решительно вошёл в Учебную Комнату.

Вдвоём дело заладилось и Тихоня понемногу заразился весёлостью Волка. Болтая о каких-то пустяках, перешучиваясь, они на удивление быстро убрали весь мусор, вымыли полы и чайные чашки, расставили стулья, навели порядок в неисправимо беспорядочной подсобке. И, даже с некоторым сожалением обнаружив, что переделали всё что можно и нельзя, засели на диван отдохнуть.

– Ну вот! – сказал улыбаясь Волк. – Теперь ты успеешь к Празднику!

– Спасибо, что помог, – откликнулся Тихоня. – Встречать мне его, правда, не с кем... Но всё равно, спасибо!

Волк задумчиво пощипал короткую бороду.

– Знаешь что?.. Тебе нужно начать привлекать в свою жизнь новых людей, – сказал он.

– А как? – спросил Тихоня.

Волк немного помолчал и ответил:

– Есть такая теория... ммм... основной тезис которой

вкратце звучит примерно так: «Работа, любая работа, тобою производимая привлекает к тебе людей...».

– И всё? – спросил Тихоня.

– Всё, – легко ответил Волк. – А что ты ещё хотел? Все настоящие рецепты просты... Вот, например. Мы сейчас с тобою проделали некую работу...

– Имеется ввиду физическую? – перебил Тихоня.

– Предпочтительно, – кивнул Волк. – Так вот... мы проделали работу... физическую... Эээ... и согласно данной теории... ммм... кто-то должен, или, точнее сказать, может... сюда явиться. Прямо сейчас.

Тихоня усмехнулся:

– Ха! Неудачное время для практического подтверждения твоей теории – кроме нас в Школе в эту минуту, не считая охраны, могут находиться только разве что ненормальные... которых ещё поискать. И я не уверен, что можно найти... А если кто-то и торчит здесь, то с нами явно не знаком. А зачем чужим людям к нам являться? Мне кажется, что ты...

Он не успел закончить фразу, как в дверь из коридора постучали.

– Ого!.. – невольно вырвалось у Тихони. Он посмотрел на Волка. Тот довольно улыбался. Тихоня подошёл к двери и, не без волнения, открыл.

В коридоре стояла девушка. Он видел её раньше. Это была незнакомка из параллельной Группы, Деятельской, куда он собирался поступать. Тихоня не знал как её зовут и ни ра-

зу не говорил с нею. Они давно уже переглядывались украдкой, когда случайно их школьные пути пересекались. Но для Тихони было немислимо подойти и заговорить. Не то чтобы он сильно робел. Он не делал этого по другой причине. Ему всегда казалось, что он не сумеет вести разговор, что понравившейся ему девушке будет не интересно с ним и кроме «здравствуйте, как вас зовут» он не сможет ничего сказать. Вариант развития событий, который представлялся Тихоне выглядел очень глупо, поэтому он решил, что не стоит и пробовать...

– Здравствуйте, – сказала девушка, улыбаясь.

– Здрсьте, – выдавил Тихоня, задеревеневшим ртом.

– У вас случайно не найдётся спичек? – спросила девушка.

– Эээ... да, наверное, есть, – сказал Тихоня, соображая. – С-сейчас...

Он повернулся всем телом к Волку. Тот уже стоял рядом и протягивал ему коробок.

– Вот, – повернувшись обратно, Тихоня вложил спички в руку девушки. Рука была тонкая и тёплая.

– Спасибо, – улыбнулась девушка и пошла по коридору в сторону своей Учебной Комнаты.

Тихоня закрыл дверь и посмотрел на Волка.

– Работает!... – шёпотом сказал он.

– Работает, – подтвердил Волк.

– Как ты думаешь, это ОНО? – спросил Тихоня.

Волк неопределённо мотнул головой:

– Может ОНО... а может и нет. Не проверишь – не узнаешь!..

– Так чего... за ней что ли пойти? – спросил нерешительно Тихоня.

– Почему бы и нет? – ответил Волк.

– Тогда я пошёл, – сказал Тихоня. – Проверять...

– Давай! Главное, спокойно и уверенно. Просто поговорить и всё... – Волк открыл дверь и хлопнул Тихоню по плечу.

Учебная Комната параллельной Группы находилась неподалёку. Нужно было пойти по коридору направо, пройти мимо узкой винтовой лестницы, потом мимо Комнаты Звукового Воздействия, затем дойти до другой лестницы, она чуть больше и квадратная, спуститься на полпролёта вниз и вот перед тобой большая двустворчатая дверь с поясняющей табличкой гласящей, что это такая-то Группа, Первый Руководитель такой-то, Второй – такой-то. В некоторых Группках преподавали по три-четыре или даже больше Руководителей, тогда таблички выглядели внушительно и солидно.

Тихоня догнал девушку у самых дверей. Она услышала шаги за спиной, оглянулась и, остановившись, повернулась к Тихоне.

– Здравсьте, – выдохнул он, слегка запыхавшись.

– Здравствуйте, – ответила она, улыбаясь.

– Я... вот... тут... хотел..., – начал Тихоня. Девушка тер-

пеливо смотрела на него. Она была красивая. Очень. Немного вытянутое лицо, длинные вьющиеся светлые волосы, чётко очерченные губы, большие чёрные глаза... Они глядели бесстрастно и в то же время внимательно-участливо. Взор их притягивал к себе и хотелось не говорить, а смотреть... Точнее, не смотреть, а... заглянуть, войти в них ... И они сами звали... Они приглашали сделать это... И невозможно было отказаться от приглашения... И... он не отказался...

...Тихоня стоял у тонированной стеклянной стены. За нею, с лёгким синим оттенком белел день, нескончаемой вспышкой делая ослепительно яркими полотно Проспекта, скусающие фонари, кружева проводов, сверкающие бока дорогих самоходок. Солнечный свет резвился и, словно пригоршнями драгоценных камней, играл женскими украшениями, браслетами часов, пряжками на ремнях, оправами очков, замками сумок и портфелей. Стеклянная стена то и дело раздвигалась посередине дверями, впуская и выпуская людей. Сулицы принимая хорошо прожаренных, раскрасневшихся и потных, отдавая взамен усюкоенных, остывших и довольных. Первые приносили с собою душиные комья иссушенного воздуха, которые тут же растворялись в принудительной прохладе помещения, показавшегося Тихоне до крайности знакомым. Он отвернулся от стекла и посмотрел в темнеющую, по сравнению с улицей, глубину. Это были Центральные Городские Кассы. Всё здесь сильно переменя-

лось, но он узнал это место. Тихоня считал его чрезвычайно любопытным в своём роде. Центральные Городские Кассы не являясь никоим образом заведением развлекательным, по популярности могли соревноваться с любым из них. Они обладали в определённой степени волшебством. Внимательное чувство заметило бы гуляющий по их залам ветер надежд, дрожание восторга, предвкушение счастливых приключений и, пусть временной, но свободы. Бывало в этих залах и другое – печальные родственные обязанности, выполнение долга, служебного или военного. Однако ни долг, ни печаль не только не омрачали, но даже совершенно беззвучно тонули в атмосфере обещающей скорый праздник Отдыха и Перемен, так что в Центральных Городских Кассах смело можно было проводить курс терапии от уныния и депрессии. Тихоня задумался. Что он здесь делает? Может проводит для себя такой курс? Или пришёл за билетами в Счастье? Нет, он попал сюда случайным, недолгим гостем и стоит в прихожей потому что чего-то или кого-то ждёт... или просто спасается от преждевременного солнечного удара... или... Но тут все вопросы были разом сняты – появилась она и Тихоня вспомнил, что сам назначил ей свидание. Первое свидание. Она опоздала почти на час. Извинения были приняты и они, выйдя в жар улицы, под скудной тенью домов неспеша отправились «куда глаза глядят»...

...Голова болела всё сильнее. В начале прогулки ещё вполне терпимо, но теперь невыносимо, мучительно. Хоть это и не

было болью в обычном понимании – сперва по миллиметру превращая лицо в тяжёлую каменную маску, а затем словно прессом изнутри выдавливая мозг. Тихоня не знал, что чувствуют камни, но того, что ОН чувствовал ему было достаточно, чтобы не хотеть быть камнем. Он стоял во дворе около её дома и слышал сквозь медленно нарастающий гул в голове, как она рассказывает о том как жила с родителями далеко за всеми Пределами, у Океана, что видела и очень боялась там больших кровожадных рыб-людоедов, что любит путешествовать и при первой же возможности уедет, снова говорила о том, чего любит и не любит, какие в её комнате висят плакаты и что она думает о свободе. Ему казалось, что она смотрит на него с едва скрываемой ненавистью и лицо её, такое прекрасное и манящее, неузнаваемо изменилось – она зачем-то хочет уничтожить его, убить его, стереть любую память о нём, почему-то хочет чтобы его не было... «За что она меня так ненавидит?» – удивлённо думал Тихоня, борясь с болью. – «Что я ей сделал? Мы же просто гуляли и разговаривали. Я не обидел её ничем. Странно!...». Потом он понял, что она прощается с ним и уходит. Не оборачиваясь. Дверь её подъезда захлопывается. Он некоторое время продолжает стоять и смотреть ей вслед. Боль останавливает свой разбег и – о счастье! – начинает спадать, растворяться, утекать в безразличную, плавящуюся под ногами тротуарную плитку...

...Горячий день сменяется душиным электрическим вече-

ром. Они чего-то ждут. Зал пуст. Или почти пуст. Кроме них, сидят и стоят ещё несколько человек. Тихоня догадывается, что они ждут Демонстрацию. Он даже знает, где они находятся. «Замок», так называется это место, этот филиал Центра Воздействий. Кто-то из одноклассников пригласил их придти посмотреть его работу Созидателя. Не ученическую, разумеется, а уже настоящую, профессиональную. Они, конечно, с удовольствием согласились. Но сегодня Тихоня плохо себя почувствовал, а когда такое происходит, он не любит вообще выходить из дому. Предпочитает отсидеться. Но она всё-таки потащила его. Он кладёт голову на скрещенные на переднем кресле руки и пытается себя уговорить, что всё будет хорошо. Народу почему-то не прибавляется и Демонстрация всё никак не может начаться. «Скорее всего она и не состоится!» – думает Тихоня. – «Зачем я здесь?». Он поднимает голову и смотрит на свою спутницу. Она никогда не меняется, всегда такая же красивая и безупречная, всегда холодно и жёстко может высказаться на любой, в том числе и на твой, счёт. И ты будешь чувствовать себя облитым ледяной водой в мороз. И всегда пребывать в недоразумении, задаваясь вопросом – любят ли тебя хоть немножко или нет?..

Она смотрит на него своим чудным взглядом, который он не находит теперь чудным и манящим. Тихоне становится хуже, губы немеют и тело будто начинает стремительно терять свой вес, превращаясь в воздушный шарик. Остаёт-

ся только дунуть как следует и он улетит... но не в небо, а в какое-то другое пространство без воздуха и жизни... Тихоня видит, как она открывает рот и что-то говорит ему, выражая недовольство. Но ему уже наплевать – он не хочет, чтобы у него немели губы, отказывал слух, слабело тело и превращалось в воздушный шарик. Ему не хочется никуда улетать, тем более туда где нет жизни. Он и только он единоначальный хозяин самому себе, своим фантазиям или своей реальности. Он – единственный Начертатель своей судьбы. И как настоящий Начертатель он резко смахивает рукой всё начертанное...

Девушка ждала. Она смотрела на него и слегка улыбалась. Всё было на своих местах – большая двустворчатая дверь с табличкой, бежевые голые стены, лестница со стёртыми скользкими ступенями, благодатная прохлада и тишина... и ещё... возможность выбора...

– Я хотел сказать, – очень спокойно произнёс Тихоня, – что желаю вам в новом году всего самого лучшего!..

– Спасибо, – ответила девушка и протянула ему руку. Рука была тонкая и тёплая.

Тихоня домучил свой уже дневной чай и дабы не киснуть в четырёх стенах, решил всё же отправиться в парк – более

подходящее и приятное для воспоминаний или размышлений место. Скамейки в нём давно уже были либо разбиты и сожжены, либо унесены неведомыми силами в неизвестном направлении. Но сметливые граждане не терялись и пользовались любым подходящим под сиденье местом – поваленными, не успевшими исчезнуть стволами, бывшими каменными бортами дренажных канав. Самым везучим доставались пеньки от срубленных администрацией больных деревьев. Тихоня оказался в числе самых везучих, он нашёл такой пенёк и удовлетворённо водрузился на него. Пенёк был ровный и удобный. Тихоня подумал, что на нём можно просидеть долго не устав, почти как на стуле в Учебной Комнате, только спинки нет. В парке в основном хорошо пахло и, если не смотреть вниз, то можно неплохо провести время, обманув себя утверждением, что ты находишься в лесу. Правда, для этого нужно ещё заткнуть уши. Однако Тихоня не привередничал и довольствовался тем, что имел. Запах листвы и травы он отделял от запаха вечно где-то рядом готовящегося мяса, пение птиц от шума окружавших парк улиц, к которым совсем не испытывал ненависти и не отворачивался, а по собственному произволу умел игнорировать.

Чего он не умел игнорировать, так это откуда-то появившейся чёрствости Белого Дракона. После Новогоднего Праздника, бесцветных, скучных Экзаменов и недельных сонных каникул, Первый Руководитель повёл себя неожиданно. Он стал активнее чем раньше и довольно грубо пра-

вить ученические работы, зачастую до неузнаваемости меняя их, перестал рассказывать занимательные небылицы, начал придирается к Ученикам, избрав постоянными жертвами нескольких, точнее, двух – Молчуна и Громобоя. Первому удавалось каким-то образом оставаться на плаву, а вот второму не повезло – на одном из уроков Белый Дракон застал его спящим, да так глубоко и сладко, что пришлось будить его громким криком. Это было уже слишком и переполнило чашу терпения господина Первого Руководителя, следствием чего явилось отчисление несчастного Громобоя. Без апелляций и разговоров. Высоченный, добродушный Громобой безропотно принял свою участь. Тихоня бывший свидетелем некрасивой сцены, когда Громобой вылетал со свистом из Учебной Комнаты, сгоряча попытался было Выйти за Границу для контакта с ним. Но у него не получилось. Испытав нечто вроде удара о кирпичную стену и попутно почувствовав сильнейшее сопротивление с обратной стороны, Тихоня сразу отступился. Немного поостыв, он принял для себя на будущее за аксиому, что не стоит увлекаться помощью, когда спасаемый вовсе не терпит бедствия или не хочет быть спасённым... Громобой, казалось не был в восторге ни от Школы, ни от своего нахождения в ней. Он будто случайно проходя мимо, зашёл и остался, сам не зная зачем ему это нужно и нужно ли вообще. Он любил поговорить, весело провести время, ни о чём не заботясь, забывая всё на свете. Из-за этого своего качества он постоянно опазды-

вал на уроки, иногда не приходил совсем и, кроме того, испытывал терпение Белого Дракона сомнительными экспериментами, которые сам же не мог объяснить. То он материализовывал в Учебной Комнате большой общественный туалет во всех подробностях, то превращался в гигантского комара с огромным сверлом вместо жала. А как-то раз сотворил нечто в крайней степени непонятное. Встал посередине Комнаты и невыносимо долго наполнял окружающее пространство разным хламом. Именно хламом – старой разбитой деревянной мебелью, остатками кроватей с металлической сеткой, ржавыми гармошками радиаторов отопления, пучками длинных сухих веток, неисправными осветительными приборами, вроде тех, какие используются в Центре Воздействий, несметным количеством каких-то тряпок, прохудившейся обуви, сломанных игрушек – всем тем, что можно увидеть на Городской Свалке. Белый Дракон зверея с каждой сигаретой интеллигентно терпел, очевидно в ожидании равноценного оправдания творившегося бедлама. Наконец, Громобой закончил. Стоя в центре бесформенной кучи мусора до потолка, он простёр вперёд руки и, с идиотской улыбкой на лице, пригласил всех к себе... Белый Дракон белея и глубоко затягиваясь, тихо поинтересовался что хотелось своею работой сказать уважаемому Ученику Громобойю. Тот, подумав, ответил, что до конца ещё с этим не определился, и просто так чувствует. Белый Дракон уже совсем тихо спросил ЧТО ЖЕ уважаемый Ученик Громобой чувствует.

И после размышлений Ученика, получив от него ответ, что с этим он тоже ещё не решил, Белый Дракон не выдержал и взорвался. Тихоня тогда подумал, что даже отчисления не понадобятся – Господин Первый Руководитель вдруг вско-чил и со страшным шумом изрыгнул из себя широкую струю пламени и дыма, в которой Громобой не должен был выжить. Но когда дым рассеялся, все с облегчением увидели, что он живёхонек, замер там же где стоял, испуганный до смерти. Вокруг него было пусто. Громобой счастливо отделался – весь свой гнев Белый Дракон направил на созданную помой-ку. После этого случая, Громобой немного поутих, старался лишний раз не попадаться Белому Дракону на глаза. Ему это хорошо удавалось вплоть до того дня, когда он уставший от зарабатывания денег в свободное, и не только, время, заснул на уроке...

Но первым под горячую руку попал Молчун. Белый Дракон изо всех своих методов обучения особенно любил и постоянно пользовался одним. Он требовал чтобы выбранный им Ученик в максимальных подробностях объяснил для чего он делает ту или иную работу, что имеет ввиду, каков строй и ход его мыслей, почему он делает так а не иначе и тому подобное. Ученик должен был отвечать чётко, по-возможности кратко, по существу, а главное быстро. Вот тут и обнаружилась серьёзная проблема. Молчун, бледный худощавый молодой человек, не мог выполнить главного требования Первого Руководителя. У него была необычайная мане-

ра речи, в быту менее заметная, но когда Молчун с кем-нибудь говорил публично, на том же уроке, он начинал делать большие паузы, строить длинные фразы, растягивать слова. Не ясно отчего это происходило, сам Молчун уверял, что не волнуется и не чувствует разницы. Белый Дракон поначалу сдерживался, но потом стал раздражаться с каждым разом всё сильнее. Однажды Молчун создавал Индивидуальную Демонстрацию. Ему удалось сотворить замечательную обстановку, окружение действия. Через минуту после выхода на площадку Учебной Комнаты, Молчун создал фрагмент леса, пруд, травянистый берег и на нём палатку. А потом сам очутился на небольшом плоту с длинным шестом в руках, отталкиваясь им от берега. Тихоня, как зритель, был заморожен и его совсем не интересовало для чего Молчун это сделал, он был уверен, что дальше не разочаровался бы в увиденном. Но что предполагалось показать дальше никто не узнал, потому что вдруг раздался громкий голос Белого Дракона:

– Что это такое?..

Всё тут же пропало, а Молчун расширив глаза, остался стоять в той же позе на пустом паркете пола.

– Я тебя спрашиваю, Молчун, что это такое?

– Нуу... яа... чтобы...

Видно было, что Молчун растерян и не может выйти из ступора. Тихоня подумал, что сейчас Белый Дракон, заметив это, сменит тон, поможет Ученику. Но Первый Руководитель

разразился длинной речью о недопустимости показанного безобразия, никчёмности таких работ и отдельно остановился на «главном качестве» Созидателя – умении быстро и чётко отвечать. Молчун обескуражено улыбался, быстро моргая глазами. Он тщетно пробовал вставить слово в монолог Первого Руководителя. Белый Дракон как будто не замечал и не останавливался. Молчун поискал глазами поддержки. Группа безмолвствовала, кто опустил голову, кто бесстрастно наблюдая. Его явно надо было спасать! Тихоня, медленно выдохнув, сосредоточился на Выходе... Молчун в эту секунду не смотрел в его сторону, но Тихоня почувствовал, что это и не нужно. Он нашёл другой способ, более действенный. Он сам превратился в луч и устремился к Молчуну...

Тот метался по маленькому плоту, который ритмично, то с одной то с другой стороны, сглатывали поднявшиеся волны. Можно было подумать, что Молчун танцует какой-то ритуальный танец. Шест качался в воде рядом с берегом. Плот был метрах в трёх. Тихоня на ходу отметил, что пруд не совсем пруд. Точнее, совсем не пруд, а скорее небольшое озеро. Молчун беспомощно шарахался из стороны в сторону и что-то мычал. Тихоня подбежав к краю берега, попытался достать рукою шест. Пару раз ему удавалось зацепить его пальцами, но шест выскальзывал и нырком отпрыгивал крутясь в воде. Плот с Молчуном медленно но верно уплывал. Тогда Тихоня прикинув расстояние, раз-

бежался и прыгнул в сторону плота. «А вода ЗДЕСЬ настоящая», – мельком подумал Тихоня, ощутив как от холода сжимается кожа. Он надеялся, что достанет ногами дно, можно будет оттолкнуться и добраться до Молчуна. Но прыгнув он провалился в пустоту и телу пришлось срочно вспоминать рефлекс своего спасения на воде. Тихоня отчаянно задвигал руками и ногами. Пловец он был слабый, к тому же не помнил когда плавал последний раз. Вырвавшись на поверхность, он увидел, что до плота всё те же три метра, а значит достаточно двух хороших рывков, чтобы добраться до него. Молчун, заметив Тихоню, перестал дёргаться, встал на колени протягивая ему руку. Вместо двух рывков получились все четыре, но они вполне удались Тихоне, он ухватился за Молчуна и тот втащил его на плот, сразу почти полностью погрузившийся в воду.

– М... ммм...мммм, – произнёс Молчун, озабоченно глядя на Тихоню.

– Всё будет хорошо! – почему-то крикнул Тихоня и понял, что перекрикивает какой-то шум. Плот сильно закачало, так что пришлось ухватиться руками за края чтобы не свалиться в воду. Поднялся ветер, резко потемнело и Тихоня увидал, как прямо на них с громким шелестом быстро движется серая стена дождя. Сверху громыхнуло. Раз, потом ещё и ещё. Затем обрушилось всё сразу – и ливень, и грохот, и молнии. Тихоня не успел заметить как далеко они отплыли, теперь было ничего не видно и даже если прыг-

нуть в надежде добраться до близкого берега, то в какую сторону прыгать не понятно... Плот крутило и болтало, как в настоящий шторм. Тихоня, правда, никогда не попал в настоящий шторм, но по книгам выглядело очень похоже. «Ничего себе, пруд!» – подумал Тихоня. Молнии били как-то картинно, неестественно – частыми синевато-белыми тонкими ветками в воду вокруг плота. Это было несколько не страшно, а забавно. Где-то совсем рядом вспыхнуло и зашипело... «Стоп!.. Что за чепуха?..» – Тихоня посмотрел на свою руку, держащую край плота, вместе с нею погружённого в воду, и расхохотался.

– Молчун! – крикнул он. Молчун округлившимися глазами шарил по сторонам.

– Молчун! – снова позвал Тихоня. – Это всё декорация, обман!.. Слышишь?.. Не бойся, нет никаких молний!

Молчун повернул голову.

– Ты понял меня? – крикнул Тихоня. – Это фуффло!.. Молния, – он показал наверх. Молчун проследил взглядом и кивнул. – Молния липовая!.. И гром с дождём... всё липа!

Молчун с недоверием уставился на Тихоню.

– Нас уже давно убило бы током! Понял? – улыбался Тихоня.

Молчун задумался и ухмыльнувшись, закивал головой.

– Надо заканчивать представление! – крикнул ему Тихоня.

– Осталось только понять как, – сказал он самому се-

бе, оглядываясь. Шторм не утихал, но и не усиливался, как будто задумался продолжать ли дальше.

– Эй! Кто бы вы ни были! – закричал Тихоня, хотя был полностью уверен, что это Белый Дракон. – Можете так не стараться. Ваши спецэффекты впечатляют, но мы всё поняли... и не боимся!

Молчун поднял кулак и потрясая им, что-то сердито промычал. В этот момент сверху треснуло особенно сильно и громко. Всё исчезло.

Тихоня обнаружил себя совершенно сухим, сидящим на своём стуле, как до момента Выхода. В ушах затухающим эхом отзывались отголоски ливня, грома и треска молний, а обоняние удерживало запах пресной озёрной воды и травы. На площадке Учебной Комнаты стоял Молчун. Он был серьёзен и спокоен, но на лице ещё проступала недавняя сердитость.

– Ну, хорошо, – примирительно сказал ему Белый Дракон. – Будем считать, что ты меня убедил. Но в следующий раз постарайся, пожалуйста, получше подготовиться. В том числе, к теоретическому обоснованию своих действий. Ты, как будущий Созидатель должен уметь объяснить всё до последней запятой Деятелям. Иначе они тебя съедят живьём. Понял? Я же о ТЕБЕ забочусь!.. А так молодец – антураж хорошо сделал. Садись.

Тихоня внимательно следил за Белым Драконом и ждал

его реакции. Однако никакой реакции не последовало. Господин Первый Руководитель, не глядя в сторону Тихони, и вообще ни в чью сторону, спокойно спросил будет ли кто-нибудь что-нибудь показывать и не найдя добровольцев, принялся «доводить до ума» учебную работу Пружины, блестяще показанную день назад, поразившую всех и, должно быть поэтому, представлявшую для Белого Дракона богатые возможности реализации его неудержимой фантазии...

17

А в скором времени он нашёл неизмеримо более богатые возможности. На очередном уроке, не предвещавшем ничего дурного, Белый Дракон, посидев перед всеми в глубокой задумчивости минут пятнадцать, заявил, что ему не нравится то, как Группа работает и потому, он в нарушение своих преподавательских планов, досрочно, объявляет о начале создания Учебной Демонстрации... К ней, по словам Белого Дракона, он готовился чуть ли не всю жизнь, написал специальный План Созидателя и Ученики должны проникнуться важностью самой темы, которую он во всех деталях им раскроет, осознать возлагающиеся на них большие надежды и большую ответственность.

Демонстрация состоится в рамках общего, для всей Группы, Финального Экзамена Первого Года Обучения и призвана показать Высшему Руководству Школы, что, как вы-

разился Белый Дракон, «мы не просто так здесь время проводим!». Ученики расценили заявление Первого Руководителя, как «свежее» предложение в приказном порядке поиграть в уже знакомую им игру «Центр Воздействий», но восприняли его благосклонно – всё же это было лучше, чем усыпляющие разборы робких ученических проб или нудные и пыльные лекции о мастерстве Созидателя.

Группа в целом оживилась. Каждый получил свои личные обязанности касающиеся технической стороны дела, а также Образы для превращения. Как позже выяснилось, далеко не все были довольны этим распределением, но поначалу все с удовольствием принялись за работу. Сюжет будущей Демонстрации был целиком и полностью, то есть вместе с текстом, позаимствован Первым Руководителем из широко известной книги одного знаменитого доктора, между делом баловавшегося Словесностью и являл собою невесёлую историю, повествующую о неизбежной трагической судьбе всякого, кто вздумает мыслить самостоятельно и попытается жить не так как все... Тихоне достался, подробнее остальных описанный автором, Образ якобы спятившего человека, тоже доктора, который в результате своих размышлений попадает сперва в дом душевнобольных, а в финале погибает нелепой смертью «храбрых»... Не питая любви к подобным темам, но связанный ученическими обязательствами, Тихоня со старанием принялся за работу.

Тренировки с Белым Драконом разительно отличались от

того, что делал Шаман. По сути это были те же уроки, со множеством слов сквозь туман сигаретного дыма и тягостной атмосферой сплошной неудачи. Через час после начала каждой тренировки Ученики резко уставали, принимались зевать и теряли интерес к происходящему. Спустя два-три дня никто уже ничего не хотел, никуда не рвался и не было такого человека, каковой не хотел бы поскорее закончить и разойтись. Тихоня чувствовал то же самое, и даже сильнее, поскольку его Образ был одним из главных и требовал постоянного присутствия на месте действия. Но Тихоня не сдавался, напрягая все силы, всё своё чувство долга, чтобы не ударить в грязь лицом и показать, что «он не просто так здесь время проводит!»... И как ни старался, ничего не получалось. Ни о каком превращении нечего было и говорить. Обстановка или, как говорили, антураж, не удавался. Всё рассыпалось на глазах. Белый Дракон день ото дня медленно свирепел, но сдерживался и терпеливо растолковывал Ученикам высокие идеи, по его мнению, заложенные в сюжете, и которые, как он считал, одни способны сподвигнуть подопечных к плавному и осознанному превращению. Подопечные же, против ожидания, с каждым днём всё больше тупели и отказывались понимать не только высокие идеи, но и простые задания – не правильно концентрировали внимание, не верно адаптировались, безграмотно маскировались, а также стояли, сидели, говорили не так, упорно не превращались и разочаровывали Первого Руководителя несказан-

но. Атмосфера напоминала просыпающийся вулкан, и Тихоня со дня на день испуганно ждал прорыва огнеубийственной лавы. Каждый раз приходя на тренировку, он готовился к худшему. Воображение рисовало ужасающие картины по меньшей мере разгона и закрытия Группы, а по большей, немедленного уничтожения всех Учеников с развеянием их пепла через три окна во двор-колодец.

Как всегда, произошло нечто нелогичное, совсем уж не ожидавшееся и не предусмотренное воображением.

В один из дней отработывали фрагмент Демонстрации, в котором тихонин «доктор» вспоминает свою возлюбленную молодости, её Образ поручили Веточке. Диалог между ними должен был быть романтически-ажурным, потому что проходил в воспоминаниях. По замыслу Белого Дракона воспоминания начинались с красивого танца, кружившего героев. У Тихони тот день с утра по-особенному не задался и несложные движения ни в какую не хотели получаться. Шёл уже второй час тренировки. Все утомлённо-раздражительно ждали когда же, наконец, у Тихони выйдет. Но у него не собиралось выходить. Из чего безнадёжно ожидающим становилось ясно, что он на самом деле самый тупой из них и, по видимому, ещё издевается, старательно не попадая в такт, поминутно сбиваясь и прося разрешения начать всё с начала. Тихоня и сам страдал от безысходности ситуации, безуспешно силясь выбраться из ямы, и только опускаясь всё глубже. Он поглядывал на Белого Дракона, в чьей власти бы-

ло прекратить всеобщие мучения. Но тот не подавал голоса, ненавистно затягиваясь сигаретой, ненавистно выпуская ненавистные клубы дыма и чуть заметно улыбаясь ненавистной улыбкой. На остальных Тихоня старался не смотреть, чуя кожей уничтожающие взгляды. И только Веточка взглядывала на него с состраданием и покорно терпела. Когда очередной раз Тихоня сбился и под негодующий хоровой вздох попросил начать сначала, он вдруг понял, что если теперь же что-нибудь не сделает, то пытка будет продолжаться вечно или, по крайней мере, до тех пор пока все не умрут от голода, жажды и истощения. Он отпустил Веточку. Не обращая ни на кого внимания, закрыл глаза. Глубоко вдохнул. Очень медленно со звуком выдохнул. Услышал в себе Тишину и...

– Подожди!.. – услышал он голос Веточки. – Подожди, пожалуйста!

Тихоня открыл глаза. Веточка стояла близко перед ним, так что он чувствовал губами её тёплое дыхание. Взгляд её был по детски распахнут и чуть испуган. Она держала руки у него на груди, прикасаясь прямыми открытыми ладошками. Они были маленькие и лёгкие, отчего Веточка совсем походила на ребёнка, чем-то встревоженного и зовущего взрослых. Тихоня удивлённо смотрел на неё, не узнавая. Такою он её никогда не видел... Да она и не была такой... какой он и сам не знал. Она просто была всегда рядом, где-то близко, всегда под рукой. Понятная, незаметная, не вызывающая

излишнего внимания, ускользающая, но не приглашающая за собой. И мало кому пришло бы в голову разглядывать её пристальнее, чем того требует обыкновенная человеческая вежливость. Тихоня был настолько поражён, что не сразу заметил где находится. Их окружал пышный сад. Цветущий, весенний, с головокружительным ароматом и бурно кипящей пеной распустившихся соцветий. Тихоня поднял голову – они стояли, наверное, под самым большим в саду деревом, повидавшим жизнь и умудрённым. Оно было крупнее и росло на небольшой возвышенности. Это дерево одно не цвело. Спокойно и далеко в стороны раскинув свой зеленеющий шатёр, оно словно воспитатель поглядывало на подрастающую внизу, резвящуюся, нарядную молодёжь. Тихоня опустил взгляд. Веточка улыбнулась ему.

– Не уходи! – попросила она.

– Куда? – спросил он.

– Туда куда тебе нужно, куда ты хочешь, – ответила она.

– Но я никуда не собирался, – сказал Тихоня. Веточка вздохнула:

– Я остановила тебя. Прости!.. Я хотела, чтобы ты ещё немножко побыл... прежним.

– Прежним? – не понял Тихоня. Веточка кивнула.

– А что со мной может произойти? – спросил Тихоня.

– Не может, а должно, – тихо сказала Веточка. – Ты изменишься и станешь другим. И мы больше не сможем по-

говорить, как теперь.

– Я тебя не понимаю, – нахмурился Тихоня.

– Всё будет хорошо... но совсем по-другому, – грустно сказала она.

– И ты знаешь как? – спросил Тихоня.

– Приблизительно... , – она опустила глаза. – Но это не важно. Ты уйдёшь, и мы снова не встретимся. Ни ТАМ, ни ЗДЕСЬ...

– Как это, снова? – улыбнулся Тихоня. Веточка отошла от него и прислонилась спиной к стволу старого дерева.

– Расскажи что-нибудь..., – сказала она, глядя вверх на листву.

– Что рассказать? – спросил Тихоня.

– Не знаю... ты всегда любил рассказывать разные истории... смешные, интересные.

– Всегда? – удивился Тихоня.

– Ну, да. Ты разве не помнишь?!

– Нет...

– Конечно, что я спрашиваю? Ты не помнишь, что было раньше... а потом не вспомнишь, что было теперь. Мы снова встретимся, но ты меня не узнаешь. Поэтому я и говорю, что ты станешь другим..., – слёзы показались в её глазах. – За что мне это?

Тихоня подошёл к ней:

– Ты хочешь сказать, что мы знали друг друга раньше?

– Да... и это было прекрасно! – улыбнулась она.

– А почему же ТЫ не забываешь? – спросил Тихоня.

– Это, должно быть, моё наказание...

– За что?

Она помолчала и ответила:

– За то, что когда-то не уберегла тебя.

– От чего? – поинтересовался Тихоня.

– Это долгая история...

Тихоня взял её за руку:

– А ты расскажи самое главное.

– Главное?.. – доверчиво переспросила Веточка. – Хорошо.

Она опустила голову и задумалась:

– Ты был бродячим поэтом. А я... я всегда была с тобой.

Ты сочинял длинные, красивые песни и пел их людям, переходя из города в город. Тебя очень любили слушать. Почти всегда большинство горожан бросали все свои дела и слушали тебя часами напролёт. Но однажды я случайно узнала, что кто-то очень позавидовал тебе, твоему таланту, да так что готов был лишить тебя жизни. Я знала, что нельзя идти в тот город, что там будет этот человек. Он богат и ему всё дозволено. Знала, что он может что-нибудь сделать и не понесёт за это наказания. Я пыталась, но не смогла тебя отговорить. И мы пошли... Мы пришли в город поздно вечером, остановились в одном доме на ночлег. Утром ты должен был петь для людей, а ночью тебя убили...

Тихоня, не отпуская её руки, так же прислонился спиной

к стволу дерева и слушал рассказ. Но, как ни странно, в отличие от разговора с Бонном, ничего не вспоминал...

– Как это произошло? – спросил Тихоня.

– Не знаю. Когда мы собирались ложиться спать, кто-то из жителей, узнав, что ты в городе, разыскал тебя и позвал в местное заведение выпить и дружески пообщаться. Я умоляла тебя не ходить. А ты сказал, что ничего не случится. Тогда я решила пойти с тобой. Но ты сказал, что это место чисто мужское и женщины туда не пускают. И ушёл... И не вернулся... Кто-то затеял в заведении драку, это не удивительно, ведь в таких местах часто дрались. И в темноте, в сутолоке, тебя...

Она судорожно вздохнула.

– Как давно это было? – спросил он.

– О! – встрепенулась она. – Очень, очень, очень давно! После этого столько всего уже пережито...

Она повернулась к Тихоне:

– Но с тех пор я всё время встречаю тебя и ты меня не узнаёшь... никогда. Это повторяется и повторяется... десятки раз, десятки жизней... И в конце всегда одно и то же – мне дают поговорить с тобой перед тем, как ты... уходишь.

– «Уходишь»?.. Я что уже умираю? – спросил Тихоня.

– Нет-нет, что ты, – улыбнулась она. – Я не о том... Просто наши пути теперь никогда не совпадают... они постоянно пересекаются и тут же расходятся...

Тихоня повернулся к Веточке и погладил её по щеке:

– Ты ни в чём не виновата. Всё прошло, все долги уплачены, тебе не о чем сожалеть. Не мучай себя... я не хочу чтобы ты страдала.

Она положила на его ладонь свою:

– Ты всегда так говоришь... но это не помогает.

Он внимательно посмотрел на неё:

– А сегодня я хочу чтобы помогло.

Тихоня отступил на несколько шагов, широко развёл руки в стороны, поднял взгляд, и собрав все свои силы, всю любовь, на которую был способен, всю доброту, всё сострадание, всё, что у него было, ВСЁ направил тонким лучом наверх, как можно дальше, насколько смог высоко. И в этом тончайшем луче уместилась всего лишь одна просьба...

Он увидел необъяснимую Белизну. Тихую, не слепящую, тёплую, благостную, в то же время ярчайшую и мощную. Полную Заботы. Она опустилась на него, окутала бережно, завернула, наполнила собою. Время остановилось, исчезло. Его не стало вовсе. И ничего больше не было. Осталась только Она, вечно-невыразимая, вечно-яркая, вечно-радостная, навеки живая, пребывающая всегда и во всех... Та, что раскрыла глаза и появился Свет, Та что заговорила и полилась Музыка, Та что вместе с этой Музыкой создала Миры и всё, что их населяет... И Она пообещала, что останется с ним. Навсегда...

Когда он опустил глаза, Веточки рядом не было. И он уже

знал, что его просьба выполнена. Выполнена самым светлым, самым любящим образом.

Тихоня ещё раз окинул взглядом сад, красивейший из всех, какие он когда-либо видел.

«Цвети, дорогой сад, – подумал Тихоня. – И ни за что не увядай! Никогда!»

Он сделал лёгкое, легче воздуха, движение назад и очутился в Учебной Комнате.

Она оказалась пуста. За исключением Тихони и сидевшего в кресле Белого Дракона.

Тихоня удивлённо посмотрел по сторонам.

– Тренировка окончена. Я всех отпустил, – сказал Белый Дракон.

После этого Выхода, Тихоня не почувствовал усталости как обычно. Всё тело было расслаблено, но в то же время преисполнено спокойным океаном энергии, тихой и прозрачной. Говорить не хотелось. Слов не существовало. Осталось только чувство объятия целого Мира. И хотелось обнимать его, не разжимая объятий.

– Ты молодец, – негромко произнёс Белый Дракон. – Хорошо работал. Очень хорошо.

И даже его хотелось обнять.

– Спасибо, – ответил Тихоня. Он знал, что Белый Дракон хочет что-то ему сказать и ждал.

– Да, ты прав, чего медлить? – деловито сказал Белый Дра-

кон и затушил сигарету. – Мне нравится, как ты держишься, как ведёшь себя. Я пристально наблюдал за тобой всё то время, что прошло после Первого Экзамена. И решил вот что... Я, пожалуй, назначу тебя Предводителем Группы. Как ты на это смотришь?

– Хорошо, – ответил Тихоня.

– Ну, вот и славно, – Белый Дракон встал, закинув на плечо сумку.

– Готовься к Демонстрации, – строго сказал он, проходя мимо Тихони к выходу. – Да, и не забудь закрыть окно...

Дверь захлопнулась. Тихоня подошёл к дальнему окну, которое было открыто и посмотрел во двор. Внизу на вычищенной, потрескавшейся каменной земле, стояла древняя самоходка зелёного цвета. Вокруг суетились несколько мужичков, пытаясь её оживить. У них пока что не получалось, но они были настроены непременно это сделать и уверены в успехе.

– Эй, работнички! – грянуло сверху. Тихоня поднял глаза и увидел в окне напротив, через двор, женщину. – Давайте обедать, всё готово!..

– Сейчас!.. – откликнулись работнички и стали весело складывать инструменты. Женщина заметила Тихоню и, улыбнувшись, поздоровалась с ним кивком. Он тоже улыбнулся, помахав ей рукой. День распогодился и ярко голубел в проём двора. Солнце вот-вот должно было заглянуть в гости, посылая вперёд своих гонцов – свет и тень.

«А не махнуть ли на Городской Пляж, загорать?.. Пора выходить на свет!» – шутливо подумал Тихоня. Он закрыл окно, погасил лампы и вышел.

18

– ... и я в первых рядах! – закончил Сумасшедший, осклабился во весь рот и растаял в воздухе.

Доктор посмотрел на своего собеседника, маленького человека с большой головой и глазами навыкат. Человек отрывисто поводил плечами, вскидывал руки, беспрестанно поправляя на себе одежду. Он был чем-то обеспокоен, но старался это скрыть и говорил какие-то светские благоглупости. В перерывах между ними, он внимательно выслушивал реплики Доктора и всё время поддакивал, соглашаясь. Доктора такая манера общения немного раздражала и хотелось поскорее избавиться от знакомого. Но, видя беспокойство на его лице и во всём его облике, Доктор колебался, продолжая разговор ставший уже давно неинтересным. Ему было тяжело и тоскливо.

«Что он может понимать, этот никчёмный, тщедушный человечиска в том, что ему говорят? Пустые глаза и пустая душа. Мёртвая душа. Ничего собственного, кроме этого кукольного дёрганья и болезни нижней части туловища, свойственной его возрасту. Ни одной своей мысли в голове, ни одного чувства в сухом сердце. Зачем я с ним разговари-

ваю? Зачем делюсь с этим ничтожеством СВОИМИ мыслями, идеями? Зачем мечу бисер перед свиньями? И что вообще я здесь делаю?.. Как здесь душно!.. Надо куда-нибудь выйти!.. Где тут выход?.. Где окна?.. Где дверь?.. Всё по-закрывали, мерзавцы!.. Никуда не деться!.. Это что, опять? Опять приступ паники?.. Не хочу больше! Хватит!.. Хватит!..»

Тихоня пошевелил мускулами лица – не получилось. Тогда он задвигал ими, делая резкие, размашистые движения, какими нормальный человек избавляет кожу от дискомфорта обезвоживания, а ненормальный на уроке по Звуковому Воздействию разминается перед упражнениями. Это помогло и Тихоня, наблюдая как Образ словно кисея плавно опадает, освобождая его, вздохнул с облегчением.

«Никогда больше не напялю эту гадость!» – подумал Тихоня. – «Пусть что хотят со мной делают! Не буду в этом участвовать... и людей пугать!»

Он посмотрел на зрителей, Комиссию, Белого Дракона сидевшего, как всегда посередине, в своём особом кресле, и отметил про себя разные выражения лиц находившихся перед ним людей. Зрители смотрели заинтересованно, чего-то ожидая, и ещё терпеливо. Глава Комиссии Зам, насмешливо блеснул маленькими глазками, обещая взглядом сладостную и медленную расправу надо всеми участниками Демонстрации. Белый Дракон был похож на героя времён последней войны, увешанного гранатами и ползущего навстречу от-

важной смерти под надвигающийся вражеский танк. Тихоня знал, что Финальный Экзамен никто никогда не остановит, даже Глава Комиссии. Для этого нужно было серьёзное основание, вроде мощного взрыва Школы. Поэтому пользуясь выпавшим случаем, а также догадываясь, что терять всё равно уже нечего, решил расслабиться и почувствовать полноту жизни. Он встряхнул кисти рук, сбрасывая остатки чужого напряжения и повернулся в сторону своего партнёра Зубастика, который должен был принять Образ того маленького человека, надоевшего Доктору. Едва глянув на него, Тихоня не сдержался и фыркнул от смеха. Зубастик напоминал большую детскую куклу с несчастной судьбой. Несчастье заключалось в том, что бедную куклу периодически ломали, отрывая от неё отдельные части, но жалеючи, пришивали, приклеивали, приколачивали, привинчивали очень похожие или почти такие же детали от других игрушек. Стоять Зубастик мог с трудом, потому что одна нога у него была своя, в чёрной штанине тренировочного костюма и спортивном тапке, а вторая, светло-коричневой брючиной широким клёшем, принадлежала Образу и по длине не догоняла первую сантиметров на десять, к тому же обута была в какой-то грубый башмак, который явно ей мешал, будучи размеров на пять больше неё. С руками тоже было не всё хорошо – своя, обнажённая, безжизненно болталась вдоль туловища, в то время как вторая, подозрительно похожая на женскую, в складчатом рукаве с рюшечкой вокруг запястья, то и

дело вздёргивалась вверх, норовя ухватить подбородок. Иногда ей это удавалось и тогда она застывала на время, вцепившись и вздрагивая. Затем она срывалась, принимаясь описывать в воздухе замысловатые кривые, словно дирижируя невидимым оркестром. Потом вспоминала про лицо и снова начинала его искать. Лицо вызывало наибольшее сочувствие и желание помочь. Оно переливалось разными цветами, в основном красным и белым, порою синим и зелёным. Тихоня немедленно вспомнил тряпичного медвежонка своей двоюродной сестры. Он был настолько замучен её любовью и заботой, что мордочка его быстро изнашивалась. Пришлось на разорванные места пришивать заплатки и возвращать глаза на прежние места. Разумеется всё это делалось подследповатой бабушкой, оттого результат был соответствующим – глаза медвежонка постепенно меняли местоположение, а прежняя внешность почти не проступала сквозь поздние «наслоения»... Приблизительно такие же метаморфозы происходили на лице Зубастика, то показывая зрителям фрагменты черт Образа, то проявляя изображение испуга на физиономии самого Зубастика. Тихоне стало его жалко и уловив момент, он схватил появившегося на секунду Деятеля и с силой выдернул его наружу. Тот ошалело ворочая глазами и громко дыша, стал ощупывать себя как будто ему только что приснился кошмар и проснувшись, нужно было проверить всё ли на месте. Потом Зубастик остановился, перестал дышать и медленно поднял голову, заметив зрителей,

Белого Дракона и Комиссию. Он дёрнулся, попытался превратиться обратно, у него не получилось, он попробовал ещё раз и, после неудачи, махнул рукой и продолжил Демонстрацию просто проговаривая выученный наизусть текст. Тихоня с улыбкой следил за своим партнёром и ждал возможности как-нибудь успокоить его, взбодрить. Зубастик тарабанил текст, не глядя на Тихоню. Когда у него очередной раз кончился воздух, он замолчал чтобы вдохнуть и повернулся. Тихоня увидел в его глазах уже не беспокойство, какое заметил когда был Доктором, а дикий панический страх. Зубастик остановившимся взглядом смотрел на Тихоню и снова перестал дышать, глаза его медленно расширялись. Тихоня сообразил, что Зубастик забыл текст и вот-вот взорвётся от напряжения. Чтобы помочь партнёру, Тихоня произнёс часть его фразы и принялся за работу. Пока оживившийся Зубастик немного сдвинувшись, выкладывал заученные слова, Тихоня внимательно оглядел его и как Начертатель наносит мазки, начал мысленно составлять мозаику Образа. Следуя за его взглядом, зримо возникали и становились материальными Оболочки Разума, Чувств, Эмоций, Воспоминаний, Духа. Запечатлелись Линии Судьбы, Прошлого и Будущего. Затем появились Привычки, Манеры, Склонности, Желания, Устремления. И в конце, логическим продолжением, из внешности Зубастика легко вылепился Образ. В этот раз он удался на славу. Простой и гармоничный, уникальный, неповторимый, по своему привлекательный и даже спо-

собный приковать к себе внимание.

«Хотя... одежда не очень-то получилась!» – подумал Тихоня, критически осматривая свою работу. Но это уже были мелочи – он не знал как одевались двести лет назад.

Знакомец Доктора выглядел теперь вполне довольным собой, говорил складно, уверенно, в глазах его больше не вибрировало беспокойство и тело не жило отдельной жизнью. Высказав всё, что хотел он с достоинством удалился. Белый Дракон перестал быть героем-смертником, а Зам с усмешкой следил за происходящим. Зрители по-прежнему чего-то ждали...

После Зубастика в комнату, звучным деревянным шагом, вошла какая-то длинная, растрёпанная седая старуха в тёмном платье с белым передником. Среди зрителей раздался одинокий смешок. Тихоня опешил. Он хорошо знал план Демонстрации, что за чем идёт. Но двухметровой старухи с лицом популярного поэта точно не планировалось. Должна была войти Труба в Образе тихой, пожилой, невысокой женщины, которая наводила порядок в доме Доктора. И когда на тренировках Труба пробовала, получалось более-менее сносно. Белый Дракон хвалил её, несмотря на то, что, как он говорил, «уплывало» лицо или голос. Но во время Экзамена Труба, наверное, переволновалась. У двухметровой губастой старухи нервно подмигивал левый глаз и всё время дёргались вперёд-назад, поочередно, плечи как будто она кого-то расталкивала или показывала фокус с освобождени-

ем от смирительной рубашки. На грубоватом, мужском лице старухи изобразилось страдание. Она покраснела от натуги и Тихоня, поглядев на её руки, сложенные на животе, догадался, что ей не удаётся их расцепить. «Бедная Труба!» – подумал с сочувствием Тихоня. Он хотел помочь ей, так же как Зубастик, но почувствовал запрет с её стороны и ему ничего не оставалось кроме как присоединиться к смотрящим. Труба в Образе попыталась что-то сказать, но поперхнулась и закашлялась басом. Со стороны зрителей кто-то сдержанно рассмеялся. Старуха-поэт вскинув голову свирепо зыркнула на смеявшегося и намеревалась высказаться, но промывав большими губами что-то нечленораздельное снова зашла басовитым кашлем. В ответ засмеялись сильнее и сразу несколько голосов. Старуха в изнеможении опустила на стул, стоявший рядом. Стул жалобно скрипнул и неожиданно с треском рассыпался под тяжестью великанши. Та грянулась всей своей массой об пол и изрыгнув страшное ругательство растаяла, превратившись обратно в Трубу. Зрители уже не сдерживались и в Учебной Комнате зазвучал многоголосый раскатистый хохот, последний раз посетивший её когда Тихоня изображал кухонный молоток или что-то ещё. Вскочив, Труба нервно сглотнула и испуганно глядя в пол, стала спасать положение. На её голове возник белый платочек, старчески повязанный под подбородком, затем появилась длинная серая юбка до пола и почему-то мужская рубашка, красная в жёлтый горошек. Лицо превращаться ни-

как не хотело, а руки, как назло, опять потянулись друг к другу. Труба обречённо следила, как они сцепляются на животе и когда процесс завершился, снова смачно выругалась. Она тут же быстро посмотрела на зрителей, ойкнула и скороговоркой выбрасывая из себя текст, кланяясь попятилась назад. Добравшись до двери подсобки (жилище Доктора давно уже рассыпалось, обнажив голые стены Учебной Комнаты), Труба наступила ногою на подол юбки и с последними словами ввалилась в одновременно открывшуюся дверь, высоко задрав ноги. Раздались сдавленные ругательства и кто-то утащил несчастную волоком из поля зрения бледного Белого Дракона, хмурой Комиссии и бесновавшихся зрителей. Открывшим дверь был Жгут. Судя по его внешности, он вообще не собирался ни в кого превращаться. Он был одет в повседневный тренировочный костюм для уроков. Жгут внимательно пронаблюдал весь процесс утаскивания весомого тела ругающейся Трубы, и подняв голову, с улыбкой остановился в проходе. Жгут, неясно за счёт чего оказавшийся в Школе, потому как не владел положительно никакими Деятельскими или Созидательскими способностями, всё же имел свою изюминку в виде уморительно смешной улыбки. Когда он улыбался, его круглая голова становилась ещё круглее, рот растягивался до ушей, а глаза закрывались в тонкие щёлочки. Если прибавить к этому подростковую внешность Жгута, то получалось очень заразительное зрелище, противится обаянию которого было просто невозможно. Вот имен-

но с такой улыбочкой Жгут и появился на пороге подсобки. Публика взорвалась новой волной смеха. Тихоня напрягал память чтобы вспомнить, что по плану следовало после домработницы и в кого должен превратиться Жгут. С абсолютной уверенностью можно было утверждать лишь то, что сейчас не его очередь. А тогда чья?.. В этот момент из-за косяка двери протянулась рука и схватив Жгута за ворот свитера резко и с силой дёрнула. Жгут гулко ударился головой об косяк и с округлившимися глазами, исчез за проёмом двери. Из подсобки послышалась какая-то возня. В проёме возник Молчун, выступавший в Образе другого, второго, Доктора. Тихоня надеялся, что неразбериха кончилась и они смогут дотянуть Демонстрацию до конца, хотя второй Доктор выглядел странновато – не так как на тренировках. Верхнюю часть тела из одежды прикрывали две перекрещенные подтяжки, волосы на голове были всклокочены, а руки в поисках чего-то похлопывали по карманам брюк. Молчун стоял, сосредоточенно глядя на свои босые ноги. Потом, внимательно смотря вниз и осторожно ступая, он прошёл в Учебную Комнату, медленно дошёл до обломков стула, обошёл их и наткнувшись на Тихоню, поднял голову. Просияв от счастья, Молчун в точности произнёс принадлежавшие его Образу слова, приглашая Тихоню посмотреть какого-то интересного больного. В это мгновение публика вновь разразилась хохотом. Тихоня выглянул из-за плеча Молчуна. В открытую дверь подсобки высунулась голова Жгута. Следом за

головой появилось всё остальное, лицо растянулось в той же улыбке. Жгут подождал пока смех немного поутихнет, вошёл, поздоровался с Тихоней, продолжая улыбаться, спокойно проследовал в правый ближний угол Учебной Комнаты, где возникла длинная лестница-стремянка и взгромоздился на неё. За Жгутом потянулись остальные. Демонстрация крупномасштабно катилась под откос – пропустив большую часть действия, Ученики переходили к финалу... Приличнее всех выглядел только Зубастик и отчасти Труба. Ей видно так и не удалось сладить с руками, потому что она делала зачерпывающие движения подбородком, усмиряя узел платка. Вид других Учеников красочно напоминал беспорядочное, вялое бегство с «завоёванных земель» кое-как одетой вражеской армии. Оборванцы встали широкой «подковой» вокруг Тихони. Строго по плану, Жгут затянул общую финальную песнь. Все подхватили. Грустно, невпопад, как хор великовозрастных «сирот», зарабатывающих себе на жизнь пением в подземных переходах. Публика визжала и хрюкала. Тихоня стоял к ней спиной, лицом к уничтожающему его героя «обществу» и титаническим усилием сдерживался, молясь чтобы Демонстрация поскорей кончилась. Наконец, бедный Доктор пал, сражённый нестройными голосами нищих доходяг. Вместо ожидаемого трагического эффекта и очистительных слёз публики, стены Учебной Комнаты сотрясались от безудержного хохота и унижительных аплодисментов. Белый Дракон сидел, закрыв лицо ладонями. Зам

уже начал свою сладкую расправу, что-то старательно записывая в блокнот...

– Это всё? – спросил он с каменным спокойствием, после того как отбушевали зрители, а Ученики не двигаясь просто-ляли несколько минут неподвижно.

– Всё... – выдавил из себя Белый Дракон, не глядя на Замма.

– Что ж, очень хорошо, – сказал Зам. – Давайте обсудим...

19

В переполненной подсобке было противоестественно тихо. Бывшие горе-Деятели сидели молча, с лицами людей приговорённых к казни без права на помилование. Тихоня не мог вынести такое зрелище и вышел в коридор. Он намеревался уйти до оглашения результатов высокого обсуждения. Хотелось, правда, ещё узнать почему на Финальный Экзамен не пришёл Шаман?.. Может он принял обличье какого-нибудь постороннего Ученика и сидел среди зрителей?..

«Тихоня» – раздалось в голове. Это был он.

«Да»

«Надо поговорить»

«Сейчас?»

«Да. Бери Волка. Я жду вас в Верхнем коридоре»

Тихоня обрадовался, что Шаман так скоро появился. Он заглянул в подсобку, подозвал жестом Волка и, не дожидаясь

ьясь, пошёл по направлению к большой квадратной лестнице. Волк догнал его, безмолвно пристроившись чуть сзади.

В Верхнем коридоре тускло светили через две, дряхлые лампы, поскрипывал рассохшийся деревянный пол и было ещё тише, чем в унылой подсобке. Шаман уже ждал, стоя у двери в какую-то Учебную Комнату. Завидев приближающихся Тихоню и Волка, он помахал им и зашёл в помещение.

«Прямо как шпионы!..» – подумал Тихоня, пропустив вперёд Волка и оглядываясь в пустой коридор перед тем, как закрыть дверь.

Шаман присел на преподавательский стол, держась руками за столешницу. Он был серьёзен и заметно нервничал.

– Вы знаете, что происходит сейчас там, внизу? – спросил он тихим голосом.

– Что? – спросил Тихоня.

– Там сейчас уничтожают Белого Дракона... И это только начало... А конец будет таким – Группу не просто расформируют... ни один из нынешних Учеников не сможет потом продолжить учёбу...

– Никогда? – вырвалось у Тихони.

– Скажем так, очень-очень долго! – ответил Шаман. – Так долго, что они успеют состариться и им ничего уже не будет нужно.

– Для чего вы нас позвали? – спросил Волк.

– Правильный вопрос, – быстро сказал Шаман. – Я позвал вас, чтобы вы помогли мне спасти Группу.

– Группу? – уточнил Волк. – Или господина Белого Дракона?

– Я сказал то, что сказал! – ответил Шаман.

– А как спасать-то? – спросил Тихоня. – Ворваться и взять Зама в заложники?..

– Не совсем, – сказал Шаман. – Мы с ним встретимся... За Границей.

– И что мы ему скажем? – улыбнулся Тихоня. Шаман внимательно посмотрел на Волка потом на Тихоню, помолчал и ответил:

– Мы предложим ему сделку.

– Ха! У нас есть что предложить? – усмехнулся Тихоня.

– Есть, – улыбнулся Шаман. – И это просто, как всё гениальное...

– Тогда говорите быстрее, – раздражённо сказал Волк.

– Наше предложение таково, – начал Шаман. – Уважаемый господин Зам не трогает Группу, а мы не обратим внимание господина Верховного Руководителя на очевиднейший факт вопиющего недосмотра и попустительства при отборе Учеников в ДАННУЮ Группу! А даже по нашим, весьма лояльным, Правилам полную и безоговорочную ответственность несёт ни кто иной, как непосредственный начальник Белого Дракона...

– Господин Зам! – закончил Тихоня. – Его, кстати, не было когда нас набирали!..

– Вот именно! – воскликнул Шаман. – Двойное наруше-

ние и двойная ответственность.

– Подождите, – вмешался Волк. – А что, Верховный не знал как набиралась Группа? Вы хотите сказать, что он был не в курсе?..

– Думаю, да, – ответил Шаман.

– А если они в сговоре? – спросил Волк.

– Это вряд ли, – покачал головой Шаман. – Верховный Руководитель, прежде всего администратор, не забывай. У него на шее огромная Школа и неизвестно сколько десятков нижестоящих Руководителей. Плюс, насколько я знаю, его контролируют с ног до головы. Так что ему совершенно не интересно рисковать своим положением из-за ничего не сулящей связи с кем-либо из подчинённых. Пусть даже это влиятельный господин Зам.

– Всё равно рискованно, – скептически заметил Волк.

– Твои предложения?! – Шаман скрестил руки на груди.

– А если нас услышали? – не унимался Волк. – Мы же здесь как в чистом поле...

– Нет, – возразил Шаман. – Сегодня День Финальных Экзаменов. Все заняты. Правда... не знаю, где сейчас Верховный... Но не думаю, что он отслеживает всех и вся... Это маловероятно. Я развеял твои сомнения?

– Ни в малейшей степени!.. – буркнул Волк, пощипывая подбородок.

– А мы вам для чего? – спросил Тихоня. – Вы не можете это один сделать?

Шаман снисходительно улыбнулся:

– Объясняю. Ты, Тихоня, нужен мне для того чтобы мы объединили усилия и подстраховывали друг друга. Ведь Зам очень силён, очень. Конечно, он может легко и с двумя справиться, я уверен. Но нам важно продержаться первые несколько минут пока мы выкладываем наше предложение. Потом, я надеюсь, он заинтересуется и ничего нам не сделает. Для этих нескольких минут потребуется полная концентрация, какая только возможна, понимаешь? А что бывает при максимальном Выходе? Грубо говоря, глубокий обморок. Мы с тобой, Тихоня, будем абсолютно беззащитны. И вот тут нам понадобится помощь Волка. – Шаман повернулся к нему. – Твоя задача, во-первых, следить за тем, чтобы никто нас не обидел, пока мы без чувств валяемся здесь; а во-вторых, вытащить нас обратно, если мы застрянем. Понятно?

– И как я это пойму? – спросил с сомнением Волк.

– Поймёшь, – уверенно ответил Шаман. – Мы должны всё сделать минут за десять. Если пройдёт больше, значит что-то пошло не так и нас надо вытаскивать.

– А что вы подразумеваете под словом «вытаскивать»? – Волку явно не нравилась затея Шамана.

– То, что обычно делают выводя человека из обморока. Древний, как Мир способ – встряхивание, битьё по щекам и всё в том же духе... Но не переусердствуй!.. Всё, ребята, времени нет! Пошли!

Шаман встал и огляделся:

– Так! Тихоня помоги... Надо сдвинуть по две парты вместе...

– Зачем? – не понял Тихоня.

– Затем что по одной они коротки, а нам нужно лечь, – ответил Шаман и взялся за ближайшую. – Давай!

Они быстро сделали для себя лежанки и взобрались на них. Волк подошёл к двери, проверил плотно ли она заперта и встал на часах.

– Значит так, – сказал Шаман Тихоне. – Надеюсь, лицо Зама ты помнишь... Сначала концентрируешься на его лице, затем одновременно вызываешь, как для мысленной связи, и Выходишь. Понял?

– Понял, – ответил Тихоня. – А обратно как?

– Как обычно!.. Руку давай!

Тихоня подал ладонь и поглядел на потолок. До него было метра четыре. Его давно уже не белили и местами он был покрыт кольцеобразными жёлтыми пятнами похожими на больших ядовитых медуз из Океана. Одна медуза очень напоминала лицо Зама... Глаза... Нос... А вот подбородок... Рот... Похожа... Очень похожа... Даже причёску можно разглядеть... Вылитый Зам... Теперь надо её... его... вызвать... Хм... Смешно... Я вызываю медузу... Где-то писали, что они умеют общаться между собой... В каком-то журнале... В каком?.. Погоди... надо Выходить... Фу! Мерзость.. Прямо на медузу... Терпеть не могу медуз!.. Ага... Гляди-ка...

она чего-то говорит!..

– Какого чёрта вам от меня надо?! – кричала медуза, на ходу превращаясь в лицо Замы. Тихоню качнуло, как на детских каруселях, только ещё быстрее, так, что голова закружилась. Он увидел, что стоит в Учебной Комнате своей Группы. Напротив него багровый от бешенства Зам держал за горло Шамана. Тот тяжело дышал и не сопротивлялся. Больше в Комнате никого не было.

– Ну? Мы будем ещё кого-то ждать или я могу начать уничтожение? Непеша и со вкусом! – уже без крика, но громко сказал Зам.

– Это скажется на вашей карьере! – неожиданно для себя, сказал Тихоня.

– Чтооо? – протянул угрожающе Зам.

– Заткнитесь и слушайте! – возвысил голос Тихоня. Зам остолбенел, подняв брови.

– Говорю один раз, – отчеканил Тихоня. – Вы оставляете в покое нашу Группу. Никого, слышите? НИКОГО не трогаете и даже не помышляете обо этом. А я, Ученик Тихоня, в благодарность за вашу доброту, не обращаюсь к Верховному Руководителю с тонким намёком о проведении расследования вашего участия, а точнее НЕ участия в наборе нашей Группы, НЕ присутствия на Вступительных Экзаменах и прямой вины в сегодняшнем провале упомянутой Группы. Обещаю, что расследование не будет долгим, а наказа-

ние сладким. Вы хорошо меня поняли?

Зам презрительно щурясь и играя желваками смотрел Тихоне в глаза.

– В качестве жеста доброй воли и в знак понимания между нами, отпустите господина Шамана... Пожалуйста! – спокойно сказал Тихоня.

Зам помедлил, криво усмехнулся и разжал пальцы. Шаман тут же согнулся, опершись о колени, и хрипло задыхал освобождённым горлом.

– Спасибо! – просипел он.

– А вы любопытный молодой человек! – заговорил Зам, не отрывая взгляда от Тихони. – Стоило отнестись к вам с более пристальным вниманием! Мы могли бы хорошо сработать... Из вас получился бы неплохой Руководитель. Но, вы сами сделали выбор. И теперь пути назад нет... к сожалению.

Он медленно потёр ладони.

– Не советую показывать свою силу, – как можно уверенней сказал Тихоня. – Если мы не вернёмся, моё обещание всё равно будет выполнено!..

Зам остановился и также медленно опустил руки в карманы.

– Убирайтесь, – ласково сказал он. Тихоня подошёл к уже пришедшему в себя Шаману.

– Какой же ты медлительный, Тихоня! – укоризненно сказал Шаман. – Это едва не стоило мне жизни...

– Я буду работать над собой, – улыбнулся Тихоня, положил ему руку на плечо и сделал лёгкое движение назад. Как обычно.

Часть третья

1

Приглашение пришло старомодным и приятным способом – по почте. Выспавшийся Тихоня, плотно позавтракав, спускался вниз, на улицу, и для разнообразия решил заглянуть в ящик. Почтовые ящики выходили из обихода, повсеместно вытесняемые мысленной связью и жильцы дома один за другим избавлялись от них. Но Тихоне нравилась когда-то длинная (судя по зиявшим пустотам), а теперь заметно поредевшая «батарея» старинных железных коробок висевшая на первом этаже. Он решил не выбрасывать свой ящик, а наоборот стал ухаживать за ним – вставил в него красивый блестящий замочек, регулярно протирал и иногда подкрашивал его ребристые бока с откидной передней крышкой. Обнаружив в ящике узкий бежевый конверт, Тихоня вынул его, определил мимоходом, что он из дорогой бумаги, и не глядя, помахивая им как веером, отправился на прогулку. Увлекательное, как хотелось думать, чтение Тихоня оставил на десерт.

Через двадцать минут, углубившись бодрым прогулочным шагом в лесопарк, опоясывавший Город с восточной

стороны, на самой окраине которой и жил Тихоня, он отыскал укрытый от возможных посторонних глаз уголок и присел на траву. «А вдруг это плохие новости?» – подумал он, дотронувшись до лежавшего рядом конверта, и, на всякий случай, посидел ещё несколько минут наслаждаясь свежим воздухом, видом буйной лесной зелени, чистым небом. Потом решив, что никакие плохие новости не отменяют окружающую его вечную красоту, Тихоня посмотрел на конверт. Он был сделан из толстой, рифлёной бумаги. Вверху бросалась в глаза большая прямоугольная фиолетовая печать с надписью «внутреннее» – значит, отправлено из Города. Ниже и слева, в тонкой рамочке, адрес отправителя. Написан не от руки, а напечатан на машинке мелким шрифтом – «Центр Воздействий. Управление по делам Созидателей. Городское Отделение.». Чуть ниже на длинной черте смазанная закорючка чьей-то подписи. «А это точно мне?!» – усомнился Тихоня, ища имя получателя. Справа, под совпавшим адресом доставки, в графе «Получатель» было чётко пропечатано – Ученик Тихоня... «Что бы там ни было, а я ничего плохого Центру Воздействий не сделал!», – подумал Тихоня и вскрыл конверт. Внутри лежал сложенный вдвое лист бумаги с водяными знаками. Тихоня развернул его. Это был именной бланк Центра Воздействий. Сверху важно извивались хитроумные сплетения из ветвей с листьями, а сквозь них проступала рисованная копия многоголовой конной скульптуры, украшавшей фронто́н главного зда-

ния Центра. Под рисунком следовал короткий текст, написанный аккуратной и умелой рукой:

«Уважаемый господин Тихоня! Приглашаю Вас встретиться со мной на предмет переговоров по вопросу Вашего участия в работе Центра Воздействий. Если не возражаете, встреча состоится сегодня во второй половине дня в любое удобное для Вас время. С уважением, Начальник Городского Отделения Управления по делам Созидателей Центра Воздействий, господин Овал.»

Под текстом, удавшаяся лучше чем на внешней стороне конверта, стояла такая же закорючка. Обращение «уважаемый господин Тихоня» было смешно и, старательно выписанное, смотрелось аляповато-неестественно. Чего-то не доставало. Возможно, основательности и стройности полных имён, бывших когда-то неотъемлемой частью любого человека. Так же как почтовые ящики они стали не нужны и люди отказались от них с тою же лёгкостью. Скупые, односложные имена или прозвания не сразу принятые, тем не менее, как то незаметно прижились и быстро завоевали признание, оправдывая это тем, что, например, для мысленной связи они несомненно эффективнее и удобней. Но Тихоне уже не требовались никакие оправдания – когда он родился, все дебаты, бои, протесты, страшные пророчества на эту тему, отгремев, умолкли. Вопрос был решён раз и навсегда, а молодым поколениям деликатно преподносился в виде любопытного исторического факта. Хотя иногда непрожитое ретро,

всё реже появлявшееся среди людей, тянуло к себе и казалось вместе с ним ушло что-то глубокое, надёжное, на что можно было опереться, как на крепкий посох, не подводящий путника ни на ровной дороге, ни в болоте, ни в опасном бросе.

Тихоню письмо обрадовало. Он не знал ни одного случая, чтобы Ученика Школы приглашали из самого Центра Воздействий для «переговоров по вопросу участия» в его работе!! Вещественный факт этого приглашения был уже почётен и равносителен присваиванию какого-нибудь высокого Звания. И даже если переговоры ничем не закончатся, что вряд ли, потому что какой дурак откажется на ЛЮБЫХ условиях поработать в Центре, но даже если и так, то подобное письмо можно таскать с собой всюду как дорогую рекомендацию, как универсальный ключ ко многим дверям. Тихоня был бы просто счастлив, если бы нуждался в таком ключе, но ни одна из тех дверей не манила его, не искушала, не будоражила. И всё же ему стало радостно от того, что он получил недвусмысленный знак извне о правильности своего пути. А письмо безусловно очень ценно! Его можно повесить в хорошую рамочку под стеклом на стену и показывать гостям, позволяя себе небольшой грешок хвастовства.

«Спасибо, дорогой господин Овал! Обязательно к вам заглянем!» – подумал Тихоня. Ведьма говорила, что любые поступающие предложения необходимо отрабатывать, чтобы успешно двигаться дальше. Ну, а уж случая побывать в

Центре Воздействий Тихоня ни за что не упустит!

– Так! – сказал он вслух и отложил письмо в сторону. – А теперь займёмся делом!

Тихоня прислушался – идеальные условия. Кругом стояла та особенная, живая тишина, какая бывает только в полуденном дремлющем лесу, когда слышен тихий шорох травы и листвы, да ленивый, с паузами, разноголосый разговор птиц...

Первым делом нужно было разобраться с Зубастиком.

Тихоня вспомнил его головастую внешность, улыбку, слегка выкаченные глаза. С этим проблем нет. А вот ТОТ день в значительной степени стёрся из памяти и это было плохо – если Тихоня упустит какую-нибудь мелочь, может ничего и не получиться... или сделается ещё хуже! Так что, как ни прискорбно, придётся вспоминать на ходу. В крайнем случае, импровизировать наугад... Но лучше вспомнить!..

Тихоня освежил перед внутренним взором облик Зубастика и, спросив разрешения, плавно Вошёл...

– С Новым Годом! – громко сказал Зубастик, поднимая стакан и придвигая его к Тихоне. Они сидели в небольшой квадратной комнате. Тихоня на диване, Зубастик напротив на табурете. Между ними стоял маленький, самодельный столик, накрытый на двоих по походному – несколько стеклянных банок с чем-то похожим на салаты, бутылка вина,

нарезанный толстыми неровными кусками хлеб, две мелкие тарелки с двумя вилками и два стакана. Один на столе, другой висел перед Тихоней в воздухе зажатый рукой Зубастика.

– Тихоняаа! – позвал тот. – Чего задумался? Давай...

Тихоня взял свой стакан.

– С Новым Годом! – повторил Зубастик.

– С Новым Годом, – ответил Тихоня и чокнувшись, отпил вина. Оно было вкусным. В меру сладким, терпким, с богатым вкусовым букетом и тонко отдавало деревом бочки, в которой выстаивалось. Тихоня поднял брови и удовлетворённо промычал.

– Ну как? – улыбаясь спросил Зубастик. – Понравилось?!

– Угу, – продолжая смаковать, прогудел Тихоня.

– Вот! – как в доказательство констатировал Зубастик. – Это я специально привёз с собой нашего, местного... Для особых случаев!

Он осторожно сделал несколько глотков и поставил стакан на стол.

– Единственное, что я могу пить без последствий, – сказал он. – Всё остальное сваливает меня даже в малых дозах...

– Почему? – спросил Тихоня.

– Не знаю... дурная физиология, наверное, – ответил Зубастик, хищно глядя на открытые банки. – Тааак... что у нас тут имеется?

Тихоня осмотрел комнату. Много времени на это не ушло. По одной стене окно, по другой шкаф, третью подпирал диван, последняя, самая важная, позволяла выйти и без большой надобности не возвращаться сюда. Мебель была колченогая, ненадёжная. Такую обычно оставляют в квартирах на съём или комплектуют дешёвые гостиницы. Тихоня посмотрел на Зубастика.

– А еоыее? – спросил тот с набитым ртом.

– Что? – не понял Тихоня.

–... чего не ешь, говорю? – проглотив, показал вилкой Зубастик.

– А, да-да, – встрепенулся Тихоня и раздумывая стал накладывать себе из банок еду.

«Вроде Вошёл я правильно...» – подумал он. – «...туда куда нужно... и КОГДА нужно!.. Теперь внимательно, пока без самостоятельности... и не пропустить момент... не увлечься!». В банках действительно были салаты. Выложенные на тарелку, они тут же заполнили воздушное пространство комнаты притягательными ароматами. Тихоня ощутил настоящий голод. «Я в тот день ничего не ел с утра!..» – припоминал Тихоня. Еда была не хуже вина и он уже хотел спросить, кто так вкусно приготовил, как его опередил Зубастик.

– Твоя мама потрясающе готовит! – воскликнул он. – Передай ей от меня огромное спасибо!

«Моя мама...» – отметил Тихоня. – «Ага, помню. Даль-

ше...»

– Да, – Зубастик поднял вилку. – И тебе спасибо за подарок!

– Угу, – ответил Тихоня.

«Подарок...» – подумал он. – «Очень хорошо! Дальше...»

Зубастик с шумом бросил вилку и, не переставая жевать, вскочил, бросился в сторону окна, покопошился там и повернулся, держа в руках какой-то пакет.

– Вот, – торжественно сказал он, шагнув вперёд и сверкая глазами. – Это тебе! С Новым Годом!

Тихоня отложил еду, отряхнул друг об друга ладони и взял пакет. В нём было что-то очень лёгкое и вместе с тем прочное. Тихоня поднял глаза на Зубастика. Тот, улыбаясь, показал выразительным взглядом на пакет. Тихоня медленно заглянул внутрь...

«Слава Богу!..», – подумал он. – «Без изменений...». В пакете было то, что и должно было быть. Зубастик привёз ему, как обещал, «волшебной еды» – две коробки каких-то засушенных плодов и две коробки их, местного, молока... Всё это надо было, по его словам, смешать, подождать около часа и съесть. Зубастик обещал чудодейственный эффект омоложения и притока новых сил.

– Ну как? – спросил, улыбаясь во весь рот, Зубастик. – Пойдёт?

– Спасибо... конечно пойдёт! – Тихоня подал ему руку для пожатия. Зубастик порывисто схватил её и Тихоня почув-

свовал, что настал нужный момент.

– Послушай-ка, Зубастик, – сказал он. – Ты чего-то возбуждён слишком. Тебе это несвойственно... Колись, что произошло?

Зубастик выдернул руку:

– С чего ты взял?.. Всё отлично!.. У меня всё хорошо... вообще!..

– А в частности? – Тихоня внимательно посмотрел на него.

– Давай есть, – сказал Зубастик, пряча глаза. Он сел на своё место и стал молча набивать рот. Тихоня не притронулся к еде и не отрывал взгляда от Зубастика. Тот прожевал запаханную в себя порцию и швырнул вилку на стол.

– Да, ты прав... Всё плохо! – глухо сказал он.

– Что плохо? – спросил Тихоня.

Зубастик отвернулся, глядя в стену:

– Она хочет бросить меня... мне кажется!

– Почему ты так решил?

– Сначала всё было хорошо... ну, ты знаешь... А теперь она не желает встречаться со мной!

– И что она говорит?

– Ничего... Но я ведь не первый день с ней знаком... я же вижу когда и что она имеет в виду!..

– А может ты ошибаешься? – предположил Тихоня.

– Нет! – крикнул Зубастик. – Нет! Я ей надоел, наскучил, осточертел!!!

– Она так и сказала? – спросил Тихоня.

– Она дала это понять!.. Что мне делать, Тихоня, друг? Я без неё не смогу... я умру! Я правда не смогу!.. Я что-нибудь сделаю с собой!..

Зубастик обхватил голову руками.

– Так! – решительно сказал Тихоня. – Во-первых, сейчас надо успокоиться...

Во-вторых, не опускать руки раньше времени... В-третьих, пока тебе не сказали «пошёл вон» всё можно поправить! Тем более, что ты наверняка ведь, не уверен в положении дел?.. Я правильно говорю?

Зубастик молчал.

– Я ПРАВ? – с усилением сказал Тихоня наклонившись к Зубастику.

– Да, – отозвался он.

– Очень хорошо, – спокойно констатировал Тихоня. – Едем дальше...

Это выражение очень нравилось ему. Оно иногда звучит из уст Ведьмы и означает для адресата спасительно-успокаивающий итог удачного прохождения очередного этапа «излечения» и некоторую перспективу впереди. Тихоня почувствовал на себе гордые одежды соблазнительной роли спасителя, но тут же испуганно сдёрнул их и продолжил.

– Вот. А теперь попробуем произвести простое действие, – сказал он, сосредотачиваясь.

– Какое? – Зубастик поднял голову.

– Очень простое... – ответил Тихоня. – Мы её позовём!..

– В каком смысле? – насторожился Зубастик.

– В прямом! – серьёзно сказал Тихоня и сделал то, чему недавно научился... Он расслабился, представил себе два искрящихся, золотых фонтана, один сверху, другой снизу, почувствовал тёплые волны энергии пробегающие по спине, затем сомкнул струи фонтанов в большой шар и бережно, очень-очень осторожно, передвинул пространство, в котором они с Зубастиком находились чуть-чуть в сторону, совсем немного, почти незаметно...

Из кухни донёсся вскрик и звон разбитой посуды. Пучеглазый Зубастик, рискуя совсем потерять свои вылезшие из орбит глаза, уставился на тёмный проём комнатной двери. Тихоня с трепетом ждал. Прошло несколько бесконечных секунд и в двери появилась она... Та, которую оба хорошо знали. Та, что разбивала сердце Зубастикю.

– И чего вы сидите, как идолы каменные? – спросила она, поджав губы. – Я там рискую своей жизнью... чуть не порезалась, а ни один не шелохнётся!..

Зубастик засиял, как начищенный до ослепительного блеска чайник.

– Так это... мы... волновались... тут... за тебя!.. – пробормотал он.

– Меня это успокаивает! – с притворной строгостью сказала она. – Может кто-нибудь из волнующихся соблаговолит помочь?..

– А!.. Да-да, конечно, – резко ожил Зубастик и вскочил. – Я доброволец, делаю шаг вперёд!

– Большой шаг? – игриво спросила она.

– Гигантский! – промурлыкал Зубастик и пошёл за ней в кухню. На ходу он подмигнул Тихоне и восхищённо показал ему большой палец. Потом на мгновение выглянул из-за двери и перед тем как скрыться, одними губами прошептал:

– Спасибо!

Тихоня кивнул улыбаясь и ещё раз оглядел комнатку.

«С милым рай в шалаше?.., – подумал он. – Дааа!.. Ну, это уж не моё дело!»

С кухни донеслись хихиканье и хруст сгребаемых осколков. Тихоня легко вздохнул... и отправился дальше.

Теперь Пружина. О ней Тихоня думал так – что, если талант это энергичность, то Пружина просто гениальна. Наверное, Тихоне это в ней и нравилось. В первый же день как он её увидел, Пружина произвела на него неизгладимое впечатление бурлящей в ней жизнью. Она пришла на Вступительный Экзамен с загипсованной ногой и, как рассказывал потом Шаман, а Тихоня слышал из-за двери, выдавала вместе с ней неопишуемые вещи – танцевала, превращалась, молнией летала по Учебной Комнате без усталости и передышки. Её с трудом останавливали. Пружину всегда приходилось останавливать и всегда сделать это было нелегко. Она производила шум своим появлением, а её Учебные Работы от-

личались крупным масштабом. Однажды показывая личную Учебную Демонстрацию она создала подробный фрагмент Мира и затем безжалостно погубила его в страшном грибообразном взрыве, введя в оцепенение всех смотревших. Потом Шаман уговорил её несколько доделать работу, в результате чего появилась поучительная история о хрупкости Мира, который между прочим не погибал, а взрыв увидел во сне какой-то ребёнок и в финале собирательный образ Матери утешал его, качая на руках. Пружина очень любила не столько процесс, сколько антураж действия. В другой раз она материализовала большие, до потолка Учебной Комнаты, чугунные ворота, с такими мелкими деталямиковки, что Шаман остановил уже не важное действие и все долго, во главе с ним, разглядывали искусно сделанные завитки и переплетения металла. Как и все её работы, Пружина была очень эмоциональна и переживала свои чувства так же по-крупному. С нею у Тихони был связан один постыдный эпизод, не дававший ему покоя. Как то раз Тихоня и Бон готовили к Школьному Празднику смешное, пародийное представление о Руководителях Группы. Тренировка проходила после занятий, вечером. По расписанию после них должна была работать Пружина. Она шумно и весело ворвалась в Учебную Комнату, грубовато напомнив об истёкшем времени. Тихоня, до конца не сбросивший с себя Образ Шамана, вдруг решил разыграть Пружину и, сам не зная почему, ляпнул ей, что подслушал обсуждение Руководителей Группы, где они

говорили об отчислении Пружины. Будто бы это вопрос уже закрытый. Как на грех, Бон поддержал глупую игру, многозначительно поддакивая. Пружина внимательно выслушала, побледнела, виновато улыбнулась, дрожащими губами спросила «почему» и, бросившись на грудь Тихоне, громко в голос разрыдалась... Шутники не ожидали такого эффекта от своей шутки и принялись успокаивать бедную Пружину, рыдания которой быстро переросли в истерический вой. С огромным трудом, проклиная своё слабоумие и непроходимую тупость, приятелям всё же удалось остановить Пружину и пробившись сквозь крики, убедить, что они, идиоты, просто разыграли её. Тихоня не понимал, как он, считавший этот вид юмора разрушительным для Души, никогда не любивший розыгрыши, стал инициатором одного из них. Кто мог смутить его разум в тот миг?! Неоднократно вспоминая этот свой позор Тихоня отнёс помутнение рассудка за счёт странностей и подлостей Деятельской профессии. Когда человек занимающийся ею, может увлечься настолько, что становится в прямом смысле слепым орудием, и ни в чьих-то руках, а что страшнее, подчиняясь непредсказуемой логике хаоса и дисгармонии.

Тихоня давно уже готовился ко встрече с Пружиной, но только сегодня ощутил в себе необходимую лёгкость сердца и уверенность. Он воссоздал нужный день, это было нетрудно, и точно выбрав момент, с разрешения, Вошел...

– Ну что, пройдемся ещё разик? – спросил Бон. Он покраснелся и был в

тренировочном раже. Тихоня посмотрел на часы:

– Не успеем, сейчас Пружина явится...

– Ничего страшного подождёт чуток! – храбро заявил Бон.

– Не в этот раз, – помотал головой Тихоня. Он вышел из Учебной Комнаты в подсобку, куда секундой позже со стуком ворвалась из коридора упругая, как пуля, Пружина.

– О! Тихоня! – весело гаркнула она. – Выметайтесь, пришло моё время!..

– Конечно, Пружиночка! – в тон ей ответил Тихоня. – Подожди секунду!

Он заглянул в Учебную Комнату:

– Бон, не заходи пока, ладно?

– А что вы там будете делать? – сладострастно облизнулся Бон.

– Заткнись! – улыбнулся Тихоня и запахнул дверь. Он подошёл к Пружине, взял её за плечи и усадил на диван.

– Тихоня, ты чего это? – удивлённо спросила Пружина.

– погоди, – серьёзно сказал Тихоня. – Закрой глаза...

– Чего? – поморщилась Пружина.

– Закрой глаза, не бойся, – добродушно повторил Тихоня.

– Да я и не боюсь, пожалуйста! – пожала плечами Пружина и закрыла глаза.

Тихоня взял её за руку...

– Теперь смотри! – сказал он. Пружина открыла глаза. Перед ними была ярко освещённая прожекторами площадка большого Демонстрационного Зала. Её почти всю заполнили Деятели. Они дружно аплодировали и улыбаясь смотрели в одну сторону, на одного человека. И этим человеком была она, Пружина. Немного другая... взрослая, похорошевшая. Пружина заметила, что Зал полон и публика также стоя рукоплещет ей. Потом кто-то кричит «Спасибо!», все подхватывают и начинают скандировать, хлопая в такт, «Спа-си-бо! Спа-си-бо!». По проходам к площадке бегут с цветами. У неё не хватает рук, чтобы взять все букеты. Она раздаёт цветы своим подопечным, но всё равно не успевает и постоянно прибывающие цветы падают на пол. Потом выходит какой-то пожилой, солидный мужчина в костюме, произносит торжественную речь и вручает ей очень красивый, сверкающий и тяжёлый приз. Все снова принимаются аплодировать и кричать...

Потом картинка бледнеет и растворяется. Звуки затухают. Пружина снова видит себя со стороны, сидящей в просторной светлой Учебной Комнате. Перед нею какие-то Ученики показывают свои умения. Пружина догадывается, что это её Ученики. Они очень стараются сделать хорошо и судя по всему им это удаётся. Она с довольным видом вскакивает, подбегает к ним и что-то страстно подсказывает, подбадривая...

Затем и эта картинка исчезает. На её месте возникает

интерьер дома. Пружина видит себя играющую с маленькими детьми. Их четверо – два мальчика и две девочки. Потом входит красивый молодой человек и Пружина уже знает, что это её семья – муж и дети. Что-то приятно щекочет у неё в груди, она улыбается и запечатлевает уходящую последнюю картину в своём сердце...

Тихоня отпустил её руку. Пружина задумчиво, с сожалением, огляделась и взглянув на Тихоню спросила:

– Ты не подишутил надо мной?

– Что ты! – потряс головой Тихоня. – Ни в коем случае!

– Думаешь так всё и будет? – тихо, с надеждой, спросила

Пружина.

– Не буду врать, – просто ответил Тихоня. – Это один из вариантов... но он уже существует.

– И что нужно сделать? – спросила Пружина.

– Да ничего особенного, – улыбнулся Тихоня. – Просто выбери его... так, как будто он уже у тебя есть – бесстрашно и спокойно.

– Это всё? – удивилась Пружина.

– Всё, – кивнул Тихоня. – Только не забывай иногда думать об этом. Но не слишком долго!.. Это как с цветами. Если их не поливать, то они не вырастут, если поливать часто, тоже самое, редко и помногу, тот же результат. Во всех других случаях они обязательно вырастут и порадуют тебя!..

– Я поняла, – сказала Пружина и, приблизившись, поце-

ловала Тихоню в щёку. Он смущённо заулыбался и опустил глаза.

– Спасибо тебе, Тихонечка! – мягко сказала Пружина. – Я всё поняла!

Она не вскочила, как обычно, а спокойно встала, провела ладонью Тихоне по волосам и зашла в Учебную Комнату. Тихоня посидел ещё несколько секунд, продлевая ощущение поцелуя на щеке и...

...и вернулся. День стал ещё прекраснее. Круглившиеся шариками мороженого, тучи странным образом испарились, освободив бескрайний простор воздушного Океана. Под ним, как под куполом Тихоня чувствовал себя в полной, неослабевающей безопасности, словно в незримых родительских руках, мягко и любовно поддерживающих своё дитя.

Срочных дел на сегодня больше нет и можно послушать ещё немножко тихий концерт леса перед тем как отправляться в Центр Воздействий к господину Овалу...

2

Центр Воздействий логично располагался в центре Города и никто не находил этот факт неуместным или неправомерным. В Городе вообще всё было прямоугольно, уместно и строго логично, чем отчего-то восхищались экскурсо-

воды, учителя и прочие наставники. Они взахлёб делились (кому сколько позволяла осведомлённость) всевозможными фактами, гипотезами и историческими доказательствами подтверждающими величие разума побудившего возвести столь сложное рукотворное чудо. Вслед за посвящёнными, убеждённые неоспоримой силою аргументов, начинали восхищаться обработанные ими туристы, ученики и прочие граждане. И эта замечательная взаимосвязь сама по себе тоже укладывалась в определённую логику и вызывала восхищение.

Приближаясь к монументальному зданию Центра Воздействий, Тихоня не то чтобы был восхищён, но глядя на устремлённые ввысь неохватные белые колонны, на статуи в нишах, а в особенности на всем известную конную группу, парившую где-то недосыгаемо высоко, под облаками, он несомненно был преисполнен чего-то уважительного и чувствовал на себе испытующий взгляд прошедших времён...

Узнав на Главном Входе где находится Служебный, Тихоня долго шёл налево до угла, чтобы повернуть и столько же идти до высоких деревянных дверей с большой золотой (а может и не золотой) пространной плитой, на которой выдающимися буквами было объявлено «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД». Не переставая чувствовать уважение и приложив немало усилий, Тихоня отодвинул толстенную дверь и проскользнул внутрь. Ломоть света, пытавшийся составить Тихоне компанию, отрезанный мягко затворившейся дверью, тут же рас-

сеялся, бдительно уничтоженный стражником-тьмой. А, помилованный, Тихоня постоял несколько секунд и в ленивом болотном свете надписи «Выход», разглядел налево другую, намного меньше, стеклянную двустворчатую дверь. Войдя в неё, он обнаружил, что теперь нужно повернуть направо и проходить в следующую, такую же. Пройдя через эту, Тихоня с интересом открыл новое направление – снова направо, через то же препятствие. Преодолев его, Тихоня очутился перед поворотом налево с логичным стеклянным, двустворчатым проходом дальше. За ним, к счастью, уже просвечивало что-то вроде комнаты с полукруглой аркой. Так и оказалось. Помещение было проходным – налево виднелась дверь с надписью «Отдел Кадров», направо освещённый проход. Тихоня огляделся. Вариантов больше не было и он пошёл на свет.

За аркой тянулся пустой с гладкими жёлтыми стенами и сводчатым потолком коридор шириною в два человека. От начала до конца Тихоня машинально насчитал двадцать шагов и увидел узкий проход влево, за которым его встретил улыбающийся пожилой служитель охраны в форменной одежде.

– Здравствуйтесь, вы к кому? – спросил он, не снимая с лица улыбки.

– Добрый день. Я к господину Овалу, – отвечивал Тихоня и для убедительности выставил вперёд, предусмотрительно захваченное с собой, приглашение. Охранник, загля-

нув мельком в бумагу, просиял ещё ярче.

– Прошу вас, проходите, пожалуйста! – проворковал он, делая радушный жест ладонью по направлению к широченному, уходящему в даль коридору налево от себя и направо от Тихони.

– А как мне..., – начал тот.

– ...найти кабинет господина Овала? – нежно закончил охранник. Тихоня кивнул.

– Сейчас объясню. Это очень просто...

И охранник ни на секунду не переставая улыбаться, подробно рассказал Тихоне, как добраться до цели его прихода. Тихоня слушал внимательно, стараясь запомнить хотя бы основные моменты предстоящего путешествия. «Как он не устаёт постоянно улыбаться? – подумал Тихоня. – У меня и то уже лицо болит!..». Охранник ему не понравился. Тихоня почему-то представил, как он с ласковой улыбкой дубасит какого-нибудь не желанного гостя своей дубинкой и передёрнул плечами...

– Что-то не так? – озабоченно спросил служитель охраны и на миг улыбка растаяла.

– Нет-нет, спасибо, – поспешно ответил Тихоня. – Я всё понял, большое спасибо за помощь!..

– Пожалуйста, пожалуйста! – снова расплылся охранник. Тихоня поскорее отправился в путь.

– Всего хорошего! Удачи! – раздался сзади масляный голос.

Красная ковровая дорожка с зелёными полосами по краям мягко гасила шаги. Коридор, по которому шёл Тихоня был шириной с небольшую улицу в каком-нибудь южном городке и не менее колоритен. Огромные люстры на высоких сводах заменяли солнце, а бело-жёлтые стены со сверкающими золочёными рамками зеркал, картин, бра, напоминали лавки сувениров. В стенах с обеих сторон кое-где виднелись глубокие ниши. В них прятались массивные деревянные двери наподобие тех, что встретили Тихоню с улицы, но по размерам намного более скромные. На них не было никаких табличек и пока Тихоня проходил мимо ни одна из них не открылась, оставив за собою каждая свою тайну. Примерно, посередине «улица» прерывалась такими же широкими проходами в обе стороны. Тот, что направо был короток и упирался в большую неосвещённую лестницу. А левый дугой уходил куда-то вправо, за угол. Тихоне, по словам охранника, не нужен был ни тот ни другой проходы и он продолжил движение в самый конец, где следовало повернуть налево, и идти пока не увидишь грузовой лифт. Далее, не обращая на него внимания, двигаешься дальше и когда справа появится лестница, поднимаешься по ней на второй этаж. На котором будут три двери. Если войдёшь в среднюю, попадёшь на балкон. По нему проходишь до другой лестницы. Поднимаешься по ней ещё на два этажа. Там обнаруживаешь полукруглый коридор и идёшь по нему направо. Затем очень важно не перепутать и войти в пятую по счёту дверь

слева и увидев перед собою крутую лестницу вниз, не пугаться, а смело спускаться на один пролёт. И вот тут, если Тихоня сделает всё правильно, он неминуемо должен предстать перед дверями лифта, закрытыми пока. А чтобы они открылись нужно нажать на кнопку вызова и после того как Тихоню впустят, желательно быть особенно внимательным и найти кнопочку с буквами О и С, что означает «Отдел Созидателей». Убедившись, что это та самая кнопочка, можно спокойно её нажимать и мигом окажешься в нужном месте. Ну а уж там тебя встретит симпатичная секретарша и считай, что ты в надёжных руках. Она сделает всё, что пожелаешь, даже предложит чаю...

Охранник во всём оказался прав. Кроме секретарши. Выйдя из лифта, Тихоня не попал в надёжные руки, как было обещано. Он стоял в небольшом, вытянутом поперёк, холле без окон, с бордовыми крашенными стенами, серым ковровым покрытием, пустым письменным столом прямо и дверью направо, точно такой же как и те, тайные, мимо которых он проходил внизу. Только на этой блестящей пластине с мелкими буквами. Лифт сзади шумно захлопнулся, сердито приглашая двигаться дальше. Тихоня подошёл к двери и прочёл на жёлтой металлической пластине выдавленную внутрь чёрную надпись – «Начальник Городского Отделения Управления по делам Созидателей, г-н Овал». Тихоня огляделся. Если секретарша и есть, то она скорее всего за этой дверью. Тихоня наклонился и прислушался. Ничего

не услышав, он помялся и осторожно постучал. Никто ему не ответил. Он постучал громче. За дверью по-прежнему было тихо. Тогда с чувством выполненного долга, Тихоня взялся за скользкую, горбатую ручку и нажав, приоткрыл дверь. За нею был не кабинет, а ещё одна комната. Тихоня просунул голову и увидел, что в ней также никого нет. Помедлив, Тихоня решил, что не сделает ничего дурного если войдёт и шагнул за порог. Эта комната была уже совсем другой – чуть меньше, но выглядела несравнимо богаче своей соседки. Стены сверху и не доходя, примерно, метра до пола украшали бежевые полотняные обои с золотым рисунком, а дальше вниз шли деревянные резные панели тёмного тона. Слева от двери стоял длинный и глубокий диван из чёрной кожи. За ним в углу серебрился высокой стройной ножкой металлический гриб светильника с перевёрнутой вверх шляпкой. Такой же стоял в следующем углу после большого окна, опиравшегося на золотого цвета прямоугольную решётку отопителя. За вторым светильником располагалась длинная и узкая, открытая многоярусная тумба. На ней и в ней чего только не было. На верхних ярусах безупречными рядами стояли тонкие белоснежные чашки в блюдцах, разнокалиберные чайнички, на красных салфетках лежали выложенные веерами маленькие ложки, высились горки построенных по росту бокалов, миниатюрные вазочки, и какие-то деревянные коробки с золотыми замочками. На нижних, такими же идеальными стопками лежали разноцветные полотен-

ца и салфетки. Тумба деликатно прерывалась перед глянцевой деревянной дверью с инкрустацией. Далее следовала пустая стена упиравшаяся в ту дверь, в которую вошёл Тихоня. Посередине комнаты, точнее ближе к дивану стоял низкий овальный столик с розовой каменной столешницей в деревянной лакированной оправе. С не менее чем шестиметрового (как вычислил Тихоня) потолка, каскадом свисала сверкающая тысячами гранёных капель люстра. Смотревшаяся, правда, несколько непропорционально по отношению к величине комнаты. И всё это великолепие завершал снизу наборный паркет из разных пород дерева. Тихоня знал это потому, что видел нечто подобное на картинках, которые показывал один его бывший друг, работавший в мастерской по изготовлению на заказ такого паркета. Друг очень гордился своей работой и говорил, что стоят эти заказы баснословно дорого. Больше разглядывать было нечего и Тихоня подошёл к окну. Оно выходило во внутренний двор. Напротив, освещённая солнцем, желтела гладкая чистая стена с редкими окнами. Из-за слепящей стены окна казались тёмными и сквозь них ничего не было видно. Во двор тоже заглянуть не удалось – этому мешал безупречно зеркальный, высокий каменный подоконник, на глубине которого могли бы с комфортом разместиться двое взрослых людей и само окно состояло из двух частей с обширным проёмом между ними.

«Если эта каморка такая шикарная, – подумал Тихоня окидывая ещё раз взглядом комнату, – то какой же тогда

должен быть кабинет этого Овала?!». Будучи немного угнетён окружающей роскошью, Тихоня решил повременить с походом за дверь с инкрустацией, перевести дух, и присел на кромку дивана. В конце концов, он никуда не торопится и может подождать здесь пока кто-нибудь не появится...

Сидеть на краю было не очень-то удобно. Хитрый диван всё время соблазнял соскользнуть вглубь. Тихоня долго боролся, но в итоге, уступив занывшей спине, сдался на милость победителя. Диван, казалось с нетерпением ждал этого и шаркнув кожей принял Тихоню в свои объятия. По всей спине тут же побежали мурашки удовольствия и добежав до затылка, заставили лицо блаженно улыбнуться. Тихониной скромности пришлось признать свою полную и безоговорочную капитуляцию.

«То-то говорят, Центр Воздействий вкусное место! – думал Тихоня, поглаживая прохладную кожу дивана. – Я бы тоже не захотел отсюда уходить!.. Интересно, какую работу они мне предложат?.. Впрочем... не всё ли равно?.. Однако, надо будет попроситься на экскурсию в Главный Зал... И в Запретную Зону... А может вообще разрешат побродить тут одному?.. А что? Попрошу о малюсенькой услуге... Я ведь скорее всего откажусь от предложения?»

Он как-то по новому огляделся и нашёл теперь, что ни в люстре, ни в наборном паркете, ни в чрезмерной позолоте нет на самом деле ничего необычного. А если видеть это каждый день, так и совсем всё становится обыденным и неза-

метным... И вдруг, так же обыденно как вообразил себе Тихоня, дверь с инкрустацией отворилась и из неё выглянул пожилой мужчина. Он был в сером костюме и голубой рубашке с расстёгнутым воротом... Тихоня вспомнил его. Когда ходил с родителями сюда на Демонстрации этот человек был на картинках в программке. Только сейчас он постарел – поседевшие волосы отступили, освободив большую часть лба и были зачёсаны назад, лицо располнело, благодаря чему почти не имело морщин, но кожа при этом стала тонкая и прозрачная, а глаза когда-то большие и красивые теперь красноречиво говорили о болезни сердца или почек. Тихоня он тогда понравился и неискушённый ребёнок убеждённо посчитал, что это самый талантливый из всех Деятелей. Он что, и есть тот самый Овал?..

Тихоня поднялся и поздоровался. Мужчина с интересом разглядывая Тихоню быстро подошёл, протягивая руку:

– А-а! Вы, полагаю, и есть тот самый Тихоня? – голос у него был мягкий и добрый.

– Да.

– Это я вам написал, – он взял Тихоню за локоть. – Присядемте?

– Вы господин Овал? – уточнил Тихоня.

– Так точно, – улыбнулся Овал. – Имечко, конечно, не очень, но... выбирать не приходится – это ведь моё официальное имя. А то, другое, – он наклонился к Тихоне, – звучит ещё хуже, так что... впрочем, вам это не интересно!..

Он присел на край дивана, как это сделал вначале Тихоня. У него это получилось очень естественно и обаятельно. Он прямо держал спину и во всём его облике чувствовалась наработанная выправка. Тихоня невольно расправил плечи и опустил рядом.

– Уважаемый Тихоня! – начал Овал. – Видите ли... я, скажу прямо, немного обманул вас. И прошу за это прощения! Я сейчас всё объясню... Дело в том, что послание, которое я вам направил не совсем верно отображает суть дела. Оно, так сказать, отвлекающий манёвр... или, виноват, прикрытие... Не люблю это слово, но мне пришлось так поступить. Об этом меня попросил один наш общий знакомый... точнее, знакомая. Я вижу, вы до конца не понимаете, но сию минуту поймёте... Так вот, я позвал вас по просьбе глубокоуважаемой мною... эээ... Сирены...

– Сирены!!! – не поверил ушам Тихоня. – Какой Сирены?..

– Эээ... если не ошибаюсь, той самой у которой вы когда-то учились во Втором Фи...

– Да где же она?!! – вскричал Тихоня.

– Она здесь, – удивлённо приподнял брови Овал, не ожидая такой реакции, – у меня в кабинете...

Тихоня вскочил и ринулся в сторону кабинета. Потом остановился и обернулся к Овалу.

– А это точно она? – подозрительно спросил он. Овал растерялся:

– Ммм... Видите ли, молодой человек... я знаю её уже лет тридцать. Думаю, я не мог ошибиться и с большой долей вероятности можно предположить, что это именно она!..

– Значит она вернулась? – спросил Тихоня, чувствуя как радостно запрыгало сердце.

– Эээ... возможно... если она куда-то уезжала, то...

Тихоня взялся за ручку двери. Это не могло быть правдой! Сирена жива, здорова и её можно увидеть... здесь и сейчас... вот за этой дверью!.. Он решительно распахнул её и сделал шаг.

– Осторожно, там шумопоглощающий занавес!.. – слышались сзади слова Овала.

Но Тихоня уже раздвигал на ходу и углублялся в тяжёлые бархатные складки...

3

– Может не надо было так резко его перемещать?

– А что? Он же не рассыпался!

– Всё же, это немного...

– Что? Грубо, вы хотите сказать?..

– Ну... он, конечно, тренированный, но не до такой же степени...

– Вы, дорогая Сирена, слишком добры!

– Я же всё-таки женщина... забыли, дорогой Сторож?

– Ах, да! Простите!..

– И вам бы, кстати, не помешало быть чуть помягче...

– Дорогая, если я стану помягче, то вот такие лопухи будут шастать туда-сюда, всё портить и нарушать Равновесие!..

– Давайте не будем к нему излишне строги, он вёл себя в рамках. По крайней мере, старался...

– Да уж, я знаю! Можно его шлёпнуть по щеке?

– Ну что вы такое говорите?!

– Хе-хе-хе, я пошутил дорогая Сирена, не бойтесь, я буду нежен!

Тихоня почувствовал, что ему массируют уши и открыл глаза. Это был не сон. Над ним склонился Сторож. Он несколько не изменился – всё тот же худой, светловолосый юноша с большим носом.

– О! Просыпается спящая красавица! – констатировал он. – С добрым утром!

Тихоня попытался приподняться.

– Осторожно, не упади, – снисходительно сказал Сторож, выпрямляясь. Тихоня увидел, что лежит на сдвинутых стульях в очень знакомой обстановке. Такой знакомой, что голова быстро прояснилась. Он сел. Сторож, поправляя складки своей пышной белой накидки, отошёл к стоявшей поодаль Сирене. Она была тоже как-то странно одета. Так наряжались древние Деятели, в те времена когда не умели ещё искусно превращаться и подстраховывались специально сшитыми костюмами на тему Демонстрации. Ти-

хоня видел изображения этих Деятелей в учебнике. На Сирене было гладкое коричневое платье с длиной до самого пола юбкой «колокольчиком». На плечах полукружьями выступали декоративные валики, а вокруг шеи стоял высокий белый воротник. Волосы, аккуратно убранные, держала сверху небольшая блестящая диадема.

– Тихоня, дорогой! Прости, пожалуйста, нашего друга Сторожа, за некоторую резкость его методов. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь?

– Вроде жив, – откликнулся Тихоня, приглядываясь к Сирене. – А вы мне не снитсясь?..

Сирена рассмеялась:

– Нет, это не сон!.. Я рада приветствовать тебя, Тихоня, в старых стенах! – утихо склонив голову, сказала Сирена. – Узнаёшь?

– Узнаю, – ответил Тихоня. Учебный Зал во Втором тоже не изменился, если, разумеется, это был он...

– Какой ты недоверчивый, – улыбнулась Сирена. – Но ты прав, это почти тот же самый.

– А что с настоящим? – поинтересовался Тихоня.

– К сожалению, он перестал существовать. Из него сделали туристическую лавку, – ответила Сирена.

– Почему именно он? – спросил Тихоня осматриваясь.

– Я нарочно выбрала это место... Оно когда-то стало отправной точкой, пусть будет ею и теперь.

Сирена подошла и села рядом с Тихоней. Она выглядела

так же как восемь лет назад, когда они разговаривали последний раз. И, как тогда, её черты будто бы светились изнутри... Тихоня обрадовался, что она вот так просто сидит перед ним, реальная... целая и невредимая...

– Простите меня! – пробормотал Тихоня и ему захотелось плакать.

– За что? – с улыбкой спросила Сирена.

– Я совершил какую-то ошибку и подвёл вас! Но я так и не отыскал её!.. – сказал Тихоня.

– Успокойся, ты сделал всё правильно...

– Но как же?.. Из-за меня ведь вы... у вас...

– С чего ты взял? – Сирена обняла его за плечо. – Твоей вины нет в том, что со мной произошло.

Тихоня недоверчиво посмотрел на неё.

– Правда-правда, – подтвердила Сирена. – Ты здесь абсолютно ни при чём... Я сама во всём виновата. Роль спасителя затянула меня и я потеряла осознанность... Пришлось расплачиваться за свою гордыню. В том нет ничьей вины, кроме моей... Так что, если ты терзаешь себя, то напрасно. Бросай это никчёмное занятие!..

– Спасибо!.. Словно плиту каменную таскал! – признался Тихоня.

– Не стоит... Мне надо было давно появиться и развеять твоё чувство вины! Так что это ты меня прости!

– Вы совсем вернулись? – спросил Тихоня. – Или...

– В обычном смысле я уже не вернусь, – ответила она. –

Но ты очень скоро всё поймёшь...

– Я извиняюсь, – подал голос Сторож, всё это время демонстративно изучавший помещение. – Дорогая Сирена! Я, конечно, понимаю у вас важный разговор, но вы не забыли для чего мы собрались... ЗДЕСЬ?

– Нет, дорогой Сторож, я не забыла! – Сирена взяла Тихоню за руку. – Тихоня, я... то есть, мы... хотели встретиться с тобой для того чтобы поблагодарить тебя!

– Это за что же? – удивился Тихоня.

– За то что ты, двоечник, сдал свой Зачёт! – громко сказал Сторож.

– Да нет... – Сирена недовольно посмотрела на Сторожу. – Мы благодарны тебе, что ты не отказался выполнить свою работу. Не без ошибок, конечно, но ты её сделал. И нам поручено пропустить тебя дальше...

– Постойте, дорогая Сирена, – вмешался Сторож. – Это не по Правилам, вы же знаете! Надо произвести разбор дела... хотя бы вкратце!..

– Да-да, простите, – согласилась Сирена. – Прошу вас.

– Ну, наконец-то! – Сторож выступил вперёд и прокашлялся.

– Итак, – торжественно сказал он, вынул из-за спины лист бумаги и заглянул в него. – Что мы можем сказать по существу вопроса?.. Присутствующий здесь Ученик Тихоня имел следующие задачи:

Первое – осуществлять постоянный контакт с Учени-

ком Волком и, опосредованно, с Мастером Ведьмой.

Второе – осуществлять постоянную Защиту вверенных ему людей, объединённых для этого в соответствующую Группу Созидателей Школы Деятелей.

Третье – неуклонно следовать своим, **СОБСТВЕННО-ЛИЧНЫМ**, – какое замечательное слово! И где я мог его слышать?! – ... эээ..., – он заглянул в бумагу. – Да... упомянутым путём, невзирая ни на какие препятствия. Выводы и оценки:

По первому пункту – выполнено хорошо, однозначно Зачёт.

По второму пункту – выполнено удовлетворительно, скорее Зачёт, чем нет.

По третьему пункту – выполнено удовлетворительно, в целом Зачёт.

По совокупности проделанной работы, произведённых выводов и оценок, выставляется общий... **ЗАЧЁТ!** Ученик может двигаться дальше, комиссия умывает руки! – скороговоркой закончил Стороож и спрятал бумагу.

– Вот и хорошо! – улыбнулась Сирена и встала. – А теперь...

– Можно спросить? – остановил её Тихоня.

– Конечно.

– По поводу защиты... Я не помню чтобы кого-то защищал!

– А разве ты забыл, как помог Стеблю или Молчуну? –

спросила Сирена. – Как после спас Группу?

– Спасать Группу была не моя затея, – отмахнулся Тихоня. – Это Шаман.

– Но он бы не справился без тебя и потом... я же сказала, что «не без ошибок»!

– А как же другие? – спросил Тихоня.

– Какие другие? – не поняла Сирена.

– Ну... ведь я не всем помогал. Некоторые не просили о помощи..., – заметил Тихоня.

– Тем не менее они тоже нуждались в тебе, – ответила Сирена.

– Вот как? Интересно...

– Так же как и ты в них. Ваши пути на время пересеклись и вы взаимно влияли на... друг на друга.

– Зачем? – спросил Тихоня.

Сирена задумалась на секунду и промолвила:

– Каждый человек... любой человек, с детства формирует свою часть видимого и невидимого Мира. Он смотрит, слушает, обоняет, осязает, думает и постепенно создаёт вокруг себя свою, поначалу небольшую, но, можно сказать, Вселенную. А общаясь с другими людьми, делая те или иные выводы из происходящих с ним событий, он дополняет и обогащает её определёнными свойствами, закономерностями... и познаёт себя, как центр своей Вселенной, как её создателя и вместе с тем, как частицу Мира. Безусловно маленькую частичку, но имеющую свободу выбора, творче-

ства и одинаковую первооснову с другими частичками...

– Но ведь мы знаем, что Вселенная это что-то бесконечное, огромное, которое даже и не представить себе!.. – сказал Тихоня.

– Верно, – ответила Сирена. – Ровно в той же степени как и то, что каждая точка пространства является его центром, точкой отсчёта... а также как и то, что каждый человек это центр Вселенной... Своей... Той, которую он каждый день создаёт и развивает. А размеры твоей Вселенной зависят от тебя... И твоя Вселенная так же бесконечна потому что бесконечно познание...

– Но тогда..., – вздохнул Тихоня. – Моя так мала и однобока!

– Да нет, – Сирена снова села рядом и взяла его за руку. – Ты ошибаешься. Просто тебе стало тесно в ней... Пришло время её расширять! Ты же сам это чувствуешь... Разве не так?

– Может быть, – задумчиво улыбнулся Тихоня. – Звучит складно...

– Ещё бы! – усмехнулась Сирена.

– А куда вы меня пропускаете? – вспомнил Тихоня.

– Не спеши, – Сирена легонько похлопала Тихоню по руке и встала. – Всему своё время...

– Вы там будете со мной? – спросил Тихоня.

Сирена покачала головой:

– Нет, Тихоня, меня там не будет...

– А если мне понадобится помощь? Кто ответит на вопросы? Вы же меня знаете, я люблю приставать с вопросами!

– Ты не нуждаешься в помощи, – ответила Сирена. – Но если возникнут вопросы, тебе есть к кому обратиться.

– Да? И кто же это? Я его знаю или ещё нет? Вы можете хотя бы намекнуть, что меня ждёт впереди? И что я должен делать?..

– Не беспокойся, Тихоня. Всё получится. Не ты первый, – улыбнулась Сирена. – Дам тебе только один маленький совет... Не стоит пытаться узнать всё сразу!

– Вот именно! – бросил реплику Сторож, не отрываясь от разглядывания опущенных оконных штор. – Если попробуешь выпить за один раз бочку, то помрёшь! А если потихоньку, то будет хорошо... и вкусно!

– Нам пора, – сказала Сирена. Тихоня поднялся. Она протянула ему руку, как равному.

– Удачи тебе, Тихоня! – ласково сказала Сирена, мягко пожимая ему ладонь. – Выясняй КТО ты и ЗАЧЕМ. Иди своим путём. Чувствуй и Слушай!

Тихоня всегда хорошо помнил эту фразу и хотел сказать Сирене, что безмерно благодарен за неё. Он было открыл уже рот... Но Сирена приложила свой палец к его губам и исчезла.

– Отправляйся, тебя ждут... – услышал он её удаляющийся голос.

– Понял? – грозно сказал Сторож, зайдя наполовину в стену. – Веди себя хорошо, а то я приду и...

Он не договорил и скрылся. Тихоня остался один. Стены Учебного Зала немедленно задрожали, распадаясь на мелкие квадратики, и через несколько секунд, развеялись в разные стороны. Вместо Второго филиала Центра Воздействий появилась Учебная Комната Группы Белого Дракона. Она была пуста, окна закрыты, а тусклый свет ламп с большими металлическими плафонами, как всегда пожирался чёрнотой стен. Которые в свою очередь также затрепетали и маленькими чёрными лоскутами легко разлетелись неизвестно куда...

Тихоня стоял в знакомой кухне. Сквозь волнующиеся прозрачные занавески, из окна, лучился весёлый светлый день. Под окном стоял стол, за которым сидела женщина лет пятидесяти с лишним, в длинном крупновязанном, коричневом свитере, очень коротко стриженная, с круглыми глазами, и ела мороженое из большой суповой тарелки. Это была Ведьма...

– Добрый день, – просто сказала она. – Садитесь, Тихоня...

– Спасибо, – с подозрением ответил Тихоня, опускаясь на свободный табурет рядом со столом.

– Угощайтесь, – предложила она. – Пока не растаяло. Тихоня молча озирался. Кухня выглядела, как настоящая. В точности как та, что в квартире у Волка и Ведь-

мы. Таких квартир и таких кухонь, наверное, ещё много. Маленькая, тесная, со старой раковиной, растерявшей свою эмаль, еле дышащей газовой плитой, растрескавшимися серыми дверцами шкафчиков, сто лет не деланным ремонтом, таким же древним холодильником и неизменной, в цветочек, пластиковой клеёнкой на столе. Химический запах которой Тихоня не переносил... Но у Волка с Ведьмой она почему-то не пахла и бывая у них в гостях, Тихоня всякий раз удивлялся этому мистическому факту... Куда же он попал?..

– Вы не сошли с ума, не бойтесь, – сказала Ведьма, сосредоточенно рассасывая большой кусок мороженого.

– Это хорошо, – оценил Тихоня.

– Хорошо, – подтвердила она. Справившись с ледяным куском, Ведьма вытерла рот салфеткой и посмотрела на Тихоню. – Поговорили с Сиреной?

– Да, – кивнул Тихоня.

– Хорошая женщина, интересная... Вы хотели что-то спросить?

– Я? – растерялся Тихоня. – У кого?

– У меня, – спокойно ответила Ведьма.

– Ну... я не знаю, – замялся Тихоня. – Вообще-то это она сказала, что меня кто-то ждёт...

– Хм! Да, правильно...

Ведьма о чём-то задумалась, глядя на Тихоню круглыми, чёрными глазами и чуть улыбаясь. Ему стало не по себе и

он спросил:

– А где Волк?

– В магазин пошёл. Так вы мороженое будете? – Ведьма указала длинным пальцем на располовиненный брикет.

– Нет, спасибо, – вежливо улыбнулся Тихоня. – Что-то сегодня аппетита нет... Столько событий!..

– Да, согласна, – сказала Ведьма, убирая остатки мороженого в холодильник.

– А вы что... в курсе? – осторожно спросил Тихоня.

– Конечно, – между делом ответила Ведьма. Тихоня пощупал стол. Он был твёрдым, каким и полагается быть столу. Кухня не распадалась на квадратики и не разлеталась лоскутами в стороны. «Это уже всерьёз и надолго...», – подумал Тихоня.

– Всё в порядке, Тихоня, не волнуйтесь! Вы можете уйти, когда захотите, – сказала Ведьма, перекладывая использованную посуду в раковину.

– Да нет, уходить не хочется, – признался Тихоня. – Хотя пока и не ясно, что дальше...

– Дальше?.. – улыбнулась Ведьма. – Мы с вами займёмся азбукой!

– Чем?! – не понял Тихоня.

– Азбукой жизни, – пояснила Ведьма. – Тем, чем занимаются маленькие дети.

– А чем занимаются маленькие дети? – спросил Тихоня. Ведьма рассмеялась:

– Вы сообразительны, как никогда, Тихоня!.. Дети учатся ходить, говорить, кушать, общаться, играть и так далее...

– А я не умею это делать? – с улыбкой спросил Тихоня.

– Тихоня, я вас люблю, ей богу!.. – засмеялась Ведьма. – Вы что же, правда не поняли, что с вами произошло?

Тихоня пожал плечами:

– Нуу... Сирена сказала, что...

– Так, – подбодрила его Ведьма. – Что она сказала?

– Что я... прохожу... куда-то дальше...

– Так, – подтвердила Ведьма.

– Что я буду расширять свою Вселенную...

– Ну вот! – улыбнулась Ведьма.

– Что?

– Вы уже прошли!

– Куда?

– Туда где вы будете это делать... и где продолжите познание. Вы перешли в пространство, ещё не созданной вами и пока не освоенной новой части вашей Вселенной... И вам предстоит овеществить её, изваять, начертать, одухотворить!.. По сути, вы начинаете самое прекрасное, самое интересное, самое глобальное Творчество, какое только возможно! Но, в отличие от детей, вы в лучшем положении – над вами нет родителей, воспитателей, учителей, навязывающих свою картину...

– А вы? – спросил Тихоня.

– Моя задача проста – если вы спросите, я постараюсь ответить, по-возможности, максимально нейтрально, не повредив вам наставлениями или воспитанием. Всё будете делать вы сами. И в этом смысле, вы переходите на другую ступень. Если выразиться поэтически, то вы рождаетесь из своей прежней Вселенной, вступая в новую, которую вам предстоит ещё сотворить!.. – Ведьма погрозила Тихоне пальцем. – Вы как всегда заставляете меня повторяться!

– А что будет с моим прежним пространством? – спросил Тихоня.

– В чём-то оно поможет вам. Своим опытом... Я ведь тоже частично оттуда. А вообще... не заботьтесь об этом. Вы выросли из него... Не будете же вы пытаться носить свою детскую одежду? Может быть потом, когда-нибудь, вы достанете её из пыльного сундука и улыбнётесь вспомнив своё детство. Ошибки, глупости и так далее... Но теперь... те наработки вам не пригодятся, оставьте их.

Тихоня задумался.

– Да, Сирена права... Ведь я чувствовал это!.. – сказал он и посмотрел на Ведьму. – Я чувствовал, что произойдёт что-то замечательное и готовился... только не знал к чему именно. И вроде всё успел доделать...

– Верно, – улыбнулась Ведьма. – Но если бы не доделали, вас не пустили бы дальше...

– А что теперь? – спросил Тихоня.

– Да ничего особенного. – спокойно ответила Ведьма. –

Отправляйтесь домой... Не забывайте только о том, что вы в новом пространстве. Не пугайтесь, будьте внимательны, наблюдайте. Вы увидите много интересного и необычного... Постарайтесь не оценивать и не думать о том, что увидите. Просто пока смотрите и всё.

– Понял! – сказал Тихоня и сосредоточился, по привычке, на возвращении...

– Тихоня, – услышал он удивлённый голос Ведьмы. – Вы что хотите сделать?..

– Я... вернуться... хотел, – неуверенно произнёс Тихоня.

– Куда?! – спросила Ведьма. – Вы уже на месте, дорогой друг!..

– А как же мне... – забормотал Тихоня, соображая.

– Добраться до дома? – спросила Ведьма. – Очень просто. Так же, как и всегда. Вам подсказать?

– Нет-нет, я сам... Конечно же сам, – озадаченно проговорил Тихоня и сконфуженно улыбнулся. – Видно, до конца не поверил... всё-таки!

– Видно, – Ведьма опять рассмеялась своим немного демоническим смехом. – Пойдёмте, провожу вас до двери. Сами-то выйти сможете?..

– Смогу, – рассеянно сказал Тихоня.

– Может Волка подождёте? – спросила Ведьма.

– Нет-нет... потом... свяжемся, – ответил, вставая, Тихоня.

Ведьма проводила его до дверей и открывая, сказала ему:

– Вы, Тихоня, умный, храбрый, добрый человек. У вас всё получится. Главное – не бойтесь себя и не пускайте страх в своё новое Творчество. Пусть ваша Вселенная не знает страха! До встречи!

Эпилог

– Я бы не хотел подписывать твоё заявление, – сказал Шаман и положил лист перед собой. – Мне кажется, ты совершаешь большую ошибку. Если честно, я бы тебя не отпустил...

Они сидели в новом кабинете нового руководителя Отделения Созидателей. Шамана назначили буквально неделю назад и к его приходу отремонтировали подходящую комнату неподалёку от вестибюля. Поближе ко входу и чтобы долго не искать. Кабинет был не шикарный. Выкрашенные, в цвет коридора, светло-голубой краской двери, за ними небольшое, продолговатое помещение с письменным столом, стеклянным шкафом для книг, несколькими стульями, маленьким гостевым диванчиком и журнальным столиком. Шаман считал и это роскошью, заявив, что будет бывать в своём кабинете не чаще одного раза в неделю... Он вышел из-за стола и присел на диванчик рядом с Тихоней.

– Ты уверен, что поступаешь правильно? – спросил он серьёзно.

– Вполне, – ответил Тихоня улыбаясь.

– Ну что ты всё время скалишься? – недовольно сказал Шаман. – Ничего смешного... Лучше бы толком объяснил почему уходишь!

– А вот вы мне тоже объясните, – парировал Тихоня. –

Зачем я вам сдался? Я что лучший Ученик, что ли? Так ли я бесценен, чтобы оставлять меня в Школе, а?

– Я же тебе говорил, – страдальчески сдвинув брови, сказал Шаман. – Мне нужен помощник... по связям с Центром Демонстраций во-первых, и для работы здесь, в Школе, во-вторых!

– А я вам ответил, – с улыбкой сказал Тихоня. – Что не хочу во-первых, и не могу во-вторых!

– Про первое ты мне и не заикайся даже, – махнул рукой Шаман. – Я этого не понимаю! И никогда не поверю, что тебе больше хочется сидеть и писать книжки, зарабатывая себе искривление позвоночника и дальновзоркость!

– Близорукость, – поправил Тихоня.

– Да какая разница!.. А вот что значит «не могу» мне не постичь.

– Так ведь...

– Да-да, знаю... я знаю про твой дом в лесу. Но сколько ещё ты будешь его строить? И потом это же не далеко, наверное, а?..

– Триста километров.

– Хм... да... Ну и что? Приезжал бы не каждый день, что такого?

– Да нет дело не только в этом.

– А в чём? Что, ты хочешь сказать семья тебе не позволит заниматься интересным делом?

– Семья-то позволит, – с иронией ответил Тихоня. – Вот

только быстро заметит моё постоянное отсутствие и поднимет бунт на корабле. И будет права. А я сдамся и вот тогда подведу вас по-настоящему. Лучше ведь не входить в дело вовсе, чем выпасть из него посередине? Я правильно излагаю?..

– Да правильно, правильно..., – Шаман вздохнул и посмотрел в окно. – Гляди, какая погода чудная! Давай на выходных за город, а? Только не к тебе. Куда-нибудь поближе... Пригласим Свирель, Волка с Ведьмой, детей возьмём...

– Кстати, – воскликнул Тихоня. – А почему бы вам не взять в помощники Свирель?

Шаман повернулся и взглянул на Тихоню:

– Ты серьёзно?

– Очень даже, – подтвердил Тихоня, довольный своей неожиданной мыслью.

– Хм!.. А почему бы и нет? – задумался Шаман. – Считаешь, она справится?

– Никуда не денется! – уверил Тихоня.

– Ну так что? Ты точно решил? – Шаман поднялся, потягиваясь. – Уходишь?

– Точно, – уверенно ответил Тихоня.

– Воля твоя! – Шаман подошёл к столу, поискал ручку и со вздохом подписал заявление.

– Забирай свою бумажку! – сказал он, отдавая Тихоне лист. – Глаза б мои её не видели! Хотя бы иногда-то можно тебя отрывать от драгоценной семьи, лесной ты человек?

– Можно, – весело ответил Тихоня. – Иногда можно!

– Ну и на том спасибо! – шутливо поклонился ему Шаман. – Всё, проваливай, у меня работы много! Жене и детям привет передай!..

– Передам! – улыбнулся Тихоня и пошёл на выход.

– Да... про выходные не забудь! – бросил вдогонку Шаман, зарываясь в бумаги.

– Хорошо! – Тихоня закрыл за собой дверь и пошёл по коридору. Через две секунды она снова открылась:

– И всех пригласи! – раздалось за спиной. – И мне напомни, пожалуйста... я уж точно забуду!..

Тихоня вышел по коридору в Музейный Зал, оттуда в Нижний Вестибюль и, попрощавшись с вахтёром, ступил на солнечную улицу, где ощущался прохладный ветерок с большой реки, протекавшей через весь Город ровно посередине. Погода действительно была великолепна и убедительно призывала не заниматься сегодня бумажными делами увольнения из Школы. Тихоня быстро согласился с её доводами и отправился поскорей в сторону Проспекта, наколдовывая себе по ходу пустой и быстрый фургон до дома. С транспортом в этом Городе всегда были проблемы!..